

НИКИТА ЧИРКОВ

ВНОВЬ

Никита Владимирович Чирков

ВНОВЬ

Серия «ВНОВЬ», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69929149

SelfPub; 2023

Аннотация

В колонии Монолит на Кома – второй экзопланете системы ИМБ – с трудом уживаются религиозное население церкви Наставления и Техгруппа – небольшая научная команда под руководством Андрея Дикисяна. По приказу столицы Опус она проводила раскопки старого города Аврора и нашла там Осколок – странный артефакт неизвестного происхождения. Техгруппа решила оставить открытие в тайне, но новоприбывший с Опуса Бэккер оказался против этих планов. Его стремление забрать Осколок, как и истинная цель прибытия, вносят серьезный разлад в Техгруппу, закручивая причинно-следственные связи в клубок лжи и манипуляций. Когда ставки возрастают достаточно высоко, религиозно настроенное общество церкви Наставления вступает в конфликт с руководством Монолита, требуя ареста Техгруппы и запрета научных экспериментов на планете. При любом исходе этот долгий день изменит будущее Монолита и планеты Кома навсегда.

Содержание

Из тьмы...	5
2	13
3	19
4	25
5	30
Письмо 1	36
6	39
7	46
8	52
9	57
10	62
11	67
Письмо 2	73
12	76
13	82
14	92
15	96
16	103
17	111
Письмо 3	118
18	121
19	125
20	132

21	137
Письмо 4	145
22	148
23	152
24	160
25	162
26	173
Письмо 5	178
27	181
28	189
29	195
30	200
31	205
Письмо 6	212
32	215
33	223
34	228
35	235
Запись 7	240

Никита Чирков

Вновь

Из тьмы...

Внезапные стуки по двери показались ему предвестником встречи с истинным проявлением всемогущего зла, способного добраться до него даже здесь. И если окружающий мрак провоцирует появление образа самой смерти, то полный энергии заботливый женский голос по ту сторону двери способствует обузданию нечеловечного страха. Но, вопреки спасительному порыву покинуть эту ненавистную тесную комнату, оцепенение настигло его прямо перед дверью. Природа же столь жуткого состояния имела объяснение: немислимое позволило ему оказаться здесь и сейчас, но вместо хоть какого-то удовлетворения или благодарности внутри кричало твердое и небезосновательное: «Ты не заслужил этого!»

Неприятный скрип створок и слишком яркий свет из коридора не испортили встречу Бэккера и Анастасии. Молодая девушка с золотистыми волосами и немного бледноватой, но при этом красивой кожей, чьи большие зеленые глаза были полны доброты и любопытства, хотела войти. Но Бэккер рез-

ко приблизился к ней, после чего перешагнул порог и закрыл дверь за своей спиной.

– Привет. Что, даже не вступишь?

Бэккер пытался подбирать слова, но каждый раз, неуверенно открывая рот, тут же закрывал его обратно.

– Эй, не спеши, все хорошо. Небольшое смятение вполне ожидаемо в твоем состоянии, я оттого и постучала, чтобы ты не испугался звонка, а то их громкость и для коренных-то жителей чересчур. – Бэккер продолжал молчать. – И, кстати, твои выпавшие волосы – довольно редкий побочный эффект, поздравляю. А вот истощение меня немного пугает. Ты вообще не ел эти два дня, что ли? – Молчание продолжалось – Бэккер, ты точно хорошо себя чувствуешь? Выглядишь... каким-то слишком измотанным и еле живым. Если что-то беспокоит или болит...

– Нет, – нетерпеливо вырвалось в желании скорее сменить тему. – Я в порядке. Спасибо.

Дабы не привлекать к себе излишнего внимания, он быстро принял решение сосредоточиться на том самом деле, ради которого проделал трехмесячный путь на звездолете от родной планеты Опус до нынешней Комы. Нахмутив брови и сложив руки на груди, он произнес уже более серьезно:

– У тебя ведь есть список кандидатов?

На что Анастасия с кивком сказала протяжное:

– Даааа, а еще он есть и у тебя. – После чего указала на его правый запястье со словами:

– Вообще-то я тебе переслала его по внутренней сети вместе с общими правилами и законами Монолита, которые, надеюсь, ты тщательно изучил.

Бэккер на мгновение показался рассеянным, но сразу же сориентировался и взглянул на напульсник, где на гибком, облегающем предплечье экране мигала маленькая белая точка от входящего сообщения.

– Ты можешь организовать мне встречу с Андреем Дикисяном?

– Эм, да. Но я его первый и, как это ни странно, единственный заместитель, так что если тебе что-то нужно, то...

– Отведи меня к нему. Пожалуйста. – Слова Бэккера прозвучали достаточно холодно и требовательно, дабы на лице Насти проявилось смятение, что, уже в свою очередь, подтолкнуло его ослабить тон и срезать углы. – Заодно у нас будет время на экскурсию. Можешь рассказать мне, чем живет великий индустриальный Монолит.

– Сомневаюсь, что есть что-то, чего ты еще не знаешь.

– Можешь рассказать о себе.

Смятение на ее лице оказалось достаточно ярким, чтобы создать неловкое молчание. Подобное состояние имело свои корни, ведь Бэккер умудрился забыть, как за две недели до прилета на Кому она позвонила ему по видеосвязи для курирования. Обычное знакомство плавно переросло в непривычную для обоих симпатию, где простая дружба постепен-

но перестала подходить под критерий их отношений. Они общались каждый день по несколько часов вплоть до приземления звездолета, где, прежде чем получить доступ к городу Монолит, ему необходимо было провести два дня в изоляции, пока тело не без помощи стимуляторов привыкнет к новой для него планете.

– Извини, – поспешил он объяснить свое поведение. – Сложные два дня, так что спиши на побочный эффект мою... некомпетентность, хорошо?

Не проронив и слова, Настя пошла вперед. Бэккер не просто последовал за ней – он держался за свое упрямство, дабы смотреть вперед и ни в коем случае не оборачиваться. К его несчастью, сочетание тяжелого воздуха, неоднородного запаха то ли серы, то ли гари, да еще и однотонные тесные стены коридора с холодным светом создали очередное испытание на пути адаптации. Значительную долю трезвости принесла охрана в бронированных черно-серых скафандрах, чьи лица закрыты под цельным шлемом. Сначала двое с оружием встретили их на выходе в общий зал с таким же низким потолком, что и в коридоре с комнатой. Потом был еще один то ли солдат, то ли охранник, но уже почему-то без оружия. Он спешно двигался куда-то по своим делам к лифтам справа вдали. Несмотря на полное отсутствие глазных прорезей, Бэккер почти уверен, что на какое-то мгновение смог наладить зрительный контакт в момент пересечения траекторий. Это излишнее привлечение внимания и помогло чуть-

чуть забыть о дискофортe Монолита, где даже окружающая пустота ни разу не избавляет от чувства давления государственного блока, печально заключил Бэккер. К счастью, задерживаться надолго он тут не планирует.

– Заходи, Андрей написал, что скоро будет.

Не успел он заметить, как Настя привела его в переговорную. Три монитора на стене, круглый сенсорный стол в центре с шестью стульями. Не прошло и пары минут, как через противоположную входу дверь ворвался Дикисян и сразу же обратился к гостю:

– Так, Настя – мой прямой заместитель, доверяю ей безотлагательно. Собирайте команду, летите на Целестин и изучайте этот спутник, сколь нужно. Ресурс есть, связь есть, Эфир осведомлен и поможет, Настя будет курировать вашу экспедицию отсюда, как и отвечать за обеспечение всего необходимого для успешности этого задания. – Дикисян говорил быстро и четко, стараясь отстреляться и закрыть все вопросы, дабы скорей вернуться к своим явно безотлагательным делам. Подобная, неестественная для начальника расторопность зародила в Насте нешуточную тревожность, только вот сделать она с этим ничего не успела.

– Планы поменялись. Сначала я встречусь с Петром Грантом.

Андрей и Настя кратко переглянулись.

– Кандидаты готовы. Выбирай лучших и лети на Целестин. Условия изменения не предусмотрены.

Не успел Андрей развернуться, чтобы уйти, как Бэккер произнес краткое и зловещее:

– Теперь предусмотрены!

Это бескомпромиссное самонадеянное заявление было произнесено с завидным бесстрашием перед значительно более взрослым человеком, не имеющим в привычке сносить наглость.

– Ты не у себя дома на Опусе с прислугой, а...

– Как и ты, Андрей. Ты не коренной Монолита. Я не хуже тебя знаю, как и что здесь происходит. Как и знаю, что ты отведешь меня к Петру, хочешь ты этого или нет.

Изначально формальное знакомство преобразилось в конфликт характеров. Причем все понимали: разница в возрасте подпитывает борьбу не меньше, чем пропасть между должностями.

– Бэккер, – с неприкрытым от удивления холодом в лице и голосе обратилась Настя, а когда тот все же посмотрел на нее, то задала вопрос: – Зачем тебе Петр?

Их взгляды встретились с очень тонким, еле уловимым разочарованием в невозможности быть друг с другом чуть откровенней.

– Все это не важно. – Терпение Андрей кончилось. – Ты либо работаешь с тем, что дают, либо...

– Я знаю, что вы расконсервировали Аврору не просто так.

Мрачный взгляд Андрея искал объяснений от Насти, но

та лишь медленно и кратко отрицательно помотала головой.

– У тебя нет доказательств. Твое слово против нашего.

– Ты права. Но, как сказал твой начальник, здесь не Опус. К научным достижениям тут относятся с опаской, не в последнюю очередь из-за чрезмерных трагедий. С учетом здешней религиозной идеологии лишнюю панику состряпать проще некуда. Козырев и так еле справляется с руководством этого... отсталого места. Не хочется еще больше все усложнять известиями, что вы нашли артефакт неизвестного происхождения и проводите с ним эксперименты в святом для здешних жителей городе Аврора.

То было скорее повествовательное сказание, будто бы он просто подводил печальный и разочаровывающий итог.

– И какова же воля Опуса?

– Никакая. Лишь мы четверо знаем про Осколок. Не хочу это менять.

Тишина начинала давить, сам Бэккер ощутил неприятный осадок от этой встречи, разделив с остальными разочарование. Андрей адаптировался с опозданием, что выражалось в сложных мыслях под завесой молчания, результатом чего стал с трудом произнесенный вопрос:

– Ты прибыл сюда, чтобы забрать Осколок на Целестин. Зачем?

– Я не хочу конфликта столь же сильно, сколь вы не хотите и дальше рисковать с чуждым артефактом. Будет лучше, если мы оставим формальность и просто сделаем то, что

должны, ради безопасности маленького Монолита и большого Опуса нашей общей солнечной системы ИМБ, – твердо подвел итог Бэккер и вышел за дверь, вновь удивив своей пугающей властностью и заразив неприятной интригой.

2

Путь до поезда прошел безмолвно, а редкие пересечения взглядов лишь нагнетали и без того напряженную атмосферу. Пожалуй, думала Настя, высказывания ее коллег о слишком юном возрасте для должности заместителя все же возымели доказательную базу. Ибо как же так она смогла столь слепо довериться некогда добренькому, веселому и в меру дерзкому Бэккеру, что... а вот что? Вина есть, только вот в чем? Про Аврору и Осколок она не могла проболтаться, как и дать доступ к внутренней сети Техгруппы. Значит, утечка была в другом месте. Но зачем тогда Бэккер был так добр с ней, так общителен – и да, влечение присутствует, но то было взаимным... а было ли? Ей хочется выругаться, но воспитание не позволяло такую слабость на людях, особенно рядом с Андреем. Его тяжелый, полный опыта и мудрости взгляд выдавал работу мысли столь громко, сколь она и представить не могла. Когда Бэккер занял одно из мест по правой стороне среднего из трех вагонов, Настя хотела было уже выкроить время и извиниться перед начальником за потерю контроля над заданием, но Андрей внезапно оказался метрах в пяти позади. Только она сделала шаг к нему, как он отключил напульсник и, направляясь к поезду, сказал тихо: «Я запущу».

Уже внутри она села рядом с Андреем на скамье спиной к левому окну, дабы держать Бэккера в зрительной доступ-

ности. Его взгляд то ли что-то искал в открывшейся каменисто-песочной равнине, где лишь на горизонте виднеются небольшие возвышенности, то ли боролся с чарующим оранжево-черным оттенком безжизненной окрестности тридцати километров между огромным Монолитом справа и маленькой Авророй слева.

– Я ничего ему не говорила, – произнесла Настя тише обычного, ибо сам поезд в магнитном тоннеле издавал мало шумов, лишь пару каких-то скрипов в хвостовой части отвлекли ее, да и то, скорее, как она решила, вновь показалось, после чего продолжила: – Как бы он ни выведал про Осколок, я узнаю и докажу, что...

– Это не важно. – Андрей все размышлял о своем.

– Эй, я понимаю и принимаю свою вину. Позволила этому выскочке выйти из-под контроля, но, раз ему известно, значит, среди нас...

– Уже не важно.

– Тогда объяснишь, где твои мысли витают? Извини, конечно, но я тебя таким не видела уже... да и не вспомню, если честно.

Упрямый взгляд Насти все же возымел влияние.

– Я думаю, никакой утечки нет. – Настя нахмурилась. – Это Опус приказал лезть в Аврору, забыла? Мы здесь двенадцать лет, и лишь в прошлом году они дали приказ изучить старый город. Восемь месяцев работы, как мы чудом находим Осколок, и вот появляется он и знает про него, хотя да-

же Козырев не в курсе. Цепочка слишком последовательная для совпадения.

– И что нам делать? Просто отдать и...

– Я вот тут думаю: а почему нет? Сама посуди: Опус славится своевольностью, чуть ли не каждые полтора года придумывая новый проект исследования, требуя забыть старый, при этом, как мы с тобой знаем, последствия и человеческие жертвы их совершенно не волнуют.

Настя видела в этом человеке осадок прожитых лет слишком отчетливо, что не могло не вызвать сопереживание с тяжелым смирением перед несправедливой реальностью, где научная группа Андрея изначально была между двух огней: технократичный и всемогущий Опус с одной стороны и религиозный индустриальный Монолит с другой. Но было в его жизни кое-что еще.

– Давно разговаривал с Родой?

Удивление от этого вопроса быстро сменилось желанием тактично пресечь его, да вот только не успел он и слова сказать, как у Насти случилось разочаровывающее осознание очевидного:

– О нет! Когда я тебя позвала утром, ты общался с ней, да? Прости, моя ошибка, я виновата. Должна была догадаться, что если и есть кто-то, ради кого ты бы так торопился вопреки работе, то это Рода.

– Все-все, хватит, успокойся. Ты не знала, а я мог и отказаться.

– Как она там?

– Она... она нормально.

У Насти с Родой всегда были сложные отношения, как девочки-одногодки, они соревновались почти во всем, но проблемы с родителями были лишь у одной. Когда появился шанс, Рода ушла в археологию и при первой же возможности устроилась в команду Копателей, став первой женщиной в суровом ремесле по изучению Комы на практике. Сейчас они исследовали пещеры в паре сотен километров от Монолита, на северо-востоке – работа долгая, грязная и опасная. Не сложно догадаться, как отец-одиночка отнесся к такому решению непростого характера единственной дочери.

– А мы... – Настя осмотрела вокруг и тихо спросила: – Как быстро едем?

– В половину обычной скорости, – с хитрой улыбкой сказал Андрей от удовольствия, что она наконец-то заметила и ждала продолжения. – Ты помнишь, что он сказал: лишь мы четверо знаем про Осколок. Но ведь это не так.

Настя с трудом сдержала приятное чувство от возвращения контроля над ситуацией и того, что начальник умеет держать удар.

– Я им написал: Осколок спрячут, Петя включит дурака. Посмотрим за реакцией пацана, там и решим, какую карту разыграть. Но сдастся мне... – Голос его сменился на тяжелое смирение с грядущими проблемами. – Все далеко не просто так.

– Может, все же предупредить Козырева? Генерал вряд ли обрадуется скрытому от него конфликту между столицей и колонией.

– Пока не стоит. Ты видела дополнительную охрану в нашем блоке – ему бы гражданский конфликт разрешить мирно.

– До сих пор не верю, что все так плохо. Казалось, вот-вот – и первый полет на спутник Комы знаменует новый этап, дак еще и на столетие Монолита – это же лучший момент забыть старые обиды. Но нет, мы идем на уступки Бэккеру, еще и рискуем...

– Ты давно читала Наставление?

Лицо Насти выразило объемное удивление таким вопросом от такого человека.

– Не смотри так, ты здесь коренная, данная религия лежит в основе Монолита, вам ее с пеленок преподают.

– Вообще-то, она пришла сюда с Опуса, если ты забыл.

– Как раз таки Опус ее и забыл. Но я про другое. Не помню, есть ли там что-то конкретное насчет возвращения Матери и Отца, но многие люди всерьез верят, что на столетие должна вернуться наша прародительница, что «создала нас в мире тьмы для...» и дальше по цитате.

– Андрей! – Настя все еще удивлялась столь расстилающейся мысли по поводу Наставления. – Ты на старости лет решил приобщиться к Церкви?

– Я рад, что тебе весело. Но скажи мне, каковы шансы,

что прагматичный до невозможности Опус отправил Бэккера именно на годовщину Монолита ради древнего артефакта, который был найден в развалинах Авроры, которая, в свою очередь, является святым местом для жителей религиозного Монолита?

Андрей так и не дождался ответа.

3

Последние несколько часов перед получением предупредительного сообщения от Андрея Клот находился в одном из верхних помещений Авроры, чьи окна как раз выходили в сторону Монолита. Вид был завораживающим: в ночное время огни города выступали чарующим маяком среди угольной черноты, придавая этому примитивному дизайну интриги. Четыре квадратных блока: северный, южный, западный и восточный. По двести этажей каждый, они находились на одинаковом расстоянии, а пространство между ними заполнилось строениями лишь до высоты пятнадцатого этажа, центральным из которых была большая больница крестовидной формы. Правда, отсюда видны лишь четыре основных блока с тонкими линиями окон, ведь массивная оборонительная стена по периметру поднималась до высоты двадцатого этажа. Все было окружено шестидесятиметровой стеной с воротами для поездов, большая часть которых отправлялась на северо-восток, туда, где проходили работы по добыче полезных ископаемых.

Возведенный город был окружен равниной со всех сторон по нескольким причинам: равная доступность до самых важных на данный момент областей планеты, отличный запас для будущего расширения, и, что не менее важно, само плато было выбрано из-за высокой прочности плиты. Этот во-

прос был поставлен первым после того, как половина Авроры провалилась под землю из-за землетрясения, ознаменовав окончание первого города. А оставшаяся половина кольца Авроры удачно сохранилась именно со стороны Монолита, став памятником первых людей на Комере. Клот любил это тихое, полное исторических предметов место, где, вопреки воспитанию и образованию, все же доверился веянию Наставления. Клот долго игнорировал хоть какую-то ценность древнего писания, но многие строки здесь каким-то образом нашли свой отклик и стали складываться в нечто осмысленное.

Клот всмотрелся вдаль, увидел поезд и моментально выбежал из импровизированного кабинета, где занимался архивированием артефактов. Спустился на уже современном лифте с пятого этажа прямо во двор, половина которого также была превращена в месиво камней и остатков строения. Там, прямо по центру завала, уже была раскопана и укреплена шахта, откуда как раз и получилось достать Осколок. Внутри шахты, где потолок был укреплен под специально расчищенной площадкой, стояло несколько двух с половиной метровых экзоскостюмов, причем некоторые были разобраны, дабы укрепить другие, тем самым скрывая человека внутри оборудования еще лучше, чем обычно. Клот не особо любил эти цельные железные костюмы и экзоскелеты для работы в шахтах. Как-то уж слишком они забирают часть человечности, по его все более популярному среди граждан мнению.

Сам Петр проводил исследования в возведенной в ранней столовой Авроры лаборатории, которую они так и называли: «Столовая». Когда Клот вошел в Столовую, Петр сидел на стуле за пустым столом и активно записывал что-то ручкой в большой дневник с толстой обложкой и ремешком. Внутри набито много дополнительных листов и парочка конвертов. Ныне, как и всегда, Петя так ушел в эти научные записи, что не замечал всего вокруг. Сам Осколок был закреплен на манипуляторах внутри прозрачного куба два на два метра в центре Столовой.

– Ты читал сообщение? – Клот говорил, как всегда, быстро и уверенно. Когда Петр наконец поднял голову, тот уже доставал специальный ящик со стеллажа по левой руке.

– Нет. – Петя был высоким и тучным, немного сутулым и неповоротливым, но при этом с добрым детским лицом, чей характер когда-то славился оптимизмом с правильным идеализмом. – Что ты делаешь?!

– Забираю Осколок и прячу его – на время. И пока ты не начал меня пилить, дружище, знай, что к нам едут Андрей и Настя, а с ними сам чужеземец Бэккер!

Поставив чемодан на стол и открыв его, Клот взглянул на сильное сомнение друга и, положив руку на плечо, с заботой произнес:

– Он пришел не из-за тебя. Чужеземец как-то узнал про наш камешек и... И он знает, что ты здесь с ним, но не знает про меня, так что я спрячу его, пока они не пришли, что

случится уже с минуты на минуту.

Клот нажал на панель управления, стекло поднялось, и еще пара кнопок заставила манипуляторы опустить артефакт вниз.

– Я не понимаю, почему Андрей вообще ведет его сюда, если хочет скрыть Осколок?

– Аналогично, друг мой. Аналогично.

Клот аккуратно взял Осколок и, пока помещал его в специальный кейс, Петр не сводил глаз с этого очень деликатного процесса, борясь с желанием прервать напарника и сделать все самому. Осколок был важен для него больше, чем кто-либо мог представить. Казалось, все в нем создано специально для него: черно-фиолетовый прямоугольник в тридцать сантиметров длиной и двадцать шириной. Чуть ли не брусок, он был тяжелым и неровным, словно его спрессовали из мелких камней с разными краями. Замок кейса щелкнул при герметизации, и не успел Клот сделать шаг, как Петя вновь поддался недовольству происходящим.

– И что мы делаем? Ты просто уйдешь на часок-другой, а они разыграют спектакль? Что за чушь!

Клот остановился и взглянул Петру прямо в глаза, сказав настойчиво и чуть ли не по-родительски строго:

– Восьми себя уже в руки! Сейчас они придут, и ты должен будешь прикрыть нас всех, ясно? Верь, что все получится, и так оно и будет.

– Это ты у нас свернул на тропу Наставления, я же оста-

уюсь прагматиком, и я говорю тебе, что раз этот Бэккер знает, значит, просто так не получится спрятать его. Ложью мы лишь все усугубим.

– Во-первых, пошел ты, Наставление тебе куда полезнее, чем мне. Во-вторых, я не прошу верить в Мать и Отца, лучше верь в Андрея и его план!

Для них подобные цапанья были в норме, тут удивляться было нечему.

– Куда ты пойдешь? К Катарине на Тишь?

Клот хотел было дать отрицательный ответ, но осекся, борясь с принятием столь сложной для него идеи из-за эмоционально плохого расставания с Катариной, почти приблизивший их к разводу.

– Нет. – Он бегло осмотрелся, ища, на что переключить внимание, и сразу же нашел: – Я надену скафандр, уйду к восточному входу, там, где мы оставили один из джипов, и если что, то спокойно смогу убраться отсюда своим ходом.

– Заодно сможешь спрятаться в Монолите прямо на виду.

– Хах, хорошая мысль, солдаты и охрана ныне теперь носят эти скафандры поголовно, так что воспользуемся шансом, если что.

– Эй, – серьезнее заговорил Петр, пока Клот надевал громоздкий костюм и уже собрался накинуть цельный шлем. – Если со мной что-то случится или я... – Клот специально не подавал виду. – Скажи Ингрид, что я... Я сожалею и всегда сожалел. И я благодарю ее за то... ну, что она была рядом.

Клот надел шлем, зафиксировал его и, взяв кейс, сказал:

– Дневник бы свой спрятал лучше, чем драму нагонял, ага!

– Тут много личного... думаешь, могут изъять?

– Если нет результатов исследования, то... Короче, убери его к моим, все равно обложки общие, да и партию заказывал я, так что на тебя не подумают.

В этот момент пришло сообщение: «Пять минут». Клот с ящиком ушел в противоположную сторону от Столовой, прямо через большой двор, мимо шахт и модифицированных экзоскелетов. Петр же быстро отключил компьютеры и защитный бокс, но сам дневник спрятать в комнате Клота среди десятков его личных писем так и не успел.

4

За непродолжительное время в пути Бэккер успел уснуть столь крепко, сколь резким взрывом вышло его пробуждение от легкого касания Насти. Вспотевший и растерянный, он с трудом выровнял дыхание и взял себя в руки. Настя сказала Андрею о сложной адаптации на Кома, когда помощь инъекций и таблеток не дает стопроцентный результат, хотя сокращение срока с двух недель до двух дней все же стоит своей цены.

Благодаря высоте Авроры в десять этажей внутри кольца создавалась своя изоляция от всего мира. Строение было уже местами покосившееся, а часть разрушений внутри и снаружи лишь добавляла необычной атмосферы запустения. Место обладало своей атмосферой манящего таинства, где периодически блуждающий ветер позволял тоньше ощутить свободу планеты, особенно после тесного Монолита. Но краткий путь до Петра сопровождался все тем же напряжением между всеми тремя. Петя встретил их, сидя на старом диване в самом дальнем углу, где был обустроен небольшой и простой уголок для отдыха.

– С тобой тут хочет познакомиться Бэккер и узнать про твои раскопки.

Голос и поведение Андрея были безмятежными, словно ничего особенного не происходит. Разумеется, наду-

манный примитивизм вызвал многозначительные взгляды. Правда, виновник плохого спектакля не просто проигнорировал столь дешевую наглость – он попросту перестал кого-либо замечать. Неопределенность чувств свела друг с другом пугающее для остальных презрение с болезненным сочувствием для него, вновь превратив Бэккера в глазах окружающих в другого человека. И только Настя хотела его окликнуть, дабы вырвать из странного наваждения этим местом, как он обернулся к Петру. Между ними был метр, один тянулся к другому с рукопожатием, как манера приличия невинного человека, желавшего казаться добродушным. Бэккер ответил, в глазах родилось какое-то невинное любопытство, гасящее общее напряжение.

– Рад познакомиться.

В ответ Петя по-доброму улыбнулся.

– Как ранее сказал Андрей, у нас тут неспешные раскопки завала. Столетие назад часть скалы обрушилась... точнее, было землетрясение, которое создало трещину в плите. Половина Авроры упала в нее, и так как мы у горы, то и часть этой самой горы накрыла то, что уже было разрушено.

Неловкость Пети хорошо скрашивалась его естественностью, при этом Бэккер слушал его не без удовольствия.

– Так, – вмешался подозрительно добродушно Андрей, – вижу, контакт у вас налажен, общайтесь, я мешать не буду, минут десять у вас двоих есть. Справишься же без меня? – Не успел Петя среагировать, Андрей бодро подытожил: – Ну

и отлично.

После этих слов Андрей молча пошел в остальную часть Авроры. На выкрикнутый вопрос изумленного Бэккера ответила Настя, причем пониженным тоном и чуть ли не на ухо:

– Среди первых переселенцев с Опуса был дальний родственник Андрея, который погиб при... вот этом всем. Да, представь себе. Это большая тема для него и всей его семьи еще с «этих» времен. Теперь можешь понять, почему он не хотел сюда.

Во время этих слов Настя увидела в глазах Бэккера что-то человеческое, понимающее. С неменьшим смыслом глубокой значимости Петя добавил:

– Он до сих пор трепетно относится к комнате своей дальней бабули, что-то типа могилы. Большинство тел так и не нашли после обвала, так что... Аврора – это общий памятник первых исследователей и колонистов нашей солнечной системы.

Немного дав осесть одной из историй этого места, взявшая инициативу Настя решила направить разговор в выгодную сторону:

– Бэккер ищет какой-то осколок. Тут находил что-нибудь странное?

– Ну, мы нашли много осколков... всяких разных. Если есть описание или...

– Ты же сможешь предоставить полную опись имеющего-

ся?

– Да, разумеется.

Сложив руки на груди, Бэккер начал топтаться на месте, все поглядывая вокруг в процессе жизненно важных поисков ответа на раздражающую своей хитростью загадку.

– Бэккер. – Настя проявила этакую заботу. – А почему ты решил, что здесь что-то есть? Я это спрашиваю из-за того, что Монолит – религиозное место, если услышал от кого-то про что-то древнее, то, скорее всего, лишь очередное слепое верование.

Упрямый взгляд Бэккера перескакивал с предмета на предмет, с бокса где ранее был Осколок на стеллаж рядом, с Пети на Настю, что создавало крайне неуютное напряжение. Удивительно, как мало Петя ожидал от себя эмоционального порыва.

– Я готов признать вину.

– Петя, молчи. Ты ничего не обязан ему говорить.

– Нет! Настя, я сам принимаю решение!

Удивление Бэккера была неприкрытым, уж слишком личное и болезненное прорывалось наружу из Пети.

– Я знаю, зачем ты прибыл на самом деле. Мы все знаем. И я хочу в оправдание сказать, что спрятать меня здесь была моя идея. Я настоял, нет – я заставил Андрея и Настю сделать это. Сначала они категорически отказались, но я сказал, что если меня отправят в Тишь или отдадут на суд толпы, то я вскрою всю правду о наших проектах! Все было так

и никак иначе. Они не виноваты, я виноват. Лишь я один. Моя оплошность, моя вина, мне и быть тем, кто понесет всю ответственность за трагедию, которую тут называют Немой Крик. Проект был инициирован только мной. Такова правда, и никакой другой правды нет и не будет. Я всецело признаю вину и готов понести наказание со всей строгостью!

Закончив решительно, Петя с трудом боролся с учащенным сердцебиением и потливостью. Заботливая Настя подошла к нему и дала понять без слов, что он может расслабиться и посидеть. Потом развернулась к Бэккеру с твердым желанием закончить этот допрос и уйти, но, увидев его пронзающий холодный взор, потеряла дар речи.

– Продолжайте работу, Петр, – неожиданно скромно и понимающе сказал Бэккер и после паузы продолжил: – Покажете шахту? Я бы хотел узнать о ваших раскопках.

Простота и невинность этой просьбы казалась инородной. Но дать ей развиться и посмотреть шанса не представилось. В мгновение всех их объединил самый настоящий страх, присущий моменту неопределенной угрозы. Сначала было небольшое землетрясение на какие-то жалкие пару-тройку секунд, а потом нечто громкое взорвалось, прекратив не только тряску почвы и здания, но и отключив все оборудование со светом. Пожалуй, Настя и Бэккер так и списали бы произошедшее на плохое настроение планеты, да вот только открытый страх Пети с последующим бегством не позволили это сделать.

5

Петя уже и думать забыл о сохранении тайны с по-настоящему искренним откровением перед Бэккером. Он бежал впереди всех, напрямую через двор, в противоположную сторону от Столовой, сквозь недлинный коридор, а там прямо к гаражу. При этом, если снаружи был человек, сконцентрированный на цели, то внутри бушевало чувство вины за тот кошмар, который рисует его воображение. Но стоит отметить: Петя переполнен жутким мучением не совсем из-за происходящего сейчас, скорее, из-за невозможности пресечь очередную трагедию. Слишком часто ему кажется, что он приносит несчастье одним своим существованием.

Внутри гаража не оказалось ни джипа, ни Клота. Петя сначала и вовсе впал в недоумение, ведь, вычитая выбитые наружу ворота, толком ничего и не поменялось: справа под шатрами все так же стоял большой грузовик и еще один старый джип, небольшой склад слева же неизменно был заполнен ящиками. Но чем больше он уделял внимание окружению, тем лучше замечал повреждения всех поверхностей в центре гаража, где и был ранее транспорт. Словно некая сила заставила все вокруг разогреться до высоких температур и в момент начала плавления сразу же сменила гнев на милость, сбавив температуру, что позволило зафиксировать искаженный металл, бетон и все предметы в радиусе того са-

мого взрыва. Пока он разглядывал эти необычные искажения, Бэккер и Настя уже прибежали, но шанса задать вопрос Пете у них не было, ведь со стороны появился Андрей.

– Что тут случилось? Вы в порядке, все целы? – Андрей скорее наводил суматоху, что, несомненно, бросилось в глаза Насте.

– Мы все целы. Услышали взрыв или, я не знаю, что-то, и Петя привел нас сюда.

Андрей с трудом собирал мысли в единое целое, аккуратно оглядывая всех в этом помещении, он быстро пришел к жизненной необходимости как можно скорее взять ситуацию в свои руки. Простой способ подавить в зародыше возбудителя беспокойства был применен сразу же, как только глаза Андрея пересеклись с мрачным взглядом Бэккера:

– Ты закончил. Возвращайся к своему заданию. Все, что здесь произошло, конфиденциально. Любая жалоба или претензия дойдет до меня только через официальное письмо. А какой-либо шантаж понесет за собой ответную реакцию!

– Где ты был? – Бэккер потерял все сомнения в собственной правоте.

– Я тебе говорила!

Бэккер проигнорировал Настю.

– Уж слишком удачно ты покинул нас и вернулся лишь сейчас. – Напор не сбавлял оборотов.

– Я не собираюсь перед тобой оправдываться!

– Мне не нужны оправдания! Мне нужна правда, пока еще

есть время все исправить! Вы все утаили от меня Осколок, состряпали банальную ложь и вынудили Петю нести за вас ответственность. Посмотри вокруг! Тебе не кажется, что ваша авантюра вышла из-под контроля, что наглядно показывают следы всплеска энергии Осколка!

– Откуда ты знаешь, что это он? – Петя всерьез заинтересовался словами Бэккера.

– Не разговаривай с ним.

– Андрей, посмотри вокруг. – Петя был взбудоражен и испуган одновременно. – Я не знаю, что произошло, а он знает, и если иного варианта нет, то пусть говорит!

– Сначала тогда пусть расскажет, откуда он узнал.

– А я не знал. – Бэккер специально дал паузу, дабы закрепить свою власть, ведь дальнейшие слова окончательно позволили ему доминировать в этой ситуации. – Но ты, видимо, забыл: Опус дал приказ вскрыть Аврору. Не думали, что время выбрано не просто так? Вот именно, мы знали, Осколок здесь, но ваши отчеты не пестрили подробностями. Значит, вы либо не нашли его, что, несомненно, маловероятно, либо лжете. Я сделал ставку на последнее, и я оказался прав!

Петя подошел к Бэккеру с неподдельным любопытством.

– Зачем им вообще эта штука?

– Не знаю.

– Вранье! – Андрей не скрывал своей, непривычной для окружающих, злости.

– Думай что хочешь. Но я не просто так решил собрать

команду на Целестин. Хотя здесь сами догадаетесь почему?

– Это Осколок разрушил Аврору?

– Молодец, Петя, с первой попытки.

Настя заняла позицию между Андреем и Бэккером.

– Почему ты сразу нам не сказал?

– Настя, а почему лгали вы? Вот именно, доверие – штука сложная, особенно когда в руках камешек столь мощный, что уничтожает все вокруг себя.

Все трое переглянулись тем самым взглядом осознания собственного просчета, ведь Бэккер обладал большим знанием, следовательно, и властью.

– Нужно сообщить Козыреву.

Настя делала ответственный вывод, всерьез ожидая поддержки от Андрея в столь непростом вопросе, но он лишь больше закопался в размышления. Подобный разлад был замечен Бэккером и использован для своей выгоды.

– Нельзя. – Весь ее вид кричал о неприязни к идее этого человека. – Я понимаю, кажется разумным оповестить власть Монолита, но что будет, когда они узнают о силе Осколка?

Никто не ответил. Настю же озарило слишком простое открытие:

– Петя, ты пытался с ним связаться?

Внутри Пети оживилась вина, ведь тяга к знаниям Бэккера оказалась сильнее, чем переживание за жизнь своего пропавшего друга. Срочно и мельтеша, он колебался между по-

пыткой позвонить Клоту и просто выбежать на улицу через выбитые ворота, ведь вдруг он тут рядом, еле живой или... Собрав мысли, Петя все же сделал оба дела одновременно, а в это время Бэккер выразил удивление:

– С «ним» – это с кем?

– Его зовут Клот, – наконец включился Андрей, осознавая шаткость происходящего, он все еще искал удобоваримое решение. – Помогал Пете и занимался разархивированием Авроры. Я сказал ему спрятать Осколок от тебя, пока мы были в пути.

– Ну это просто «отлично»! Bravo!

Подошедший Петя пресек накаляющуюся обстановку:

– Клот не отвечает, транспорта нет. Я не знаю, где он...

– О чем вы с ним договорились? – Андрей стал проверять связь с Клотом на своем напульснике.

– Если что-то пойдет не так, то он вернется в нашу лабораторию, где сможет спрятать Осколок в изоляторе, и тогда его сигналы не получится отследить. И раз джипа нет, значит, он так и поступил. Такое мое предположение.

– Но тут был нехилый взрыв! – Настя сдерживала переживания. – Что могло его вызвать? Разве мог он спокойно пережить это?

– Мог! Прежде чем уйти, он надел военный скафандр.

– А теперь слушаем меня. – Андрей заговорил с позиции бескомпромиссного лидера. – Если он в лаборатории, то мы оказываем помощь и консервируем Осколок. Я уже вызвал

Диму и его ребят, он встретит нас на вокзале.

– Диму? – Бэккер выразил удивление.

– Он приписан к индивидуальной охране, ему можно верить, – успокаивающе сказала Настя.

– Легенда такая: новоприбывшему Бэккеру устроили экскурсию на Аврору, потом вернулись и уже в лаборатории решили обговорить его задание, которое, – Андрей сделал особый напор на эти слова, – он незамедлительно исполнит со дня на день!

Настя уже готовилась пресечь очередную битву двух упрямцев, как Бэккер сказал неожиданное для всех:

– Согласен.

Письмо 1

Я не знаю, как описать боль. Она невыносима и жестока. Естественна, как закон физики. Мне трудно, но описать надо, иначе она заберет все без остатка, что будет хуже простой смерти. Каждое слово дается с трудом, но с каждым словом чувствую движение времени. Это очень важно – понимать, что время движется. Рано или поздно мучение должно прекратиться не со мной, а само по себе, оставив меня в покое. Время движется – тело привыкает. Мне бы хотелось больше никогда не знать эту невыносимую боль. Разум ищет любые условия для сделки. Этому нельзя потакать. Сделка будет проигрышем, условия всегда несправедливы, компромисс – это ложь. Путь такой уже пройден, ничего хорошего из этого не выйдет. Пора привыкнуть к этим мукам, смиренно ожидая их окончания. Лишь вера. На самом деле я пишу медленно. Слово и мысль перед ним даются с большим трудом. Не знаю, сколько времени прошло, но слов уже много, значит, есть еще шанс вытерпеть эту боль. Нужно детализировать, может, так получится разделить это на части. Изолировать. Все в голове. Все в голове. Все в голове. Боль реальна, но мне решать, как пережить ее. Кожа словно горит – если бы это было так, то дым был бы ощутим. Его нет, значит, нет и огня. Огня нет. Огня нет. Огня нет. Я не го-

рю! Знаки препинания – их надо ставить, чтобы был контроль, который должен побороть эту боль. Мышцы. Мышцы. Все мышцы не болят, это не боль, их скручивает, кажется, что они мне не принадлежат, хотят сбежать по своей воле, сталкиваются с другими – и начинается драка. А мне терпеть. Пока двигаюсь, ощущаю время, но остановка усиливает все. Надо писать во время остановок. Остановка останавливает время, муки становятся вечными. Надо писать. Контроль. Все время отвлекаюсь. Мозг кричит, что нога, или рука, или шея, спина, стопы, что там еще? Пальцы ног, икры и вообще все! Изнутри скребутся, делают больно, специально, мучают меня! Нет, стоп. Никакой личной воли. Все это побочный эффект. Побочный эффект. Побочный эффект. Так будет с любым. Я знаю это. Забыть такое нельзя. Давай. Пиши. Дышать тяжело. Воздух заканчивается. Нет. Нет. Воздух есть, я знаю это. Побочный эффект. Надо поспать, но времени нет, лишь движение. В момент отдыха писать. Пиши. Не дели на строчки, чтобы не было искушения в больших остановках. Не знаю, как еще далеко. Мне одиноко. Холод. Мне так холодно. Можно попробовать сжечь бумагу и согреться, но тогда негде будет писать. Писать надо. Без этого я не справлюсь. Все до сих пор болит. Когда же это закончится? Нельзя думать о том, как это случилось. Нельзя винить и злиться – это не помогает. Помогает контролировать время. Контроль? А есть ли? Что будет, когда все пройдет? Для чего все это? Может быть, лучше умереть здесь? Письмо

есть, тело найдут, узнают мои последние мысли и чувства – буду больше чем материя. Не хочу знать этот момент. Если и суждено умереть тут, в пустыне, то не хочу знать. Пусть само произойдет. Я и так слишком много знаю. Знания уже принесли мне боль. Мои знания принесли боль другим. Если я скоро умру, знай, кто это прочтет, что это смерть заслуженная. Я не могу оставить имя. Вреда будет много, последствий еще больше. Сгинуть тут будет во благо всем, забыть имя и человека поможет им двигаться дальше. Так много плохих решений, так много ужасных последствий. Тяжесть горя сильнее, чем физическая боль. Боль – она здесь, горе – оно от содеянного и грядущего. Горе в прошлом и в будущем, потому что я знаю, что было, и знаю, что будет из моих решений. Прочти это, сожги и порадуйся, что теперь все кончено.

Когда поезд двинулся в сторону Монолита, общее настроение было настолько неопределенное, насколько далеким казался приезд на Аврору каких-то пару часов назад. Солнце все так же окрашивает оранжевым оттенком равнину между вокзалами, подталкивая наших героев на необходимый контакт в этом тесном, темном вагоне. Было такое кричащее состояние вот-вот утраченной возможности закрыть некоторые вопросы до возвращения в город. Бэккер сел на то же место, но уже лицом к Монолиту, а Петя с Андреем сидели друг перед другом ближе к концу вагона. Настя пошла к Бэккеру, наладив зрительный контакт издалека. Она села перед ним, хотела что-то сказать, но нужные слова ускользали. Бэккер же боролся с головной болью, что, несомненно, отразилось на его лице и общем состоянии.

– Какая драма кроется за Петиним изгнанием?

– Я думала, ты знаешь.

Слова эти были с издевкой, но Бэккер не поддался на провокацию. Настя начала быстро и кратко, словно неприятный отчет, но сама не успела заметить, как в каждом слове образовалась своя глубина скорби:

– Проект был столь сложным и важным, что кто-то недоработал – человеческий фактор. Десять женщин погибли вместе со своими детьми. Монолит встал на уши. Люди бы-

ли в самом страшном отчаянии, быстро переросшем в злобу, столь жестокую, сколь неподконтрольную. Когда его пытались схватить, то под руку попали его жена и маленькая дочь. Озлобленная толпа – это страшно, Бэккер, очень страшно. Жена смогла пережить нападение... Там же мозг не думает. Слепой гнев и боль. Это толкает людей на то, о чем с опозданием они будут жалеть до конца своих дней. В нашем случае виновных в непреднамеренных смертях посадили в Тишь.

– А его на Аврору, подальше от чужих глаз, – подытожил Бэккер, поглядывая на Петин затылок впереди у правой стены поезда, где они с Андреем что-то обсуждали.

– Да. Официально он числится заключенным в Тишь. Но у людей туда доступа толком нет, лишь удаленная связь – и то под контролем тюрьмы. Козырев одобрил с трудом, все же Андрей обладает большим влиянием. Уступок для Пети стоил прилично.

– Что стало с Ингрид?

– Она-то была здешняя. Общее горе потери кое-как срезало углы.

С минуту они молчали. Тема была не из приятных, но Бэккер сделал определенный вывод и, взглянув на Настю, ощутил ненавистное одиночество из-за стены непонимания между ними.

– Есть причина. – Эти слова привлекли Настю. – Осколок нельзя оставлять. Поэтому я не говорил тебе ранее, чтобы сделать дело с минимальным ущербом.

– Но ущерб нанесен, дело не сделано. Так что оставь этот бред пока при себе.

Настя уже давно не чувствовала в себе такую злость из-за произошедшего и смятение перед грядущим.

– Ты вообще собирался на Целестин для раскопок? – выпалила она сквозь зубы, сверля его глазами.

– Да, – кратко и внушительно отрезал Бэккер. И пока она оценивала правдивость его ответа, он заговорил вновь, ведь и сам уставал быть в ее глазах лжецом: – Ты знаешь Монолит лучше меня, и не только потому, что коренная, а потому, что умна. – Настя не смогла сдержать саркастичную усмешку от этой фамильярности. – Я серьезно.

– Если все ради этой штуки, то почему прислали тебя одного? Андрею не верят, ну, допустим, но есть еще Козырев, можно...

– Нельзя. Эта «штука» обладает слишком большим потенциалом. Если Монолит обуздает его, то Опус получит серьезную угрозу. А если наоборот, то уже Монолит столкнется с и без того более сильным противником.

– Мы не враги, Бэккер.

– Не будь настолько наивна. Монолит за последние полвека стал слишком автономным, да еще и религиозным, в то время как Опус столь технократичный, что вот-вот и начнет видеть в твоём народе истинную угрозу порядка, который у них отлажен как часы. Вы отправляете немислимый объём ископаемых ресурсов на Опус раз в месяц – им такая зависи-

мость не нравится, но и менять привычный устой без потерь не выйдет. Пока эти две планеты нужны друг другу. Пока. Что будет, когда у одной из них появится новый источник энергии? Новая технология, новая... религия? Мир всегда временный.

– Если все так плохо, то почему не расскажешь Андрею или Козыреву? Почему я?

– Потому что тебя я знаю.

– Если ты решил меня так завербовать, то не получится.

– Я лишь ответил на твой вопрос. Сама принимай решения. Но я хочу всех спасти, и если ради общего блага придется принести малую жертву, то оно будет того стоить.

– Такие решения, Бэккер, должны приниматься единогласно. Слишком много власти для одного простого человека.

На это он уже ничего не ответил. Стена между ними стала толще, а сам он лишь укрепился в своей цели, ибо упрямство – это единственное, что у него осталось, и единственное, что никогда не подводило. Уже через несколько минут поезд подъехал. Но параллельно сложному разговору Бэккера и Насти был еще один, чья важность столь же велика для каждого из них.

Петя сидел лицом к Монолиту, Андрей же – спиной, желая иметь визуальный контроль над остальными пассажирами. Вопрос был задан в тот момент, как Настя села к Бэккеру.

– Почему Клот не поехал в Тишь?

– Ну, там нет возможности изолировать Осколок. А еще из-за Катарины. – Андрей нахмурился от этих слов. – Ты не знал? У них уже давно разлад. Может быть, из-за этого он стал большим поклонником Наставления. А может, наоборот.

– Мне не нравится его увлеченность этой религией. Мы ученые, люди науки, нам нужен критичный и трезвый ум, а он уже начинает ходить на молитвы и сборы чтения Наставления.

– Могу лишь сказать, что работе это не мешало.

– Слишком громкое заявление для наступающего кризиса.

– Андрей, не превращайся в параноика, пожалуйста.

– Через три дня будет столетие Монолита. И те люди, для которых Наставление – это главная книга, ждут возвращения той самой Матери и Отца в нашу жизнь, дабы наши возможные создатели указали путь на лучшее завтра, тем самым сняв ответственность с каждого из нас. – Андрей еще раз все обдумал и продолжил: – Сложи все, что мы имеем, и увидишь слишком странное стечение обстоятельств. Целестин, Осколок, этот Бэккер, теперь и Клот в нашем уравнении неопределенности. – Петя ожидал. – Мы слишком много пережили за эти двенадцать лет, да и осталось наших мало.

– Клот предан нашему делу.

– Он твой друг, потому ты и защищаешь его.

– Я думал, мы все давно друзья? Разве нас не объединяет общее бремя знания, общее клеймо, общие... последствия?

– Прозвучит странно, но сегодня тот день, когда я уже ничего не понимаю.

С пару минут они сидели молча. Андрей внимательно поглядывал на Бэккера и Настю, пока Петя не выпалил то, что ранее считал бессмысленным, но слова друга словно развязали ему руки.

– Я ненавижу тебя. Правда. Всех вас. Потому что я был виноват, а вы не дали мне...

– Совершить глупость.

– ...принять справедливое наказание! Я нашел этот камень потому, что ты убедил меня на раскопки ради великого блага. Потенциал столь большой, что если понять, обуздать и применить хотя бы часть его, то, да, как ты и говорил мне, я смогу компенсировать ущерб. Создать нечто великое, способное изменить жизни. Я даже не уверен, что он с этой планеты, потому что материал неизвестный, да и реакция на разные раздражители порой и вовсе отсутствует. Но я знаю, эта находка может не просто копить энергию, а наращивать ее, словно... живая батарейка. Осталось найти верный катализатор для проявления полного заряда, который, я почти уверен, сможет создать революцию в энергетике. Вот с чем я работаю, то, к чему ты меня привел. Так что сделай одолжение и соберись уже, наконец, потому что я не знаю, зачем мне еще...

– Поэтому нельзя отдать его Бэккеру. – Андрей поспешил прервать Петю на том слове, услышать которое он никогда не хотел. Сам Петя понял причину этого выпада.

– И как ты предлагаешь мне это сделать?

– Имитация уничтожения искусственным взрывом. Без объекта притязания Бэккер продолжит свои дела. Мы – свои.

– Он упрямый – думаешь, поверит?

– Выбора у него не будет.

Петя хотел уже спросить: «Что будет с Клодом?», – но поезд подъехал. Андрей сразу же встал, вновь оценил Настю и Бэккера для составления неприятного вывода и с тяжелым бременем вышел из поезда.

Образованный из трех мужчин отряд стоял в полном обмундировании и вооружении стоял на вокзале, ожидая возвращения поезда с Авроры. Дмитрий не просто выступал капитаном группы, но и имел амбиции, желая вступить в специальный отряд быстрого реагирования, которые напрямую подчиняются Козыреву. Воспитание потомственного военного не позволило бы идти простым путем, так что при первой же возможности он вызвался стать капитаном Техгруппы, в чьи задачи входят преимущественно защита и сопровождение ученых.

– А почему они без нас туда ходили, если мы так им нужны теперь? – Оскар был тем, кто говорил много и красиво, особенно в адрес многочисленных женщин, да вот работу делал редко, хоть и умело. Желавший быть тут меньше остальных, ему скорее пришлось принять эту должность.

– Потому что.

Слова эти вырвались из уст Дмитрия и Томаса пугающе синхронно, ведь оба слишком хорошо знали этого юного наглеца.

– Ты ведь помнишь, что лучше при Андрее молчать? – заговорил Томас своим обычным низким голосом, отлично подчеркивающим прекрасный контроль массивного тела и стратегического мышления.

– Да брось, подумаешь, с дочерью его любовь строили, делов-то. Она хотя бы делом занимается, вместо ненужных опытов и выпендрежа.

– Твое позерство имело бы вес, не знай мы тебя и то, почему ты здесь на самом деле. – Дмитрий обладал отличным лидерским качеством, что не раз он любил показывать без ущерба работе. – Отчего слушать твои причитания становится даже весело.

– При этом я почему-то возымел шансов для женитьбы больше, чем вы оба вместе взятые, что странно. Ведь именно вы оба у нас тут «лучшие из лучших», а жен-то все нет. Годы идут, товарищи, брали бы с меня пример, что ли.

Дмитрий и Томас создали громкую тишину своей усталостью данных речей, которые прервались приездом поезда. Двери открылись, и Андрей сразу же подошел к Дмитрию, позади которого стояли всегда и без исключения вовлеченный исполнительностью Томас и несколько легкомысленный, где-то у себя на уме, Оскар.

– Возможно, Клот сейчас в пустыне, так что давайте отправим на поиски кого-то. Все неофициально, действуем...

Но тут Андрею пришло уведомление.

– Идентификатор Клота проявился. – Андрей рассматривал цифровую схему помещения, где высветилась активность пропуска. – Он в лаборатории, прямо сейчас вошел туда.

– Идем.

Командный тон Бэккера был воспринят Андреем чуть ли не личным оскорблением. Подобающая наглость возымела моментальную реакцию.

– С тебя уже хватит! Твою некомпетентность я терпеть больше не собираюсь. Ты влез в чужую работу, пытался навязать свои условия, но в итоге ущерба больше, чем пользы.

Бэккер готовился вспылить в ответ, мышцы лица пусть и приобрели каменную прочность, а пронзительный взгляд пылал в борьбе с характером Андрея, но он промолчал, удивив тем самым даже противника.

– Томас, отведи его и Настю в первую переговорную, и не выпускать. За процессом пусть наблюдают через камеры наблюдения.

Только Настя хотела возразить, ведь ее так и тянуло быть в центре этого события, как Андрей наперед отрезал ее порыв:

– Это приказ!

Все заметили его чрезмерно неестественную резкость в движениях и речи, но дальше кратких переглядываний между всеми, кроме Бэккера и Андрея, не зашло. Сам Оскар решил промолчать и не подливать масла в огонь, лишь встретив от Дмитрия строгий взгляд, говоривший, чтобы тот и думать не смел болтать.

Андрей и Петя шли первыми, Оскар и Дима – чуть позади.

– Надеюсь, ты придумаешь, как нейтрализовать реакцию Осколка, потому что если он уничтожит Монолит так, как сделал это с Авророй...

– Он не уничтожал Аврору. – Андрей ждал уточнения. – Мало ли что сказал Бэккер. Те разрушения в гараже даже близко не походи на содержимое шахт Авроры. Мы раскапывали ее долго, добрали до края, и я ни разу не видел такие остаточные следы.

– Ты не все раскопал.

– Достаточно для серьезных выводов. Там, где я нашел его, были лишь камни от разрушенной скалы, немного Авроры и куча земли с остатками фундамента на глубине девяти метров.

– Вижу, ты солидарен с моим недоверием Бэккеру.

– Андрей... – Петя остановил его, и они развернулись друг к другу, в это время Оскар и Дима встали чуть поодаль, понимая важность конфиденциальности. – Давай я пойду первым? И пока ты ничего не успел сказать, я хочу четко выразить мысль: Клот не просто так сбежал сюда, никому ничего не сказав. Явно есть причина, может быть, в Бэккере, может, в Осколке – я не знаю. Но что я знаю точно, так это важность сохранить спокойствие и сделать все мирно. Ты на взводе, только что крикнул на Настю без причины, сам на себя не похож... Лучше скажи сейчас, в чем дело. Что-то с Родой?

Андрей понимал претензию Пети, более того, он отлично ощущал скоротечные изменения всего вокруг. К счастью для него, сейчас был тот момент проявления дружбы, когда открытость к пониманию была самой честной.

– Мы недели три не разговаривали. – Сказать это было не

просто, все же если и было что-то, чего Андрей не понимал, но до последнего стремится понять, так это отцовство. – Почему-то сейчас... Впервые я рад тому, что она далеко.

Андрей сделал выдох, собрал силы и пошел вперед, не заметив оставленного позади Пети.

– Что у вас там произошло? – Дима оказался рядом и спросил чуть ли не как родитель, желавший собрать информацию для трезвого вывода.

– Да я сам толком не понял.

Ответ прозвучал чуть ли не скорбно. Но отставать было нельзя, все же предстояло еще и спрятать начинающий раздражать Осколок. Решив более не рисковать чужими жизнями, не подавая вида и не сбавляя шага, Петя обратился к рядом идущей поддержке:

– Мы идем в отдел энергетики. Если Клот все сделает правильно, то угрозы не будет, но если что-то пойдет не так, то просто вытаскивайте его оттуда. Даже если он против. И ни в коем случае не стреляйте.

На плохо скрываемое волнение Оскар отреагировал скорее уничижительно, нежели отстраненно.

– Ты около года на Авроре, откуда тебе знать, что сейчас в Монолите?

– Вообще-то, у меня степень в энергетике и инженерии. – Желая не звучать оправдательно, именно таким он себя и проявил. – Со мной консультируются и держат в курсе всей работы нашего отдела.

– Маловато вас в этом отделе осталось-то. – Тонкая издевка добавилась в тон Оскара. И, разумеется, подобное старший в отряде упустить уже не мог.

– Если проблемы с его статусом, то вспомни про свой.
Дальше они все молчали.

8

– Продолжаешь меня удивлять. – Бэккер не среагировал. – Думала, ты так быстро не сдашься. Вновь начнешь перепалку, может, опустишься до насилия. Но ты молча стерпел. Что ты задумал?

– Ничего. – Спокойный ответ звучал и выглядел как-то даже неестественно, подметила Настя, продолжая изучать его. – Я устал. А еще я очень голоден, и добавь к этому мигрени.

– Когда они закончат, сходим в столовую, как поешь, так и голова, может, успокоится.

Настя не желала оказывать медицинскую заботу по вполне существенным причинам. Во-первых, ей хотелось проявить характер перед этим человеком, выкинув горькую слабость, компенсировав недавнее унижение перед остальными. Да, поступок непрофессиональный, даже, можно сказать, неприглядный. И здесь бальзамом работало «во-вторых». Ей нужно, просто необходимо, узнать замыслы этого непростого человека, следовательно, создать ему дискомфорт, за счет которого, возможно, получится его перехитрить и выведать ценную информацию. Все это ей не нравилось даже в теории, а уж то, как она себя ощущала и кем выглядела со стороны во время процесса...

– Зачем ты позвал Андрея? – Настя заметила плохо скры-

ваемое удивление Бэккера на внезапный вопрос. – Я почти уверена, если бы ты захотел, то смог бы уболтать меня свезти тебя на Аврору и там уже обработать Петю.

– Не смог бы. Ты прилежный сотрудник, против своих не пойдешь. Так же как и Томас. Что бы я ни говорил, вы оба идеалисты.

– Ну ты и мразь! – Настя не знала, от чего злится больше: смысла в его словах или же безмятежности произносимого. – Пользуешься всеми вокруг ради своей выгоды, меня тошнит от такого.

– Я сказал правду, а ты злишься. Андрей тебе врет, а ты все пытаешься его оправдать. – Настя молчала. – Да брось, ты умная, сильная, но почему-то унижаешь эти достоинства перед человеком, который пользуется тобой, словно игрушкой.

– Хочешь я заткну его? – Томас звучал неестественно спокойно.

– Не смей, ничего ты не сделаешь. – Томас был удивительным сочетанием серьезности и легкомыслия в один и тот же момент, что делало его довольно таинственным человеком. – Вид устрашающий, но, как я и говорил, ты слишком правильный, нарушать порядки и законы не умеешь. Вижу тебя, дружище, насквозь. Ты и лишнего шага не сделаешь, чтобы омрачить авторитет, особенно в бессмысленном, но неотменяемом соревновании с единственным братцем Слэйдом, который, в отличие от тебя, стал капитаном Отря-

да Быстрого Реагирования Козырева. Он-то там, лучший, а ты здесь... охраняешь Техгруппу от посягательства жителей Монолита, тем самым идя против своих. Уважаю твое упорство. Опусу подобного не хватает.

Томас слушал все это молча, не реагируя ни одной мышцей лица, словно и не было никаких колких нот Бэккера.

– Мы с тобой не друзья. – Ответ прозвучал с завидным покоем в голосе.

– Ну, пусть это будет моей первой ложью.

– Андрей не пользуется мной! – Настя сама не ожидала такого порыва.

Бэккер выждал паузу, внимательно наблюдая за раздраженной Настей, словно заботясь о ее самочувствии.

– Я позвал Андрея, потому что ответственность на нем, а не на тебе. Не хочу, чтобы ты пострадала или несла наказание за весь этот бардак с Осколком. – Бэккер аж усмехнулся в момент осмысления общей картины – Вау, не такая уж и я мразь, получается.

– Но на Аврору хотел именно ты.

– И вновь: я был честен с самого начала. А чем занялся Дикисян? Вынудил Клота на одно, Петю на другое, а в самый важный момент ушел. Я помню, ты говорила, куда и почему, но ведь он мог солгать. И я заметил иную скорость поезда на обратном пути. А ты заметь вот что: когда мы прибыли, так сигнал Клота сразу появился, вычеркнув вариант прочесывания пустыни. Ну а затем нас с тобой попросту выгнали.

– Это ради безопасности. Осколок нестабилен, ты сам видел последствия.

– Нет, не видел. Никто из нас не видел. Лишь последствия... чего-то.

– Ну, ты и параноик!

– Допустим. Переубеди меня.

– Хорошо. Зачем все это? Если бы не ты, то они бы так и работали дальше. Мы обходили бы кандидатов и... не знаю, делали спокойно свое дело.

Неожиданно Настя увидела в нем нечто необычное, такое искреннее и важное, близкое к откровению всей жизни. Громкость его мысли за уставшими глазами оказала на нее влияние больше всех вышесказанных слов.

– Вот и у меня голова заболела.

– Ты пойми главное: Опусу плевать на Монолит, если Осколком можно будет управлять. Не просто так между планетами лишь грузовые летают. Технология здесь не обновлялась десятилетиями. Вам по закону запрещено иметь в разработке и использовании автономных роботов, дроны, нейросети и еще очень большой список – да это же натуральное индустриальное подавление. Так что если камешек рванет, то они получат полевые испытания. А защищаться вам толком нечем.

– Разве он сам не может из-за этого разрушиться? – Томас явно устал слушать эти распри, подметив самое важное. Бэккер обрадовался его вовлечению.

– Открою тайну – он назван Осколком не просто так.

– Хочешь сказать, есть еще один? – Настя произнесла это с мурашками по коже.

Ответом послужила хитрая улыбка со сверкающими глазами, на что Томас и Настя переглянулись из-за только что усложнившейся ситуации.

Помещение лаборатории занимало чуть ли не четверть второго этажа, несомненно, обладая серьезной защитой от проникновения: окон нет, стены с дверьми укреплены, да и проход по личным пропускам, одобренным только Дикисяном. Когда-то он видел в этом месте нечто среднее между своим наследием и искуплением. Просветление крайне консервативного и не без причины религиозного общества обернулось для него отрезвляющей пилюлей. При этом если ныне для Дикисяна лаборатория является угнетающим памятником нереализованного будущего, то Петя проникается этим местом с искренней страстью. «Кладбище ненужного будущего», – не раз заключал Петя в грустных мыслях об этом месте.

– Все это неправильно, – проговорил Петя себе под нос со злобой на сам факт упущенного прогресса.

Андрей с Димой шли первыми, Петя и Оскар – позади. Длинный бетонный коридор с дверьми в холодных синеватых оттенках выглядел инородным на фоне всего южного блока.

– Клот! Стой! – прокричал Андрей во все горло, и не успел Петя увидеть стоявшего впереди метрах в пятнадцати Клота, как скомандовал криком уже Дима: – Опустит оружие!

Пистолет был в вытянутой правой руке, бронированный

кейс – в левой. Пока Клот, словно загнанный зверь, осматривался вокруг, Петя лучше разглядел его потертый скафандр и местами сплавленный шлем, все так же скрывающий его лицо, что, несомненно, навело на страшную мысль: вдруг он не может его снять?

– Клот, дружище, – заговорил аккуратно Петя, – если ты не сдашься сейчас, то...

– Заткнись! – Голос Клота прозвучал искаженно, но не только из-за воздушной системы шлема, тут все поймали одну и ту же печальную мысль о повреждениях куда больших, чем обшивка брони.

Ситуация затягивалась, напряжение возрастало. Оскар доложил о готовности открыть огонь, но не учел дружеского отношения Пети с ярко выраженным стремлением сделать все без конфликта. Реакцию скрыть в такой момент трудно, чем Петя и доказал Клоту несостоятельность переговоров. Рука с пистолетом была опущена, но оружие удерживалось в крепком хвате. Дима и Оскар стали медленно шагать к нему, держа при этом на прицеле, и то ли Клот специально это задумал, то ли решил отменить капитуляцию, но следующие действия запустили ужасную цепь неправильных решений.

Быстрый шаг в дверь напротив той, откуда он вышел, спровоцировал Диму бежать вперед с криком. Андрей указал Оскару быть с Петей и побежал за Димой. Решение имело ужасно справедливую причину: он виноват и знает это слишком хорошо, но если Андрей еще может понять жела-

ние сберець друга, то Оскар не скупился на пару гневных оскорблений в адрес Пети. Каждая секунда лишь усугубляла непредвиденный конфликт. Беглец умело прятался в известной территории, заблаговременно отключив свет и периодически производя выстрелы для сдерживания преследователей.

– Я должен быть там! – гневно причитал Оскар, поглядывая презрительно на утопающего в сожалении Петю. – Ну ты и debil, как мог выдать нас!

Они стояли у входа в это крыло, прямо перед дверьми, ожидая возможности перехватить Клота.

– Надо вызвать подкрепление. Они же там...

– Заткнись! Хватит с тебя уже, и никуда не смей уходить, сразу получишь у меня!

В этот момент Андрей подобрался к Диме, который жестаи сообщил о наличии Клота впереди за поворотом, где уже открытая дверь была слишком заманчивой ловушкой.

– Нам надо вызвать подкрепление. – Андрей молчал. – Эй, мы уже нарушили тишину, – отсек Дима старую задачу. Андрей же перешагнул через упрямость и собрался официально сообщить службе безопасности о преступлении, когда увидел на карте отсутствие сигнала Клота. Спешно все просмотрев, сразу же показал Диме.

– Томас, ты видишь его? – Дима начал подходить к дверям, откуда бил яркий свет, поглядывая аккуратно из-за угла.

– Нет. По камерам все чисто, – передал Томас.

Дима приказал Андрею оставаться на месте, а сам сделал лишь пару шагов. В это время Настя и Бэккер впились глазами в экран, где десяток окошек с выводом изображения предстали перед ним некоей загадкой, чей ответ скрыт прямо перед их носом. Так они и запомнят этот момент, ознаменовавший самое напряженное затишье перед самой разрушительной бурей. Все началось с пронзающего тишину инородного крика: искаженный голос Клота требовал прекратить преследование, применяя в аргумент своей правоты отчаянное, но неубедительное предостережение: слепая стрельба повредила кейс с Осколком. Напористость Андрея была пресечена в грубой форме, мотивируя действовать чуть более тактично. Дима подошел ближе к двери, пока Андрей требовал сдать оружие, иначе никакого мирного урегулирования не будет, ведь раз ставки столь высоки, то личное благо теряет свою актуальность в угоду общей безопасности. Выкинутый пистолет приземлился прямо у дверей. Дима встал у двери и держал на прицеле весь длинный коридор со стеклянными помещениями. В это время Андрей подошел к нему и аккуратно подобрал пистолет с пола.

Казалось, вот-вот все и закончится, как минимум угроза жизни миновала, значит, дело за малым – зайти, забрать кейс и арестовать Клота. А то и просто запереть, ведь если угрозы он не представляет, то можно обойтись без силового принуждения – просто дать ему успокоиться и закончить мир-

но. Так думали все, особенно Андрей. Решив уже исполнить вполне несложный план, он приказал Диме стоять на входе, пока сам идет на переговоры. Несколько шагов внутрь этого огромного лабиринта под громкое «я захожу без оружия» ощущались окончанием этого долгого и непростого утра... Вскоре каждый поймет ошибочность этого вывода, хотя все держалось скорее на надежде. Чудовищный взрыв разрушил почти весь научный сектор, обвалив несколько этажей восточной части блока.

В момент непростой мысли или проявления внимания Игорь Козырев оборачивался впитывающим информацию нерушимым наблюдателем, но стоило ему заговорить, так живое лицо еле поспевало отразить всю эмоциональную гамму слов. Ныне уникальное свойство возведено в столь высший пик возможностей, сколь малое желание у любого видеть это воочию. Человек принципиальный и мудрый предстал кем-то большим, чем самый властный судья или же идеологический лидер какой-либо общины. При этом распознать в его словах гнев или же сочувствие было столь же сложным, сколь осознать, чему он на самом деле привержен: стратегической практичности или же инстинкту на основе имеющихся в данный момент составляющих. Раскусить его за долгие десятилетия руководства Монолитом если и смогли, то единицы. К счастью, свои приказы он оформлял с отсутствием иных трактовок.

Первым делом его строгий взгляд пронзил каждого из присутствующих, словно фиксировал положение и состояние человека. Ну а когда все оторвались от внутренних терзаний, общая атмосфера этого места окрасилась чем-то столь важным, сколь необратимым для каждого из них.

– Андрей Дикисян на операционном столе. Множество ранений, большая потеря крови, ушибы, сотрясение. Дмит-

рий погиб. Успел оттолкнуть Дикисяна и встать на его место. Героическая смерть.

Настя в этот момент утопала в отчаянии столь сокрыто и явственно одновременно, вот-вот – и малейшее влияние со стороны вскроет неопишуемую боль. Козырев читал это легче легкого. Долгий и тяжелый взгляд был ощутим даже теми, кто в это время стоял в стороне. Настя все же повернула голову и сказала:

– Я снимаю с себя должность заместителя Дикисяна.

– Нет. – Такому ответу не перечат, любое сомнение станет признаком вражды. – Злость – лучше, чем отчаяние.

Эти слова удивили Настю точным попаданием в ее изменившееся самочувствие, ведь и правда, злость брала верх, причем всеобъемлющая и необъятная, непростое обуздание которой помогало отвлечься от чувства вины за трагедию.

– Вы, Анастасия, будете делать ту работу, на которую согласились. Дикисян выбрал вас именно для такого случая. Ошибся он или нет – решать вам. Но если я приму вашу отставку, то лишь тогда, когда сочту нужным.

Процессы были столь быстрыми и самодостаточными, что она не успела и заметить смену внимания с себя на поникшего все это время Петю.

– Петр. – Тот не выходил на зрительный контакт, но и не был лишен признаков жизни. Небрежность его попыток хоть как-то проявить тягу к жизни резко прервалась громким повторением: – Петр! – Наконец он среагировал, искреннее же-

лая услышать заслуженное наказание за собственную некомпетентность. – Вы будете помещены в изолятор. Официальная причина состоит в повторном допросе. Вряд ли кто-то узнает о вашем нахождении на Монолите, но взрыв привлек внимание всего города. На Аврору отправить я вас не могу. Расследование трагедии будет тщательным. Я не верю вам, не верю в вашу работу. Но Дикисян верил.

Игорь Козырев смотрел на него глазами осведомленного более, нежели сам Петя о самом себе. Шахматная партия, где пока ясен лишь один из двух игроков, без намека на истинную причину самой игры.

– Оскар проводит тебя и проследит за обеспечением всего необходимого.

Слова эти были произнесены при серьезном взгляде на стоявшего у входа Оскара. Краткий кивок в знак согласия привлек нежеланное Оскаром в этот момент внимание Козырева, и лишь произнесенное вслух сухое «Приказ принят к исполнению» возымело удовлетворительную реакцию.

– В Монолите введено временное чрезвычайное положение. Все силы будут направлены на дополнительную проверку теплосетей, чья надежность стоит под вопросом из-за случившейся детонации. Людям нужна информация – они ее получают.

– Сэр, – Настя проявила яркую неоднозначность к услышанному, – нам с Бэккером есть...

– А, точно, Бэккер.

Козырев наконец-то обратил внимание на того, кто сидел все это время в тени, прячась на виду, лишь изредка поглядывая то на одного, то на другого. Услышав свое имя от Насти, он хотел было уже ее прервать чуть ли не звериным рыком, но, встретив внимание Козырева, стал единственным, кто поднялся перед ним в полный рост. Никакого страха, уважения или же интереса – только желание вытерпеть минуточку-другую и просто, словно одолжение, согласиться со всем. Но Козырева, пусть он и скрывал, такой расклад даже обрадовал.

– Я был против. Интерес к Целестин может содержать лишь стратегический потенциал. Дефицита ресурсов нет ни на Опусе, ни на Кома. В ином случае есть еще четыре планеты. Но ранее на Целестин полетов не было, как и зафиксированных аномалий. Изучение небольшого спутника не может быть приоритетнее аналогичного отношения к оставшимся восьмидесяти процентам Комы. Но от меня требовали исполнения. К тому же, подумал я, разве, возжелай Опус занять Целестин, будут они предупреждать? Будут отправлять одного высокопоставленного человека? Неужели все в рамках археологического любопытства? Или суть в провокации ради понимания реакции на столь неоднозначное действие в адрес Монолита?

Пауза была неспроста, Козырев давил своей силой на Бэккера, вынудив того отнестись к его словам серьезно.

– Когда случился подрыв, со мной вышли на контакт по

личной линии связи. Началось все с ожидаемой заботы о твоём здоровье. Закончилось простым, но очень отличительным вопросом: не позоришь ли ты свою мать?

В мгновение лицо Бэккера покрылось неожиданным для всех окружающих холодным ужасом. От раннего самонадеянного упрянца не осталось и следа, лишь столкнувшийся с кошмаром беззащитный ребенок. А вот Козырев почти рычал:

– Какое же разочарование! Оскорбление! Ни профильного образования, ни навыков, ни знаний в области археологии, истории, инженерии, генетики, астрономии! Я даже не говорю об управленческих навыках, которых просто нет! Разбалованный мальчишка, которого родители пристроили к вымышленному проекту ради одного – дать должность и зарплату тому, кто никогда и нигде не работал! Да, Анастасия, Бэккер – сын одной из старейших семей Опуса. Всю жизнь упакован, катается как хлеб в масле! Ваша работа для него – лишь развлечение. Этаким отчет перед уставшими от бесполезного отпрыска родителями. Разбаловали своего ребенка настолько, что все вокруг стало ему лишь игрушкой. Но этому пришел конец. Твоя мать ждет от тебя звонка. Потом, что мне очень приятно сейчас сказать, ты вернешься на Опус.

Стремление к большому и бескомпромиссность перед трудностями должны были помочь ему стать другим человеком. Но каким, задается он вопросом на пути к той самой комнате, возвращение куда совершенно не входило в его планы. Столько событий за короткий промежуток не смогли его измотать – как раз наоборот, человек этот отлично умеет адаптироваться в процессе, так сказать, на пике безысходности. К сожалению, каким бы сильным или целеустремленным ни был Бэккер, в жизни его имелось заложенное в самой генетике нечто большее, чем страх.

С момента приказа Томасу проводить его сюда Бэккер ни на кого не смотрел и ничего не сказал. Со стороны он выглядел смиренным мальчишкой, вынужденным идти на выговор к родной матери, издалека зная, каким будет этот разговор. От надменного упрянца не осталось и следа – лишь жалостливое и безвольное существо.

Уже перед дверьми Бэккер впервые произнес:

– Я буду здесь.

– Что ты сказал? – Томас не хотел с ним говорить и уж тем более удовлетворять его желания. – До нового приказа Козырева я с тобой, а тебе быть у себя. Радуйся, что с Петей в камеру не упрятали!

– Коридор просматривается, идти некуда. Наблюдай из-

за угла. Меня ждет разговор с членом совета Опуса. Твоего статуса недостаточно слышать его.

Упорство Томаса вынудило его разыграть эту карту. Когда же Томас отошел до края коридора, где еще утром Бэккер с Настей встретили пару охранников, то звонок матери через присланную ссылку на напульсник был произведен незамедлительно. Надев маленькие наушники, которые крепились у напульсника, Бэккер сполз на пол, упершись спиной в двери его комнаты. На экране напульсника появилось лицо взрослой женщины.

– Выглядишь ужасно. Еще и волосы состриг. Для матери мог бы и привести себя в порядок. Хотя кому я говорю, ты же у нас самый умный. Думать можешь только о себе.

Циничная претензия соскочила в его адрес легко и быстро, став странным доказательством хоть какого-то неизменного явления в его жизни. Хотя нет, Бэккер поспешил, кое-что не вписалось в привычный сценарий подобных разговоров: в этот раз она трезва.

– Что ты молчишь? – Она уже толком не смотрела на него, лишь поправляя зачесанные назад седые волосы, что подчеркивали ее искаженное от чрезмерных пластических операций лицо не с лучшей стороны. – Я думала, ты там станешь мужчиной, пользу принесешь, дашь матери хоть один повод гордиться тобой!

Наивное мальчишеское желание выговориться маме бурлило и мучило его, возвращая в лишенное такой возможно-

сти детство. Тогда, невзирая на его юный возраст, мать говорила почти те же самые слова, отрубая ребенку возможность открыться и быть понятым. Годы шли, реализация доверительных чувств, тех самых, между ребенком и матерью, нерушимых ни при каких обстоятельствах, так и осталась в зачатке.

– Но нет, Бэккер снова стал боком! Это твой отец хотел дать это имя, я же никогда его не любила. Хотя что ты знаешь о любви! Всегда только о себе и думал! На мать плевать, на всех было плевать! Что ты молчишь? Специально меня выводишь? Тебя отправили на этот Монолит, к этим дикарям, чтобы ты, может быть, хотя бы ради матери сделал что-то полезное в своей жизни! Хотя бы раз! Что-то, чтобы мне не пришлось больше стыдиться тебя!

Бэккер до сих пор не знает, привык он слышать данные речи и от того научился их игнорировать, как неприятных холодок, либо же они и воспитали в нем упрямую броню.

– Опус пошел на уступки, договорился, организовал эту дурацкую поездку для тебя лишь по одной причине: влияние твоего отца! Мы из древнего рода, одни из самых влиятельных людей Опуса! Тебя отправили – хотя я была против, – чтобы ты был лицом высшего класса. Что сделал ты? Правильно, нарушил все правила, разозлил Игоря Козырева, уважаемого человека, главу Монолита, а еще...

Бэккер знал: она так может долго, обороты у его матери имеют свойство держать высокий и долгий ритм. В этот мо-

мент он уже и не слушал ее – так, лишь слышал привычный голос с родными интонациями. Она строила из себя образованную, любила говорить четко и ясно, хотя характер всегда выступал чуть выше законченной мысли.

– Мне пришлось идти на уступки. Ты представляешь, каково это мне, идти на уступки Игорю Козыреву, чтобы тебя не арестовали?! Маленький урод, ты хоть понимаешь, как много для тебя делают, неблагодарная тварь?!

Бэккер уже и забыл, как любит переломный момент восприятия: мальчишка осознает бессмысленность наивных желаний добра, любви и понимания от мамы, а мужчина надевает упрямость и смело адаптируется, так сказать, живет вопреки, ибо другой жизни у него толком и нет. Это женщина так умело заразила его целым сгустком болезней: не просто ощущение – знание собственной никчемности, искажающее восприятие одиночества в огромном мире. Мире, где он чужой и ненужный, где если и есть ошибка, то это он, сам Бэккер, само его существование – не более чем помеха для всех остальных. Если и есть человек ничтожный и ненужный, то это он, нежеланный сын. Пока большинство жило яркой жизнью юных лет, он же плыл по течению, не высовываясь, смиренно принимал любое наказание и оскорбление, веруя с подачи матери в законность любой жестокости в его адрес. Ребенок не заслуживает таких родителей.

– Ты еще и плачешь? Какой же ты бракованный! Стыд! Не сын – брак! Стоило тебя в детский дом сдать, а то и во-

все не рожать! Надеюсь, этого хотя бы не видит никто! Да что ты все молчишь! Что, опять думаешь, плохая мать, да? Неблагодарный урод. Когда не нужно, так дерзости у тебя на всех хватит, а как отвечать за свою никчемность, так сразу мы вспоминаем про учтивость! Бракованный урод!

Как же ему хочется накричать на нее... Заткнуть эту фальшивую, наглую и злобную женщину, чья обида на весь мир не имеет ни основания, ни решения. Многие на его глазах проявляли опаску перед ней, доказывая успешно брошенную пыль в глаза. Еще в детстве, сам того не заметив, Бэккер научился презирать ее, молча, но так, чтобы она видела это. Когда реакция была запущена, довести ее до истерики не составляло труда, чем он порой злоупотреблял. Он ненавидел себя за это. Но защитный механизм позволял считать ее просто соседкой или же нянечкой, чья любовь к бутылке все-таки имеет натянутое, но обоснование. Но сейчас ему трудно исполнять этот сценарий. Столько пережитого, а он не может открыться своей матери, которой ему так сейчас не хватает. Хотя он и не знает скрываемого за статусом хорошей мамы поведения. Ему просто не хватает любви и тепла, заботы и понимания... не хватает самого обычного человеческого отношения. Но кричать в яростном, так и жаждущем свободы порыве он сейчас не будет по причине заботы о самом себе. Сорваться и вывалить на нее всю боль и обвинить в неправдивом отношении к себе – это сделает лишь ей одолжение. Все придется держать в себе: одиночество, боль,

стыд, злость, обиду... правду.

– Значит, так, маленький позор семьи, чудом избежавший статуса выкидыша! Сейчас ты извинишься перед Игорем Козыревым, потом отправишься обратно, сюда, на Опус.

Залитое злобой неестественное лицо этой женщины никак на него не влияло. Громкий и неровный голос ее был не более чем привычным шумом. Любое его слово будет воспринято агрессивно и неразумно. Все как и всегда, закрепил Бэккер привычный итог. Вернуться на Опус... Это наглое требование ранило больше всего. Потому что он не вернется на Опус ни при каких обстоятельствах, даже если придется пойти на невыносимое. Ниже в глазах матери падать некуда.

Письмо 2

«Искалеченное достоинство в угоду сохранения недостатка». Ненавижу это выражение. Эту мысль. Этот якобы глубинный посыл. Его мне сказал один человек. Это было давно. Почему оно вспомнилось именно сейчас? Боль получилось пережить, воля этой природы капитулировала, отдав мне пустоту. Трудные переговоры с этим нравом стали незаменимыми, процесс был сложным и важным, что теперь мне одиноко. Может быть, в этом смысл того выражения, которое в начале второго письма. Хороший способ фрагментировать мой путь. Может быть, дело в том, что теперь я чувствую ущерб от исцеления? Труд формирует личность, без этой борьбы с природой в данных декорациях становишься слишком простым, теряя самого себя. Шрамы придают уникальности, стерильность прячет на виду обыденности. Какие сложные выводы и построения! Вот что бывает, когда боль уходит, силе деваться некуда. Но где я? Помню путь и преодоление, помню страх и борьбу. В первом письме задача была проста – пережить. Теперь пора понять – зачем? Если раньше приходилось идти, то теперь идти некуда. Внезапная теснота оглушила трезвостью. Свет пробивается фрагментами, писать дается с трудом, но я хотя бы вижу. Можно оценить свое состояние, раны, целостность скафандра. Окру-

жение пугает уродством, раскрывает обратную сторону реальности. Сколько ни смотри, логики в этом нет. Была пустыня – теперь тесный лабиринт, чьи изгибы и стены смешаны в комок, центр которого – это я. Ловушка для мысли. Хочется найти во всем этом логику, систему. Чем больше наблюдение, тем лучше работает капкан. Куда важнее не наличие ответа, а отсутствие его применения. Похоже, здесь я и умру. Так будет лучше, на дне цивилизации. Порой бросает в дрожь, хороший будильник. Учтиво со стороны жизни, преподнести смерть не спеша, позволив распробовать. Голод и обезвоживание толкают ресурс во все стороны – вот и слова вспоминаются, обороты придумываются. Умру с красивым словом – романтично. Препарировав надежду, познается бедное богатство. Воздух есть, боли нет, время исчезло. Память маскируется, самоотверженно идя на жертву, в угоду... Вот оно. Достоинство имеет мало форм, статичное и ленивое, лишь кнут помогает, да и то от погоды зависит. Недостатки можно развить, применить и адаптировать. Недостаток – пластилин, достоинство же непогрешимо и линейно. Искалеченное достоинство становится придатком. Слишком простые формы, чтобы уметь жить, – остается лишь выживать. Недостаток же зависит от многих углов и целей, где тесно морали и нравственности. Нужно жить, а не выживать. Когда живешь, недостатки естественные, как стихия без компаса. Это и спасло меня? То, что должно было убить, что привело сюда и не дает памяти собраться в линию

для вывода. Или все это лишь ради одного – принять скорую смерть? Изнеможение задействует все ресурсы, толкает кровь быстрее. Слепо разгоняя жизнь, предвкушая отсутствие альтернатив. Все это развлечение, чтобы мозг помог телу. Твердая линия поведения – хитро. Уважаю. Интересно, куда заведет эта тропа? Пора поддаться чему-то большему. Что еще делать в безысходности? Конец все равно один. Мир останется после меня. Время принять это. Раз так, то, может быть, все же оставить послание? Совершить что-то важное напоследок. Умереть никогда не поздно. Мысли эти важны. Начинаю вспоминать, откуда здесь и почему, больше деталей. Страх догоняет следом образы и сцены. Бледные воспоминания хотят большего, придется потакать обвитому вокруг образа провокатора хранителю невинности. Меня используют, но наличие придает ценности, отсутствие лишит последнего. Видеть знание и знать просто так не бывает и не может. Носитель знания важен выбором, плохой человек не будет владеть этим, должна быть цель. Я найду ее, компромисс получен, образ направлен. Если не смогу написать еще, читатель, то знай, что если ты жив сейчас, то не просто так. Цель есть, теперь есть, то мой дар.

Двери кабинета закрылись. Настя села на стул и спрятала лицо в ладонях в борьбе с сильнейшим стрессом. Держать себя в руках было куда проще при начальнике, но стоит остаться одной – и хват ослабевал. Страх за жизнь Андрея столь силен, что даже вскрытая правда про Бэккера теряется на фоне. А гибель Димы и вовсе отражает всю ошибочность ее планов и отношения к Бэккеру, Авроре и этому Осколку, который лучше бы и не находили вовсе. Простая поездка обернулась такой трагедией... Клот, вероятно, лежит под завалом, Пете же повезет, если не заключат в Тишь. Ей нужно стать лидером, так сказать, повзрослеть. Проявить необходимую должности силу характера и ответственность. Она это знает и хочет, но стоит чуть-чуть подобраться к требуемому состоянию, так страх совершить ошибку откидывает ее обратно.

Ожидая ответа по видеосвязи, Настя разглядывает ламинированные фото вокруг монитора на стене перед столом. Портреты мамы и папы с их свадьбы, школьное фото с тамошними друзьями, аналогичное из медицинского университета с Родой, и также ею распечатанное письмо от Андрея о принятии на должность. Бумага в Монолите редкость, вот она и заботиться об этих фрагментах памяти, слабо доверяя цифре.

Счастливые моменты счастливой жизни.

– Привет, пап! – Порыв эмоций не дал отцу и слова встать. – Я знаю, ты, наверное, занят сейчас, там были пострадавшие, но вроде бы без детей, вот и я подумала, что у тебя будет минутка поболтать. Ну а если нет, то я смогу подождать, не буду же отвлекать тебя...

– Вдох – выдох, вдох и выдох, – медленно и спокойно произносил он, поднимая руку вверх и вниз, прекрасно орудуя доверительным талантом в любой ситуации. – Вот, видишь, все как всегда – спокойствие и контроль. А теперь, солнышко мое, можешь мне все рассказать.

– Прости меня. – Стыд в ее голосе и поведении удивил обоих.

– Так, Настенька, я не знаю, за что ты извиняешься, и думаю, вряд ли ты сделала что-то плохое, но давай по порядку.

– Во время взрыва пострадал Андрей. Дима погиб. Клот числится пропавшим, – нервно и быстро выговорила она болезненные факты, борясь с желанием попросить папу, используя его работу в больнице, узнать о состоянии наставника. Причем ведь она знает, что Андрей лежит не в городской больнице, а в военной, куда у ее папы нет допуска! К счастью для нее, он был человеком умным и внимательным. Свойство разделять моменты комментария и молчания было у него врожденным инстинктом.

– Меня сделали главой Техгруппы. Ты знаешь, я хотела этого. Но сейчас... сейчас уже не уверена, что смогу... смогу

быть... быть человеком, который должен принимать сложные решения.

– Если ты не хочешь, то разве тебя могут заставить?

– Я не знаю. Игорь Козырев сказал, что верил выбору Андрея, из чего следует... Ну я вроде как не должна подвести его. К тому же будет неправильно, если Роде об отце скажет кто-то другой. Надеюсь, она пробудет на раскопках достаточно долго, чтобы Андрей успел встать на ноги. Но, с другой стороны, я должна сказать ей... наверное, будет неправильно... а может, и правильно. Я не знаю! Катарине расскажет Козырев, родителям Димы – тоже он, но... Я запуталась, и это меня раздражает еще больше.

– Ну, смотри, Козырев, как ты и сама знаешь, ввел чрезвычайное положение и ограничил допуск к территории для работы спасательных служб, так? Так. После будут проводить проверку теплосетей, дабы избежать новых взрывов, так? Опять же, именно так. А для этого есть специальные люди, которые, как мне известно, не у тебя в подчинении. Все нужные силы брошены на ликвидацию последствий этого несчастного случая, следовательно, раз тебя еще никуда не вызвали, ты, как мне кажется, можешь просто взять выходной.

– Все не так просто, пап.

– Не вижу ничего сложного.

– Ты так говоришь, потому что не хочешь, чтобы я тут работала!

– Я не хочу, чтобы ты подвергала себя опасности. У тебя есть диплом, ты можешь здесь многим помочь, как минимум...

– Пап, я и так могу многим помочь! – своевольно проронила она, задумавшись о словах уже после произнесения. Ибо ее единственный родитель видел в ней свое продолжение, но никак не сторонницу ученых с Опуса. Уж слишком умело он сторонился при ней Наставления, не раз ощутив ее молодой индивидуализм во время многочисленных споров о принадлежности человека в их системе. Несмотря на образование, сам он много лет верил в Наставление, но когда ее мама заболела и умерла, то что-то забрала с собой у него.

– Извини, я... – поспешила она задушить юное чувство вины перед родителем, на что получила уже более взрослую, чем ранее, реакцию.

– Если ты можешь помочь кому-то, то почему не помогаешь? – Он смотрел на нее больше испытывающим характер взглядом, нежели родительским.

– Я не знаю как. Все сложно. Все на самом деле не такое простое, как кажется. – В эти слова она вложила тонкий намек на неоднозначность официальных высказываний, что возымело неожиданную для нее реакцию.

– Но у тебя хватает воли скрывать от меня правду. Ты позвонила не из-за страха перед общением с родственниками погибших, потому что я знаю, когда надо, ты взрослее и умнее многих. Анастасия, ты хороший человек. Я твой отец, я

люблю тебя всем сердцем и буду делать все, чтобы ты была счастлива и здорова. Да, мне не нравится выбор твоей работы, но мне придает спокойствие одно знание: ты все сделаешь правильно независимо ни от чего, потому что ты добрая и заботливая. Не позволяй своей работе и разным трудностям менять тебя. Пойми, я не всегда буду рядом, и ты должна защищать то главное, что делает тебя человеком, – сострадание и вера в лучшее. Пусть ты и противишься Наставлению порой, вспоминая несправедливый уход твоей мамы, но в тебе я вижу проявление той мировой справедливости, которой в нашем мире не хватает, но чье определение ярко присутствует в Писании. Твои сомнения в собственной компетенции и принадлежности к этой работе – это хорошо. Ты ищешь способ быть полезной, потому что тебе не наплевать. Я очень горжусь этим твоим свойством.

– Что если я все же ошиблась и для всех будет лучше, если я уйду?

– «Не то важно, где будет лучше тебе, а то, где другим будет лучше с тобой». Это важные строки Наставления, которые я все чаще себе повторяю.

– Так ты и смог принять мою работу?

– Лучше пусть там будешь ты, чудесный и добрый человек, которому я доверяю, чем не пойми кто с не пойми какими целями. Ты пока вряд ли поймешь, но у родителя есть странное умение верить не ребенку, а верить в ребенка. В то, каким он будет, когда раскроет весь свой потенциал, чьих

границ не знает никто.

Ожидаемо в изоляторе было тесно и неудобно, дополнительная линия запрета отключена, так что Петя мог касаться решетки, но данное послабление лишь нагнетало обстановку. Одинокий и поникший, он все прокручивал в голове события сегодняшнего утра и задавался простым, но разрушительным вопросом: «Почему я приношу несчастья?»

На Авроре весь этот год было слишком спокойно и тихо для веры в его искупления. Теперь он знает это и ненавидит себя за те редкие, но яркие моменты простого человеческого счастья в условиях изгнания. Один из таких случился при нахождении Осколка, послужившего чуть ли не знаменем больших перемен. Со странной ухмылкой Петя вспомнил наивное, почти юношеское желание позвонить любимой Ингрид в тот момент, причем не для хвастовства или доказательства великого замысла, а как символ награды за его труды. Сейчас он рад несостоятельности желания.

Как и было им подмечено, отвыкнув от таких стен в просвечиваемой чуть ли не насквозь Авроре, Петя ощущал затухание воли к жизни. Если бы не исполнение Оскаром приказа перевести его в допросную, саморазрушение стало бы безвозвратным наказанием. Оскар был необычайно холоден и строг, так что весь недолгий путь они провели без слов. Состояние это сковывало его до момента появления Козыре-

ва. Тот сел напротив, сложил руки в замок на столе и, в своей манере превратившись в каменную фигуру, смотрел на него достаточно долго, чтобы Петя среагировал и поднял глаза.

– Я только что солгал всему Монолиту о причине разрушений. А лгать я не люблю. Но мне приходится. Сейчас территорию изолировали, вскоре должны начаться разборки завала с последующим ремонтом блока, парка и Церкви, которая повредилась от упавших плит. На данный момент в парке погибли тридцать человек и еще сорок ранены. В субботу там собираются для чтения Наставления. Я знаю, ты не хотел этого. Андрей ценил твое сострадание и эмпатию. Я поверил ему.

Желание помочь было соизмеримо со страхом усугубить имеющийся кошмар. Петя чувствовал всем телом прессинг Игоря. Но куда больше на него влияла неопределенность, уж слишком ему все казалось запутанным, хоть он и был в эпицентре событий с самого начала.

– Петр, я могу кинуть тебя сейчас в толпу, и они, веруя в праведность своей злобы, разорвут твою плоть на части. Могу отправить в Тишь и приказать пытать тебя. Могу использовать твою бывшую жену Ингрид. Я могу сделать очень многое, чтобы заставить тебя говорить. Но это не мой метод. Нами движет одна цель – быть полезными для нашего народа. Я знаю, ты не причисляешь себя к Опусу уже давно.

Смятение оказалось столь сильным, что он просто поддался давно жившему в нем, когда-то чужому, а ныне личному

эмоциональному сгустку.

– Можно одно одолжение? Я бы хотел поговорить с Ингрид. Пожалуйста. Потом делайте все, что пожелаете.

– Роль жертвы...

– Жертва ищет оправдание и виновников! А я жду своего наказания уже целый год.

– Подождешь еще! Раз не готов говорить, то либо угроза еще присутствует и ты содействуешь повторению, следовательно, ты враг Монолита, либо тебе искренне плевать на людей, что не складывается с твоим чувством вины.

– Почему... А почему вы отпустили Бэккера? – Внезапное обнаружение несостыковки вызвало в Пете бурную реакцию. – Ни допроса, ни отчета, просто отправили домой, хотя его прилет и без катастрофы событие непростое.

– Пусть мое неведение станет известно Совету Опуса.

Двери открылись, и Настя влетела с такой скоростью, будто бы от кого-то убегала. Петя удивился ее приходу. Козырев и бровью не повел, лишь взглянул на часы в напульснике и вполне спокойно сказал:

– Пунктуальность – это хорошо. Думал, опоздаешь. Надеюсь успела закончить разговор с отцом. – Настя не успела и слова вставить, как Козырев произнес: – Я знаю, что вы что-то нашли на Авроре.

Настя бросила взгляд на Петю, но тот молча отрицал.

– Догадаться не сложно! – Козырев усиливал напор, все тверже и тверже выстраивая доказательную базу своей

правоты. – Я спросил Оскара и Томаса, просмотрел все записи вашей жалкой попытки отловить беглого сотрудника. Клот что-то привез оттуда, потом все окончательно вышло из-под контроля. Как разберем завалы, так опознаем пистолет, который был либо украден, либо то изготовленная копия. Одно и другое является преступлением высшего уровня! Для этого и существуют правила и законы! Их соблюдение не допускает катастрофы!

– Мы назвали это Осколком. Происхождение неизвестно, обладает свойством накапливать и распространять энергию. Диапазон пока неизвестен.

Взгляд Пети на откровение Насти стал для нее новым испытанием, ведь он понимал, что теперь его находка станет в чужих руках оружием или предметом торга. Петя хотел успеть сделать хоть что-то полезное и решил довершить историю оправданием своего друга:

– Клот желал его спрятать от Бэккера, но что-то случилось с Осколком, и он на джипе доехал до Монолита. Мы сделали специальный кейс, как изолятор от всех излучений, дабы Осколок ни с чем не смог контактировать.

– Какой еще джип? – Искренний вопрос Козырева поставил Настю и Петю в единое положение растерянности. – Никакого джипа обнаружено не было.

– Может, он его спрятал где? Клот хотел, как лучше, потому что...

– Если объект лежит под завалами, то мы найдем его и

продолжим исследование.

Тон Козырева лишал возможности высказать претензию или восклицание. Сама Настя хотела было уже возразить, но сил, как подметил Петя, все еще было недостаточно для успешного лидерства и отстаивания позиции.

– Петр должен участвовать в этом.

– Это уже вопрос к нему.

– С каких это пор ты вдруг стал против...

– С тех самых, Настя, когда это перестало быть научной тайной! Я хотел раскрыть его потенциал и создать новый источник энергии. Открыть новые элементы для будущих свершений в созидательном применении! Но теперь – как скоро он станет предметом разлада двух планет?

– Это тебя не касается. – Козырев не чурался грубости. – Твоя готовность лишиться жизни за тайну объекта и его последующего применения за пределами твоего одобрения доказывает твою некомпетентность! Вся твоя работа будет изъята и отдана тем, кто разделяет наше будущее.

– Сэр, я настаиваю, чтобы Петр продолжил работу, кроме него....

– Настаиваешь?!

– Мне не нужна твоя поддержка. – Настя удивилась достаточно сильно для потери слов. – Я никогда не признавал в тебе лидера, Настя, и сейчас не признаю. Андрею ты была зачем-то нужна, но не нам. Я сам за себя отвечаю.

– Тебя даже твой подчиненный не слушается. «Настаи-

ваю» – рассмешила, признаю.

Лицо Козырева оставалось неприступным для понимания.

– Вы оба мало что понимаете в жизни Монолита. Что странно, ведь один стал лицом чудовищной трагедии и скорби, вторая вообще здесь родилась и росла. Церковь Наставления не без вполне аргументированной причины все больше выражает недовольство сотрудничеством с Опусом. Они хотят независимости, ибо ничто, кроме Матери, Отца и того пути, что следует за великим Наставлением, их не волнует. Все уже есть, а мы люди небольших потребностей. При этом о последствиях того, что подходит под запретное определение бунта, приходится думать мне. Но не только из-за должности, хотя я считаю умелое руководство призванием столь же редким и врожденным, сколь искусство или наука. Я на прямом контакте с Опусом. Пока мы их устраиваем. А что будет, когда столица выразит недовольство? Противостоять их силе мы неспособны. Этот Бэккер появился не просто так – и не случайно на столетие Монолита.

– Он знал про Осколок, – тихо сказала Петя с позиции смиренного слушателя. Если и можно назвать тишину громкой, то именно в этот момент испепеляющего взора Игоря, чье тяжелое молчание вот-вот сможет разрушить все вокруг своей яростью. Было сложно понять, то ли он злится на Петю за его жалостливое вкрапление в целый рассказ, то ли он реагирует на новую для себя информацию. – Он его не видел,

и у него его нет. Но он откуда-то знал про него, оттого Клот и хотел его спрятать. Думали в дурака отыграть.

– Не опасно отпускать его? – спросила размеренно Настя.

– Если ему известно про объект не от кого-то из вашей группы – значит, присутствует факт слежки.

Серьезность его слов переоценить было невозможно, то был вердикт разрушительной силы, вот-вот ознаменовавший точку невозврата. Несмотря на энергию этого человека, в помещении витал устрашающий холод безысходности перед надвигающимся кошмаром.

– Эфир? Орбитальная станция связи была прислана с Опуса.

– Все было прислано с Опуса. – Петя будто бы хотел лиш- ний раз надерзить Насте, но та догадалась не реагировать на подобный бросок, который на самом деле оказался грустным разочарованием во всем вокруг. – Само разделение науки и религии – это абсурд. Вместо созидания и единства добра- лись до порога вражды, хотя никто никому толком и не меша- ет. У нас целая планета не изучена: неравномерное маг- нитное поле, Топи вообще полны жизни и растительности, но нам туда хода нет, Северный и Южный полюс даже не изучили, даже не были там, и это я не говорю о пещерах и...

– Остались вопросы, почему он больше не будет ра- ботать? – Козырев прервал трагичное рассуждение Пети немного поучительно, просвечивая Настю строгим взгля- дом. Та выстояла напор и, переключив тему без предупре-

ждения, заговорила так, словно лишь дополняет некогда раннюю мысль:

– Я не думаю, что Бэккер наш враг. Конфликт планет, о котором вы говорите, был упомянут и им, и, чтобы этого избежать, он и хотел скрыть от обеих сторон Осколок на Целестине.

– Он просто тобой манипулировал, дура! – цинично отрезал Петя.

– Да как ты смеешь?!

– В чем я не прав?

– Будь я душой, я бы ему поверила. – Настя держалась лучше ожидаемого. – Не похоже, чтобы он врал мне, как-то не складывается. Да и зачем?

– Возможно, именно на это и расчет? Чтобы ты защитила его в наших глазах.

– Видимо, он верил в меня больше остальных, ведь, как мы видим, это противоречит фактам!

– Почему вы отпустили его?! – всецело ощутив стойкость Насти, Петя обратился к Игорю.

– Не думай об этом, Петр, он и объект – более не твоя проблема.

– Вы что-то недоговариваете.

– Радуйся. – Слова прозвучали столь многозначительно, сколь быстро отпало желание на любую провокацию.

Никто уже никогда не узнает, чем бы закончилась эта необычная встреча. Могло ли быть так, что Козырев прощу-

пывал каждого из них? Да, скорее всего, но тратить время на тех людей, чьи жизни напрямую зависят от его приказов, не совсем целесообразно, особенно без срочной необходимости. Петя и Настя скорее пытались разобраться с настоящим в угоду хоть какому-то понятному грядущему, но все же вместо объединения они встали на разные стороны, словно готовясь к последнему слову перед отходом с игрового поля. С подобными выводами всем им пришлось смириться из-за спешности их принятия по самой неожиданной причине: Клот вышел на связь. На запястье Козырева пришло срочное уведомление, с небольшим опозданием оно дошло и до Насти. Но он уже вывел голографическое – доступное лишь государственным служащим технология – изображение почти на всю стену допросной, дабы видеть каждую деталь онлайн-трансляции, осветившей это помещение столь сильно, что все трое стали черными пятнами. Крупным планом было изображено лицо Клота, смотрящего прямо в камеру: лицо было покрыто страшными ожогами, большинство волос отсутствовало, а совершенно отрешенные, красные из-за лопнувших капилляров, пугающе безумные глаза и вовсе представили будто бы другого человека. Но под искажениями неизвестного происхождения все равно был виден именно Клот. Броня также отражала изменения владельца: руки по самые плечи словно выжигали огнем, из-за чего некогда ровные с острыми углами пластины чуть ли не облепали тело, представляя фантазии ужасные последствия соприкоснове-

ния материала и живой кожи. При этом остальная часть скафандра повторяла узор мятой бумаги.

– Его словно пытали перемолоть, – кратко высказалась Настя чуть ли не шепотом.

А Петя добавил:

– Он просто выжил во время разрушения.

Козырев молчал, вновь став тем самым камнем сосредоточенности силы столь великой, что нахождение рядом вызвало опаску на интуитивном уровне. Хриплый, чуть ли не инородный для человеческого уха голос заявил свою позицию в акушерском отделении больницы Монолита. Громогласность его слов была тут же подтверждена с других камер, персонал спешно доложил о появлении чужака, запрещающего выход или какие-либо попытки обезопасить новорожденных и будущих матерей во всей больнице. Но непосредственная причина угроз гражданского населения в этом ценнейшем месте была оглашена четко и ясно: если Бэккер не явится к нему в течение двух часов, то все крыло будет уничтожено вместе с людьми.

Какие-то двадцать минут превратили Монолит в неузнаваемую тюрьму или лагерь, как никогда ярко доказывая невозможность переоценить систему безопасности и службу охраны. Вопрос ведь был не просто в устранении предателя: нельзя было допустить исполнения угрозы, ибо общество, пережившее гибель матерей и детей год назад по вине Пети, вряд ли сможет повторить подвиг, особенно на фоне падения рождаемости и снижения продолжительности жизни у взрослых. Клот и Петя были друзьями, оба с Опуса, обоих знали люди... Монолит же безмолвно кричал, подобный стон тишины ощущался отовсюду. Причем блокировка сети совсем не помогала, казалось, что весь город жив и общается с людьми, делясь сопереживанием и страхом. Странное ощущение, думал Бэккер, пока Козырев выдавал точную, словно прописанную и заранее отрепетированную, речь:

– После обращения он включил устройство глушения всех частот на расстоянии тридцати метров. Мы не можем распознать взрывное устройство, детонатор подключен через провода, реакция от прямого влияния на контакт неизвестна. Мы можем видеть его лишь из дальних камер. Саперы ждут поблизости. Отвлекаешь Клота, они делают дело. Связи с нами не будет, значит, действуешь так долго, как можешь. Там много гражданских, он неспроста выбрал акушерское отде-

ление.

– В смысле, вы не можете распознать устройство? Откуда...

– Все это он мог достать только из лаборатории, часть которой лежит в руинах! Перепись имущества у нас есть, но ничего схожего пока не обнаружено. Очередной пример излишней инициативности, либо, что не исключает первого, данная акция была спланирована. Следовательно, устройство создано в единственном виде, к тому же остается вопрос его внезапного появления в больнице!

На одном мониторе было повторение слов Клоута, где он мельком показывает кейс с детонатором, на другом – кадры в реальном времени. Он стоит в коридоре с прозрачными стенами: с одной стороны – пара десятков матерей в положении, а с другой – уже новорожденные в окружении докторов. Сложно было понять отношение Бэккера к происходящему: неподдельное любопытство тонко соприкасалось с серьезной настороженностью. Молча, все время о чем-то задумываясь и тут же переключаясь на иную мысль, Бэккер раскрывался окружающим, и в частности Насте, с новой стороны. Она подошла к нему вплотную и почти прошептала, придавая словам высочайшее значение:

– Там сейчас мой папа – Игнат Нивенст. Я его знаю, он попытается помочь или что-то сделать.

Ее пронзительный взгляд сказал куда больше. Столько любви и страха за родного человека... Бэккера тронула ее

искренность. Он кивнул, Настя сказала краткое «спасибо».

Бэккер смотрел на нее и честно признавал зависть, все-речь ценя те ее чувства и мысли за жизнь родителя, чего он сам в адрес своих вряд ли бы испытывал в аналогичной ситуации. А после ее разочарования из-за того, кем он на самом деле предстал, желание доказать свою пользу подало признаки жизни.

– Зачем ему ты? – Вопрос был у всех на уме, но почему-то откладывался, и вот полный переживания и страха Петя ожидал ответа, явно боясь за Клота больше, чем за Бэккера.

– Вот и узнает. – Козырев не оставил никому места для маневра или развития темы.

– Я пойду с ним.

Козырев обернулся к Оскару, приблизился в мертвой тишине и после недолгой зрительной борьбы с заведомо определенным победителем произнес необычно спокойно:

– Клот просил Бэккера. И если собрался спорить со мной, то я сделаю то, что делать не люблю, напомню, как ценю твое желание совершить правильный поступок. Но сейчас это рвение что-то доказать слишком опасно. Бэккером я готов рискнуть, но не потому, что он не мой сын, а потому, что от него нет пользы в обычное время. А от тебя, сын, есть. Я все сказал.

– У меня вопрос! – Бэккер словно хотел помочь разгрузить и без того сложную обстановку. – Это не Осколок ли у

него, случаем, в чемодане?! – Он специально прибавил дерзости, но так, чтобы выглядеть чуть наигранно, ставя всем в укор за раннюю ложь, приправляя злобной улыбкой.

– Сейчас это не важно!

Настя вышла вперед Козырева, чуть ли не столкнувшись лбом с Бэккером.

– Если это Осколок, – размышляя, произносил Петя, – то волноваться не стоит. Для его детонации потребуется приличная энергия. В данный кейс еще и реактору не запихнешь.

– Предположение – непозволительная роскошь, – сказал строго Козырев, – А ты, если все пройдет гладко, получишь благодарности Монолита. Похвастаешь перед родителями!

Клот все так же топтался на месте: еле живой, поддерживаемый невидимыми силами в предсмертном состоянии. Бэккер шел к нему спокойно, внимательно разглядывая все вокруг и строя в голове план... какой-то план. Но когда Клот заметил его и выставил свободную руку вперед, времени на стратегию не осталось.

– Я думал, откажешься, – чуть ли не простонал болезненным голосом Клот, пока что-то делал в своем напульснике. – Человек с другой планеты, прародительницы нашего Монолита!

– Это Осколок у тебя? – Бэккер сохранял сдержанную осторожность.

Клот помахал перед ним правой рукой с зажатым детонатором и заговорил, глядя прямо в глаза, при этом порой скалясь и с трудом держа контроль над телом. В голосе происходила необычная борьба между ядовитой жестокостью и артистичным презрением.

– «Слово свидетеля непоколебимо сомнениями слушающих» – это слова Наставления, Бэккер. Мать и Отец создали нас в этом мире среди черноты, откуда даже других звезд не видно, оставили нам всем Наставление, которое вам было удобно забыть! Почему? Бэккер, почему вы противитесь истине наших создателей, тех, кто желал единения мира и

созидания жизни?

Бэккер в момент напоминал Козырева тяжелым взглядом и нерушимой фигурой. Казалось, он так и будет тянуть время, но тут Клот заговорил о том, что не могло не пошатнуть его броню, зародив нездоровую интригу.

– Осколок – это враг всего живого в этом мире. Осколок – это разрушительная болезнь! Я видел его след, я знаю его суть, и я не позволю тебе использовать его! Опус осквернил Наставление ради власти над жизнью, поставив свое слово выше слова Свидетеля. И не бойтесь вы разрушений, ибо вы и есть разрушения, потому что возомнили себя большим, чем Мать и Отец! А ведь это они дали нам понимание мира и ценность нас самих как той же жизни этих планет, и я, сейчас и здесь, Бэккер, вопреки твоему желанию несу Слово Свидетеля, ибо я стал свидетелем преступления против жизни! Первые сыны призваны защищать Наставление от нападок болезни, от таких, как ты, Бэккер!

Не успел Клот толком откашляться после яростной речи, как Бэккер заметил движения за правой окном. Аккуратно одна женщина ушла назад и скрылась за остальными, потом другая, следом и третья. Справа же, где были новорожденные, в дальнем углу появился солдат, желавший, как показалось Бэккеру, медленно и не спеша эвакуировать детей. И тут сам Бэккер чуть не усугубил ситуацию из-за долгого взгляда в сторону, за которым уже вот-вот собрался проследить Клот. Но внезапно со спины Бэккера появился отец Насти

– Игнатий. Он аккуратно подошел и встал перед Бэккером, привлекая к себе все внимание Клота, дабы тот не увидел эвакуацию гражданских. Если этот кризис и мог стать еще более непредсказуемым, то стал.

– Здравствуй, Клот. – Неприкрытое сочувствие привлекло внимание и способствовало появлению внутренней борьбы у главного агрессора. – Давно мы не виделись. Расскажешь мне, к чему... все это? Может быть, я помогу, как друг, как человек, который неплохо знает тебя и верит в то, что все можно исправить.

– Вам не понять.

– Но я хочу понять. Расскажи, у нас полно времени.

– Как раз времени уже и нет.

– Ты же еще ничего плохого не сделал. Клот, пожалуйста.

– Спросите у него! – Клот подошел ближе и рявкнул: – Зачем он прилетел! Здесь плохой не я – он! Враг Матери и Отца! Спросите! А я скажу, потому что ваша дочь Настя – участница грядущего ужаса. А знаете, откуда я знаю? Потому что один из них! Этих людей, что присланы Опусом лишь для одной цели: найти последователей технократии и провести эксперимент! Да, эксперимент в Монолите над людьми, чьи потомки сто лет назад прибыли сюда! Наставление было заложено в основу новой религии именно для того, чтобы создать просветительское общество, а потом в одной гробенке закрепить в истории вред от великой правды Наставления. Зачем? А потому, что человечество сбилось с пути и лишь

Наставление способно вернуть нас к истинной цели Матери и Отца! Опус уже давно следит за всеми, ведет свой отчет о каждом, собирает сведения и готовится к уничтожению нас всех! Я знаю это, Бэккер знает это, именно для этого ему и нужен Осколок – чтобы начать эксперимент планетарного масштаба над материей, не должной касаться человека, но технократам плевать! Когда Осколок обретет свое величие, то все здесь погибнут, а Опус получит результаты полевых испытаний артефакта. Да, мы нашли его там, на Авроре, раскопали древний город первых людей, потому что ничего святого нет для Опуса! Вы думаете, почему рождаемость низкая с каждым годом? Потому что Опус так хочет! Как и частая смертность от вирусов и бактерий Комы, как и низкая продолжительность жизни простых рабочих, но не у Техгруппы!

– Чего же хочешь ты? – громче желаемого спросил папа Насти, поглядывая периодически в стороны за работой эвакуации.

– Вы знаете, что нас было пятнадцать человек вначале? Знаете! Пятеро были отправлены по приказу Опуса в Топи... Они так и не вернулись, потому что целый континент содержит в себе леса и болота, которые убивают человека за мгновение, но при этом мы дышим воздухом в пустыне – вам не кажется, что это не просто так?! Даже спутники Эфира не смогли просканировать Топи. Магнитное поле там другое, представьте себе, техника отказывает, но при этом мы берем воду из океана, прогоняем через десяток фильтров, и

она, ура, не убивает! А вы знали про эксперименты в Тиши? А про армию роботов, которые запрещены на Монолите, но генерал строит ее, потому что знает, что грядет война! А про Южный и Северный полюса? Мы не просто так туда не лезем! Нас ждет война, которую мы проиграем, если я не справлюсь! Я!

– И как ты это сделаешь?

– Когда Аврора развалилась и там выжил лишь один человек – основатель Монолита, великий Пернат, то тем самым был заложен крепкий идеологический фундамент. Все эти двенадцать лет наша Техгруппа нанесла столько ущерба, что общество подошло к краю нового этапа познания и построения нового фундамента. Нас осталось уже мало, почти все погибли, но хватит одного, чтобы лишь подтолкнуть. У нас есть общий враг, который не считается с нами, который презирает нас, и я, здесь и сейчас, создам новый прецедент, столь сильный и немислимый...

– Но это не обязательно! Давай все решим мирно, время есть, я позвоню Катарине, и мы вместе...

– Вы хороший человек. Мне жаль, но для создания сильного будущего нужно показать слабость настоящего. Я готов принять клеймо монстра, если это спасет нас всех от грядущей смерти.

– Почему ты считаешь это единственным выходом? Помоги мне понять, пожалуйста. Дикисян не хотел бы такого, как и Петя и Настя, они твои друзья и сейчас...

– Мы не можем не быть жертвами, надо лишь выбрать, во благо чего. Хорошие люди останутся в памяти героями, а вот другие... – Клот закончил злобным и презрительным взглядом на Бэккера. – Ты открыл мне глаза на правду, Бэккер, спасибо тебе. – Клот взял свободной рукой кейс и, держа на весу, показал его. – Ты хотел Осколок... ты его получил.

– Смерти ничего не изменят! – вырвалось из уст Игната эмоциональным порывом. – Мы должны спасать – не разрушать! Все эти слова были...

– Услышаны каждым человеком. – Бэккер и Игнат от удивления переглянулись. – Сначала я глушил связь, потом подключился ко всем напульсникам, заблокировал правительственные профили и дал людям услышать правду. Слово Свидетеля нерушимо. Козырев не смог даже со мной справиться, не смог закрыть одну трансляцию одного человека. Как он собирается противостоять Опусу?

Глаза Клота горели ярким пламенем ненависти, эхо женских криков прорезало саму материю, время словно растянулось – и все это коснулось Бэккера столь сильно, что последующее пришлось вспоминать. Потому что если он стоял на месте и просто смотрел, то нечто более чем интуитивное связало настоящее с уже грядущим, позволив Игнату на неведомой ранее отваге накинуться на Клота. Обхватив его и подняв, словно мешок, отчаянный отец побежал вперед, прямо к открывшимся дверям лифта. Саму шахту военные использовали для сближения с противником, специально обесточив

ее, дабы лифт стоял на первом этаже и не мешал им. К сожалению или нет, вряд ли будет найден ответ на вопрос: папа увидел открытие дверей и решился на отчаянный шаг, либо же все просто совпало? Но одно ясно наверняка: если бы не этот героический подвиг – Бэккер был бы мертв. Взрыв произошел уже в шахте.

Единственная в Монолите больница стояла чуть ли не в самом центре города. Большой симметричный крест высотой в десять этажей прятался от мира в окружении четырех жилых блоков. Они были на расстоянии километра в два, но с большой высоты казалось, что отделились от квадрата и стали точками сторон. Север и восток в основном были гражданскими блоками для рабочих, у них рядом были и вокзалы для направления в шахты. Запад – преимущественно для гуманитариев, там как раз рядом на востоке были теплицы и кислородный лес. Ну а южный занимали государственные структуры, откуда удобно ехать на Аврору. Больница же была местом большим чем сосредоточие здоровья для малых и обеспечения старых: то был некий символ безопасности за счет готовности стать убежищем в момент чрезвычайной ситуации. В шесть часов, когда солнце уже перешло зенит в южном крыле, из-за взрыва было уничтожено пять этажей, а оставшиеся пять проиграли гравитации и упали сверху. Сотрясение было столь чудовищным, что даже стоящая между южным правительственным блоком и больницей десятиэтажная школа понесла повреждения, накрыв все вокруг густой пылью. Тишина после случившегося пронзила сердце каждого жителя Монолита острой бритвой, оглушив сиреной тревоги. Блоки заблокировались на выход и выход, лю-

дям было приказано находиться в квартирах до уведомления правительства, железные дороги блокированы. Еще утром этот день был самой обычной субботой.

– Военное положение продлится ровно столько, сколько потребуется для спасения людей из-под завала. Продлится столько, сколько потребуется для утверждения, что повторение диверсии не произойдет. Совершенная атака была актом насилия одного человека против всех нас. Этот человек нарушил закон юридический и закон человеческий. Сейчас все мы должны сплотиться и пережить этот день.

Каждое слово было тяжелым гвоздем, который Козырев вбивал с одного удара достаточно громко, чтобы не было сомнений в надежности его применения.

В момент прибытия Наставника Козырев уже терял терпение, но когда этот полноватый, с детским лицом и сверкающими глазами мужчина зашел в своей голубоватой мантии священника, то сразу же начал с оправдания в своей мягкой и доброжелательно-заботливой манере:

– Прошу меня простить за задержку, мы столкнулись с непредвиденным, так и подталкивающим на разные предположения.

– Для этого ты запер дверь в свои покои? Мне в реальном времени докладывали. Что ты там делал?

Наставник внимательно осмотрел Козырева, потом вокруг, убеждая в том, что они одни, и, когда уже сел на диван, произнес более лично, как понимающий друг:

– Твое требование увидеть меня в столь темный час – шаг настолько же смелый, насколько запоздалый.

– События требуют.

– Или же полная потеря контроля над коммуникацией, что делает опасным любой цифровой контакт. – Козырев молчал. – Я привык ожидать самого разного и многого, но такой оплошности и выдумать не мог. Допустить вольности одного из чужеземцев, да еще и упустить взлом коммуникаций и целый час бороться с параличом из-за хакерских действий одного-единственного человека... стареешь, друг мой.

– Ты смеешь меня порицать?

– Кто-то должен это делать. Ты забрался на самый верх – чуждое для природы место. Всегда должен быть естественный противник, кто-то, способный дать отпор, так сказать, держать в тонусе. Сейчас им выступаю я – цени это. Я имею честь и совесть напомнить тебе забытое – ты не всегда был там, где ты есть сейчас. Добавлю еще, что наши обязанности напрямую происходят от нашего положения, здесь разница между противником... и другом очень тонка, а то и вовсе отсутствует.

Молчание выразило больше, чем слова. Козырев знал, что данная речь происходит не только из-за маловероятного беспокойства, обозначить свою позицию было важно ровно для одного – доказать право на получение того, что иной даже и мечтать не смел.

– Чего же ты хочешь?

– Всегда любил твою прямоту.

– Ты должен со своей стороны успокоить людей. Дать им проповедь Наставления, призвать к миру и напомнить об ответственности за нарушение закона.

– «Должен?»

– Восстание навредит всем нам.

– Люди считают иначе. Откровенность в их недовольстве выявляется без погрешностей. Много лет они жили с определенными ориентирами и верованиями, понимая окружающий мир ровно настолько, насколько им было комфортно. Но потом все изменилось. А ведь начиналось не так и плохо: новый университет...

– Мне не нужна лекция.

– Отдай им того, кто виноват не сильно меньше Клота, – Петю. И тебе не понадобится ни я, ни мои проповеди.

– Этого не будет.

– Почему? Я серьезно. Да, человеческая жизнь ценна, но сейчас мы заплатим слишком непомерную цену. Один человек – спокойствие тех шестисот тысяч с мелочью, которые живут в Монолите.

– Одним все не закончится.

– Да брось. Опусу плевать, они потеряли здесь почти всех, и никто так и не был не то что бы наказан, даже замены не пришло. Порой мне кажется, их сюда направили в наказание с маленьким шансом на исправление.

– Мы сейчас говорим про слепую ярость толпы.

– Я бы рискнул.

– Выступи перед людьми – спасешь человеческую жизнь.

– Боюсь. Друг мой, сейчас, к моему искреннему сожалению, слово мало способно изменить. Я лишь проповедник, не лидер или надзиратель, мое дело – нести мудрость Наставления так долго, как я смогу.

– Вот именно поэтому ты и «должен» сказать свое слово. Толпа не будет разбираться, кто у них под ногами. Ты признал, что не лидер, ответь, будет ли тот, кого они провозгласят выше себя, благосклонен к тебе и Наставлению? Мы в одинаковом положении.

– Ты просишь меня слепо следовать приказу, при этом сам не хочешь слепо поверить мне. Пусть люди взбунтуются. Им нужно это, иначе ты получишь медленно тлеющий фитиль к такой энергии, обуздать которую уже никто не сможет, ведь она будет разрушительна.

– За эти слова я могу тебя арестовать.

– Люди этого тебе не простят.

– Будет не важно, если я потеряю контроль.

– Что же ты все делишь на черное и белое! Сейчас разгром если и будет, то куда меньше грядущих после твоего диктата. Услышь то, что я сейчас скажу. Целое крыло больницы, акушерское крыло, было уничтожено одним из мигрантов, товарищи которого уже не раз вредили этим людям, нашим с тобой людям, тем, кто не просил чужеземцев делать то, что они делали. Наше будущее, наши дети убиты. Сколько? Сот-

ня? Две? Этого не забудут. Опус буквально навязал свою волю, оставив последствия вне обсуждения. Но люди, эти самые люди, там, за стенами, которых ты защищаешь, слишком часто за последние двенадцать лет сталкивались с трагедией, которую ты, и я, да, мы вместе, должны были предотвращать.

– Но Опус тут ни при чем, здесь все решил один человек, навредив и своим. Андрей сейчас на операции, а Бэккер чудом выжил.

– Возможно, и так, но людям все равно.

– Я не допущу бунта. Монолит выстоит. Я пытаюсь найти оптимальное решение, а ты почему-то лишь подталкиваешь меня к тому самому диктату! Какой у меня вариант, если сам проповедник отказывается идти на мир?

– Не все держится только на мне.

– Но тут есть только ты. Монолиту требуется твое слово.

– Слова не мои – твои. Я лишь должен буду их донести.

– Так вот в чем дело! Ты торгуешься. Хорошо, чего ты хочешь?

– Ты так меня и не услышал.

– Хватит! Я и так уже потратил на тебя время. Решил спокойно переждать – хорошо, переждешь в камере!

– Это не «спокойно»! Да, я ничего не хочу делать, но бездействие сейчас – самое сложное действие! Я вижу во всем этом перерождение, вынужденное и естественное не меньше, чем смена настроения погоды. Возможно, разница между нами сейчас лишь в том... Игорь, поверь и пойми, я верю

в людей, в их благоразумие и способность адаптироваться, падать и вставать, закаляться во взлетах и падениях... а ты нет. Мы уже перешагнули через порог, дай людям адаптироваться так, как они умеют. Ты считаешь их зверем, лишь цепь на шее которого дает результат. Взросление не происходит под надзором. Когда я предложил отдать им Петю, я не хотел его смерти – наоборот, я верю, что люди будут лучше наших ожиданий. То будет испытанием, результат которого определит многое, и уже потом можно будет принимать решения.

Козырев молчал, мирясь с безысходностью, позволив Наставнику проявлять свой интерес.

– Где сейчас Бэккер?

– В ближайшее время он отправится на Опус, никакого Целестина. К взрыву он непричастен.

– Возможно, идея не самая лучшая. Отпустив его обратно, мы лишь покажем нашу покорность и их безнаказанность.

– Он не нарушил ни одного закона.

– А вдруг нарушил? Было полноценное расследование?

– Ты все так же ищешь жертву на убой.

– Я знаю, тебе важны эти люди, ты человек ответственный, в какой-то мере истинный идеалист, защищал чужаков больше, чем кто-либо в Монолите, и я понимаю почему. Тогда я понимаю, почему ты делал это тогда.

– Я уже сказал: одним все не закончится.

– А еще ты любишь повторять, что не любишь повторять.

Я не могу не задать вопрос: Клот обвинил Монолит в строительстве армии роботов – это правда?

– Если у тебя ничего не получится, то применить подобное станет необходимостью.

Боль способна ломать даже самых стойких, низвергая все ранние достижения до жертвы в угоду прекращения нескончаемых терзаний. Сильнейшие могут стать пленниками живого яда внутри их тел, навсегда перевернув понятия добра и зла в объятии изобретательного истязателя. Бэккер никогда не считал себя сильным, скорее предпочитая грубую самокритику за слабость, несмотря на состав той или иной ситуации. И вот так уж вышло, боль сделала его не просто сильным – она стала этакой броней, державшей все его куски вместе и превращая слабого человека в сгусток раскаленного контроля. Сам он так и не придумал емкого описания формы этого странного существования. Хотя толком и не хотел, ведь каждый раз, когда боль прекращается, он сначала не просто рад этому, а мечтает забыть. Но вскоре просыпается голод, который медленно ломает его, как это часто бывает при зависимости. Нынешняя броня позволила ему вернуться в свою комнату без промедления или заминок, чуть ли не горделиво доказывая свою способность вновь сесть в уютный уголок среди мебели. Присутствующая темнота потеряла оборонительное свойство за ненужностью. Каждая клетка тела защищена жгучей тяжелой болью, при этом мысли и чувства существуют где-то на другом уровне оценки, предоставляя удивительное своей гибкостью вос-

приятие окружения. Данное состояние позволяет ему сжиться с чувством вины перед Настей. Бэккер не сказал ни слова дочери о подвиге отца, даже не встретился с ней и не поговорил. Она где-то там, скорбит и ненавидит, терзает себя в одиночестве... Он бы мог помочь, быть рядом, стать тем, кем на самом деле хочет... хотел стать опорой и защитником, тем, кто может применять слова «любовь» и «семья» без дополнительных значений или смыслов больших, чем заложено в сути этих определений. Но Бэккер не сделал этого по тем же замыслам, которые не позволяют ему вернуться на Опус. Второй шанс нельзя променять на то, что уже было в его жизни. Будь то прекрасная первая любовь или же ужасный материнский надзор – крайности его жизни ему не просто известны вдоль и поперек, они уже начинают раздражать своей ограниченностью развития. Знакомое многим чувство: место вроде бы и другое, но вот составляющие почти те же, следовательно, прослеживается закономерность, ассоциирующаяся с оставленным позади. Клот мертв, Петя в заключении, Андрей в больнице, Осколок... неужели уничтожен? Если так, то торговаться больше нечем, а Целестин стал недоступен, при этом участь самого Бэккера под вопросом. Броня боли позволяет выстоять под натиском фактов и начать искать решение взвешенно и стратегически. Шаг за шагом Бэккер должен что-то придумать, сломать шаблоны и создать совершенно уникальное, выходящее за паттерны и сценарии решение для его...

Внезапно броня дает трещину.

Немыслимо! Невозможно! Бэккер осознает истинную, такую знакомую с детства беспомощность, словно ребенок в большом и страшном мире с невидимыми, жаждущими поглощать и уничтожать врагами. Сейчас такой враг всего один, способный нанести ущерба больше любого выдуманного или реального зла на его памяти. Неизвестный, чье имя уже не важно, ведь расправа будет столь же безмолвной, сколь праведной... Этот Вор ранее был здесь, в этой комнате. Доказательство состоит в отсутствии того, чего изначально тут и не должно было быть. Находка достаточно чуждая, чтобы стать собственностью Бэккера вопреки любым правилам и законам. Броня почти разрушилась, силы вот-вот иссякнут, головная боль возвращается вместе с ломающей физической болью, что в целом не удивительно для того, кто час назад был рядом с эпицентром мощного взрыва. Вновь Бэккер принимает решение действовать вопреки и найти того, кто покусился не на его свободу и авторитет, а на саму жизнь. Простые решения – порой самые верные, Бэккер слишком часто забывал это правило. К счастью, сейчас такое простое решение есть.

Стоявший за дверьми Томас совершил главную ошибку – потерял концентрацию на фоне ужасной трагедии. Стоило уронить нечто громкое о пол со звуковой имитацией собственного падения и необходимой для подъема с пола помощью, как Томас вошел под нужной установкой и не заметил

внезапного удара по голове от Бэккера, стоявшего на столе, прямо рядом с дверью.

Единственная удача засчитана за отсутствие людей на этаже. Путь до нужного человека занял несколько минут, Бэккер даже успел глянуть по сторонам лишний раз, представляя то, куда мог пойти этот Вор и зачем. Вдруг оставил улики – или же он сейчас следит за ним, играет, словно кот с мышкой, ради... ради чего?! Голова болит, мысли путаются, одышка становится столь сильной, что остается лишь ускорить шаг и не дать панике взять верх. Двери в квартиру оказались заперты, но Бэккер знал: если память его не подводит, то хакер точно должен быть именно здесь. Если же его нет, значит... да, сейчас лучше по одному делу за раз, все слишком сложно, Бэккер отлично понимает нужду оптимизации сил, иначе...

Дверь открылась, он вошел и сразу же встретил молодого и энергичного парня – вроде бы еще не мужчина, но уже и не ребенок. Столь юный, на первый взгляд, хакер скрывал за ошибочной оценкой крайне талантливый ум, недооценивать который нельзя.

Довольно подозрительно он осмотрел Бэккера с головы до ног, подметив и поцарапанное осколками лицо, и перебинтованные с кистями предплечья.

– Ты плохо выглядишь.

Сам он сидел в удобном кресле в слишком стерильной комнате, будто бы ее только что убрали до блеска. За его

рабочим столом вместо одного обычного монитора было четыре резных прямо на стене, сама же система пусть и была спрятана в столе, но Бэккер знал о ее значительных различиях со стандартными моделями.

– Мне весь день это говорят.

– Не удивлен. А вот тому, что ты здесь, я удивлен.

Бэккер выдержал сильную паузу, пробивая его взглядом.

– Хочешь знать, почему ты был в списке кандидатов, Юст?

Я знаю о твоих хакерских талантах и том, как часто ты применяешь их по своей воле, наплевав на законность. Андрей взял тебя на работу по подобию Насти, но возжелал придержать чуть в тени от всех, поставляя нужное железо и прикрывая твою деятельность. Полезный человек, скрытый, полный юного любопытства и отсутствия слабости перед наживой.

– Тебе нужна личная просьба. – Аккуратный вывод Юста был пропитан странным азартом.

– Не сложно догадаться.

– Да, еще как не сложно, твоя репутация уже опередила тебя, Бэккер. Но в чем моя выгода?

– В том, чтобы с тобой не случилось ничего плохого. – Бэккер был достаточно суров и откровенен в своей непокорности отказу.

– Ага, понял, не дурак. – Юст действительно увлекся этой неоднозначной встречей, то вновь рассматривая его, то задумываясь о чем-то своем. Любой со стороны подтвердил бы: этот Юст идет на уступки ради своей выгоды.

– Мне нужны видеозаписи с камеры наблюдения напротив моей комнаты с момента... – Бэккер быстро вспомнил, что после выхода он так и не посещал свои апартаменты. – Давай-ка глянем с утра, когда за мной зашла Настя.

– Эм, я бы и смог, наверное, но наша доблестная безопасность довольно строгая, я сейчас даже в онлайн-библиотеку не смогу зайти.

– А еще они мне приказали оставаться у себя и принимать лекарства по выписке доктора.

– Ну вот с последним я бы не советовал медлить или...

– Время мое не трать! Кто-то был у меня и украл кое-что очень важное!

– Хорошо-хорошо, понял, давай поищем твоего воришку. – Дверь заблокировалась за спиной Бэккера. – Не беспокойся, это для безопасности.

Юст сразу же погрузился в перипетии сложных и до сих пор малоинтересных Бэккеру процессов компьютерных строк кода. Несколько шустрых минут – и на экране открылось изображение с камеры наблюдения: висела она у выхода из коридора, охватывая все до двери. Первая встреча Бэккера и Насти казалась такой далекой и инородной, придуманной кем-то добрым и чувствительным. Ее забота, доброта и красота напоминали сейчас Бэккеру упущенный шанс сделать все правильно.

Перемотка оказала на него отрезвляющий эффект: он, было, уже хотел поблагодарить Юста, но тот, пока Бэккер

решался, успел найти обвиняемого. Некто в поврежденном скафандре последней модели зашел в комнату с перевозной тележкой, через пять минут вывез оттуда целый шкафчик для личных вещей. Лица не видно – помятый шлем мешает.

– Куда?!

– Я не знаю. И пока ты не начал буянить, не забывай, служба безопасности сейчас чуть ли не кандалы на серверы закинула – нам повезло и одну камеру вскрыть. Я серьезно, шанс был мал, и мы его потратили. Но ты хотя бы знаешь... что кто-то в бронекостюме забрал твой шкафчик для одежды. Это странно, но вещи...

– Тихо! Я думаю. Когда это было? Какое время?!

– Эм, так, эти кадры передают нам фрагмент часов давности.

Развалившаяся броня открыла доступ бесформенному шоку с последующим приступом паники. Юст не вмешивался скорее по соображениям личной безопасности, молча ожидая естественного спада чудовищного смятения Бэккера. Громкий скрип зубов с вот-вот разразившимся криком из глубин неровного и тяжелого дыхания говорили о состоянии больше, чем выпученные от растерянности глаза. Если Клот погиб часа полтора назад, а этот человек, чья броня последней модели повреждена не меньше, чем была у Клота, забрал личные вещи Бэккера меньше часа назад – то кто он вообще такой и что ему нужно?

Письмо 3

Интересно, кто же будет это читать? Мир будет новым или прежним? Интрига. Пришлось вновь идти, искать, изучать. Притворная усталость клокочет от своей власти, будто бы испытывает меня на прочность. Идти стало труднее. Боли нет, разум свободен, своевольность соревнуется с контролем. Новая страница – старая проблема. Нельзя умереть просто так. Если читаешь, то я стараюсь и дальше придать всему смысл, иначе сгину просто так. Искусная маскировка вероломства наглости над правдой. Правдой, что я лишь отгаликиваю запасной вариант. Нельзя поддаваться искушению, есть неукоснительное правило, вырезанное дерзкими штрихами. Нельзя вновь. Нельзя вновь! Нельзя! Да, мне хочется, очень хочется, порыв естественный, но незаслуженный. Это надо помнить. Незаслуженно. Незаслуженно. Использование дает шанс, хитро отнимает будущее. Чтобы не поддаваться своему нравному эгоцентризму, надо помнить их. Помнить тех, кто пострадал из-за меня. Помнить тех, чьи имена ты, читатель, вряд ли знаешь. Я надеюсь, что не знаешь. Как и не узнаешь мое. Имя – это власть. Ориентир для жизни, всегда идущей в другую сторону от смерти с осознанием проигрыша. Люди пострадали, имена все портят: они создают точки интереса, прикручивают эмоции и навязывают причастность. Без-

ликость спасет. Последствия останутся, но рука конструктора должна быть неведома. Все искривлено, система сломана, остается подстраиваться под момент. Голова работает лучше, но искушение слишком большое, отсутствие боли толкает ресурс на незаслуженный шанс сделать иначе. Нельзя. Вновь. Нельзя. Вновь. Нельзя! Пусть так, чем иначе. Один человек не заслуживает такого. Пройден уже большой путь, голод кое-как успокоился, похожее на еду послабило инстинкт. Пока ем, думаю о космосе. Хорошо, что без оборудования других звезд не видно: позволяет смотреть вперед, думать о здесь – не о там. Открою тайну, читатель. Мы тут не просто так. Эта солнечная система ИМБ уникальна, мы этим пользуемся. Но не будь ИМБ, были бы мы? Ответ строго отрицательный. Теперь, столкнувшись с концом, понимаю решение прародителей. Избыток лишает труда, обнуляя потенциал, превращая в функцию, аналог которой проще любого организма. Несправедливо по отношению к человеку. Родители знают это. Хорошие родители знают это. От этого больнее всего – невозможность лично сказать маме «прощай». Мне нет смысла просить тебя передать ей письма, даже не думай, ты не сможешь. Вопреки желанию, мне бы хотелось, чтобы она прочла их. Чтобы узнала участь своего ребенка. Вновь сижу и пытаюсь разглядеть сломанный лабиринт. Для меня это лабиринт. Возможно, кто-то, даже ты, не сразу поймет, о чем я. Но лучше так, ибо безопасность твоя важнее, чем моя. Наверное, я скажу ей, здесь, что сожалею

быть ее ребенком. Одиночество делает мне больно уже достаточно давно, вины моей тут нет. Строго факты, наука и знание. Вины нет – лишь случайность. Когда признаешь себя ошибкой, чужаком, изгоем, то становится легче. Спрос с брака меньше, винить природу нельзя. Значит, могу без искажения морали и нравственности смотреть смерти в глаза и улыбаться, доверяя ей больше, чем химии в моем мозгу и логике в мыслях. Природный характер честен, так пусть природа руководит. Мать не смогла, отец не желал. А может, наоборот: он вроде бы думал практичнее, ее понять было трудно, хоть честность в ее устах звучала достоверно. Мой путь здесь уже оставил свои следы, я вижу это слишком ясно – сломанные лабиринты. Теперь я понимаю – ущерб нанесен, я тут не просто так. Увидеть причину наказания, чтобы смерть наконец-то догнала и закончила историю раздражителя жизни. Правила природы нарушать нельзя, я знаю это. Оттого и имен нет, дат нет, ничего нет. Пусть это будет напоминанием, что устои природы и космоса нерушимы. Нарушишь – повторишь мою участь. Оставайся в маленьком мире и радуйся простоте, обратная сторона тебе не понравится.

Степень отчаянности превратила его в жалкое существо с единственным желанием перед любым грядущим наказанием – увидеться с любимой. За всю свою жизнь Петр ни разу никого не любил так, как Ингрид – здешнюю жительницу, доктора, ставшую его женой и матерью его ребенка. Встретить ее тут и вступить в столь крепкий союз стало важнейшим доказательством правоты его места и времени. Уникальная по своему свойству любовь способствовала созданию чудесного ребенка, доведя верование отца в собственную значимость до высочайшего пика. Много раз говорилось остальным о желании бросить свою работу и вместе с семьей заняться чем-то личным и маленьким, таким безопасным делом для сохранения их уголка. До этого так и не дошло по чудовищной причине – новое падение рождаемости. Что-то было с людьми такое, чего не понимали врачи здешние и прибывшие. Демография в Монолите всегда была низкой, но иногда были необъяснимые кратковременные всплески. Обвиняли воду из Топи, но все анализы доказывали непричастность, при этом привлечь дополнительных людей с Опуса не получалось, что послужило неприятной основой для очередных теорий и слухов. Тогда-то Петя и решил повременить с отставкой и вместе с Ингрид собрать группу для безопасных тестов ради эксперимента по генной инженерии. Петя не мог

не поверить в предначертанный самой Матерью и Отцом союз ради общего блага. Раз он смог стать отцом, к чему толком и не стремился никогда, то значит, и остальные смогут.

Когда появляется нечто столь любимое, уникальное и естественно прекрасное, желание делиться этим неопишымым в своей искренности чувством не заставляет ждать. Изучение самого свойства отцовства для него стало самой большой гордостью и достижением, особенно на фоне его статуса сироты с малых лет. Своего ребенка он не оставит никогда, тут сомнений не было ни секунды. И, как ни странно, именно сомнений Пете не хватало, из-за чего чрезмерная уверенность преобладала над остальным. Ослепленный любовью отец недосмотрел – и в целой камере для содержания испытуемых женщин случилось замыкание... Десять женщин сгорели заживо вместе с пятью новорожденными. Задача была найти ту ускользающую разницу между недавно рожавшими и пока что неспособными. Задача достаточно высокая в своей важности, чтобы о ней знали все. Дальнейшие события он помнит все меньше и меньше, но, к сожалению или нет, чувствует лишь сильнее, словно невидимая игла пронзает его существование все глубже и глубже с каждой трагедии.

Встретить Ингрид он хочет не из-за желания вновь просить прощения за гибель их пятилетней дочери, а ради последнего эксперимента – остановится ли игла в ее присутствии? Хоть на чуть-чуть, дабы вспомнить отсутствие бо-

ли... а потом... потом, если будет выбор, наверное, возможно, Петя толком и сам не уверен, но смерть была бы встречена с благодарностью за шанс напоследок ощутить покой. Мысли об этом помогали коротать тягостное время в камере заключения, той самой, где он уже сегодня был. В этот раз компанию ему никто не мог составить, все заняты устранением чудовищного ущерба, оставленного в наследие Монолиту руками его бывшего друга. Любая теория о катализаторе изменений Клота теряется среди сотен самых невообразимых и толком несостоятельных. Петя понятия не имеет, что же должно было произойти с его другом для таких решений. Почему тот не обратился за помощью? Почему сотворил ужасное? Вновь, вопреки вопросам, Петя винит лишь себя. Что-то недоглядел, как-то не помог... Игла вновь пронзает, а он вновь ничего не может сделать. Так бы это и продолжило мучить его, если бы кое-что не отвлекло. Некая фигура встала посередине перед его камерой. Петя изначально попросил выключить свет, дабы растаять во тьме и забыться в скорби и боли, так что ныне видит незнакомца лишь мрачным очертанием за счет дальних ламп.

Как такового знакомства не было – неизвестный вообще вел себя вполне по-свойски, если и имея какой-либо дискомфорт или неудобство, то тщательно это скрывая. Не прошло и десяти минут, как Петя плавно, ведомый сильнейшим увлечением, выбирался из уже ненужной темноты. Голос незнакомца пусть и приглушен шлемом, но был притяга-

телен странной силой в каждом слове и мудростью в каждой интонации. Человек этот со всей своей таинственностью раскрывался ему неким олицетворением столь необходимого, сколь потерянного великого и незаменимого знания. Медленный, лишенный даже самого слабого намека на сомнение голос обладал эффектом внушения, достаточно сильным, чтобы Петя столкнулся с невыносимым: боль от иглы приобрела спасительный смысл, став важной частью его истинного предназначения. Все время незнакомец не говорил – повествовал, формируя в уме нового последователя масштабную историю с именами и деталями, качеству чего позавидует само Наставление. Все недостающие детали легко встали на место, непонимание событий этого ужасного дня сменилось на сильнейшую идеологическую привязку не только к уже случившемуся, но и к грядущему. Потому что еще ничего не закончено, столь необычный и хитрый план дружелюбного чужака, увы, не реализован. Отдельным доказательством значимости для него этой необычной истории служит отсутствие желания поделиться этими знаниями с кем-то еще. Но не из-за страха развеять смысл или же быть высмеянным: как раз наоборот, подобное откровение – это бремя столь тяжелое, что передать его другому, особенно против воли, больше подойдет под наказание. А так как Петя избегает новых трагедий, да и никакой славы или почестей ему не требуется, то он примет это самое бремя и, если надо, отдаст себя в жертву ради исполнения предназначения.

Необходимая Козыреву речь Наставника транслировалась по всем каналам Монолита, дабы призывающие к соблюдению мира слова были услышаны каждым. Но только слова эти оказались совсем не мирными. Призывы к добродетели приобрели форму оправдания вынужденной руки справедливости, подменяя прощение наказанием с разрешением выпустить ту возвращенную Монолитом тьму. Любое прощение ныне обернется поощрением зла, любое будущее не будет одобрено Наставлением без избавления от проблем настоящего. Показать силу сегодня – чтобы стало безопасно завтра. Наставник кричал столь ярко, сколь замороженно. Он упоминал армию роботов в замену людям, упоминал ограничения в образовательной сфере, упоминал даже постепенное внедрение экзокостюмов и автономных инструментов, замещающая чистого человека грязной имитацией. Слово Свидетеля – так он обозначил свою пламенную речь, способную пошатнуть идеологию многих приверженцев рабочего класса.

Моментально Наставник был арестован по причине большей, чем призыв к восстанию, – каким-то образом записанная заранее, неудобная государству речь не просто проигралась вместо той, которую он записал под цензурой Козырева. Она не могла быть удалена с повторяющегося цикла воспроизведения. Технические специалисты обозначили главное –

хакерский взлом столь высокого уровня, что проще отключить всю коммуникацию, запустить инициализацию системы с последующим обновлением всего и вся. Гнев Козырева был всеобъемлющим. Теряя время и терпение, было решено отключить коммуникацию, а заодно и заблокировать блоки, даже двери квартир, дабы пресечь то, что, как вскоре оказалось, уже началось.

Настя и Оскар и подумать не могли стать свидетелями настоящего бунта. Пусть внешние двери блоков еще выдерживали натиск за счет механических замков, но внутри властвовала неконтролируемая, копившаяся десятилетиями и наконец родившаяся ярость. Треть граждан сторонилась влияния большинства и старалась остаться в стороне, заботясь о своих жизнях и жизнях близких. Хотя, разумеется, были и те, кто считал агрессивный подход в переговорах с государством неверным по своей сути. Если среди таких и находили смельчаки, способные открыто призывать людей к порядку и сохранению спокойствия, то участь их оказывалась не самой завидной.

Благодаря сводкам с государственного канала и записи с видеокamer, которые в онлайн транслируют события в блоках исключительно для государственных служащих, Настя и Оскар не остались в неведении.

– Что же будет? – Настя заговорила впервые после смерти отца, продолжая потакать уязвимости и слабости.

– Пока этажи и блоки изолированы, будем ждать. Люди

накричатся, разнесут, что смогут, там, может, и успокоятся.

– Сколько же погибнет...

– Боюсь, мы вряд ли сможем спасти тех, кто не разделяет этот беспредел. Сейчас они сами по себе, к тому же служба безопасности не будет вмешиваться, пока там слишком «жарко». Лучшее – ждать.

В этом кошмаре ее всерьез впечатлила расчетливость Оскара, который вел себя и выглядел уже куда взрослее обычного, больше мыслил и меньше спешил.

– Я не могу не задать вопрос: ты что-нибудь знаешь про упомянутую Железную армию? – Настя и сама не знала причину этого вопроса.

– Нет, – ответ был кратким и сухим. Ожидаемо Настю такое не устроило, и он дополнил: – Слушай, мой отец всеми силами был против моей работы, но, так как я достаточно упрям, он придумал назначить меня к вам. Я понятия не имею ничего о его планах, задумках или чем там он занимается. Если Клот был прав, то мы скоро сами все узнаем. И да, я считаю, что это неправильно, и если и должна быть такая армия, то уж точно с одобрения всех. Довольна? Отлично.

– Вообще-то нет, недовольна.

– Ну, значит, между ними и нами кое-что общее все же есть.

– Это не смешно!

Настя села обратно на стул, рядом с Андреем, и спрятала лицо в ладонях. Внутри так и кипело колкое неверие во все

увиденное и услышанное, не говоря уже о том, как сильно ей хочется просто отдаться горю и утонуть в боли от смерти отца: ведь ей уже начинает казаться, словно память о нем куда-то пропадает на фоне всех скоротечных перемен. Но тут рядом подсел Оскар, взял ее руки, посмотрел ей в глаза и сказал с несвойственной заботой:

– Моя мама всегда говорила, что человек должен быть на своем месте, иначе он принесет беду. Знаешь, как понять, где твое место? Оно там, откуда ты не уходишь, хотя имеешь на это все шансы. Мы с тобой здесь, потому что не можем не быть здесь. Согласна, что мы там, где можем принести пользу больше всего?

– Да, согласен. – Внезапный голос пробудившегося Андрея шокировал обоих. Они сразу же подскочили к нему и старались как-то помочь, что-то сделать, Настя уже собралась звать доктора, но Андрей ее остановил: – Не надо, я в порядке, все хорошо. – Плавнo сел на краю кровати, внимательно осмотрел обоих, улыбнулся от радости видеть их и, уже ожидая худшие новости, произнес: – Рассказывайте.

Сначала оба молчали, мельтеша среди событий слишком плачевного контекста, подбирая правильный угол и чуть ли не переживая все заново. Возможно, именно нужда провести отчет повлияла на Настю в лучшую сторону, открыв ей путь к преобладанию над эмоциями. Оскар был рад видеть ее силу воли и некий эквивалент взросления во время непростого пересказа. Очень тщательно подбирая слова, Настя избегала

эмоционального окраса, держа сухую фактику на передовой.

Взрыв в лаборатории, предположительная гибель Клота, потом история про некомпетентность Бэккера и полет к Целестину, который был задуман как способ развлечь сыночка, причем они так о нем ничего и не слышали, видимо, он уже готовится к отправлению, ведь Козырев отменил вылет к спутнику. А потом оказалось, что Клот жив и, используя Осколок, он уничтожил целое крыло. Про отца Настя умолчала, но, как подметил Оскар, то ли Андрей сам понял по ее неявственной отрешенности на этом моменте, то ли ему просто было все равно. И, скорее всего, больше подходит второй вариант: ведь стоило Насте закончить на поднявшемся бунте и введении военного положения, как Андрей чуть ли не подскочил, желая быстрее одеться.

– Где мои вещи?

Не успели ему ответить, как руки уже начали ворошить ящик в комод, куда поместили все содержимое карманов его одежды. Там он сразу же нашел неизвестную для Насти и Оскара коробочку, совсем небольшую, спокойно умещавшуюся в одной руке. Деревянный прямоугольник, этакий брусок, каждая сторона которого была обработана в разные тона изрезанными узорами. Только уже Настя собралась спросить, что это, откуда здесь такой изящное дерево и кто его обработал, не говоря уже о содержимом, как Андрей взял привычное для них слово лидера:

– Наставник и Козырев уже давно не находили общий

язык по всем известной теме Опуса. Он далеко не глуп, явно что-то задумал, причем Игорь знает это. Так что не смотрите на все слишком поверхностно.

– Так это был вопрос времени? – Оскар успел вкрапить неприятный вопрос.

– Да. И раз все случилось сейчас, значит, на то есть причина.

– Что нам делать? – Оскар проявлял привычную примерность, но в этот раз Настя не смогла последовать примеру.

– Ничего! – Сам Андрей удивился ее порыву с нескрываемыми нотками непривычной для нее злобы. – Мы останемся здесь и будем ждать окончания карантина либо же приказа главнокомандующего! Хватит уже проявлять инициативу! Напроявлялись уже!

– Настя...

– Нет, Оскар, ты сам сказал, что мы должны быть там, где приносим пользу. Мне нравится эта мысль, очень кстати в нашем положении! И я не буду слушать всякий бред про долг и прочее. Петя в камере, Дима погиб, Клот стал убийцей, а мой отец – жертвой вражды двух чужеземцев!

– Что? – Андрей был шокирован грустным известием. – Мне очень жаль... это ужасно, твой отец был хорошим...

– Я знаю!

– А еще ты знаешь, он бы хотел, чтобы мы сделали свою работу. – Андрей старался быть мягче, заботливее, но сразу увидел тщетность попыток.

– Наша работа закончена. – Настя решительно закрепляла эту мысль. – Осколок уничтожен, Бэккер скоро улетит обратно, а...

– Что значит уничтожен? Как?!

– Судя по всему, Клот как-то использовал его – и шарашнуло. Да и даже если этот Осколок или часть его сохранились, мой отец не даст его нам.

Андрей оброс невиданной ранее злостью – вот-вот, казалось, он либо что-то сломает, либо накричит на всех. Значительно уверенный шаг истоптал палату в поисках нужной мысли. Настя и Оскар замерли от удивления, переглядываясь и ожидая.

– Значит, так! Раз уж весь день все идет через жопу, то будем работать опрометчиво. Я искренне, как никогда, прошу довериться мне, как другу. Сходите за Петей, вытащите его из камеры. Настя, если надо, примени свою должность – или же ты твою силу, Оскар. Мне все равно, сейчас не до формальностей. Потом позвоните мне, я встречу вас у своей квартиры. Отвечая на первый же вопрос: если все получится, то мы сможем все исправить, но нужен Петя. Он лучший специалист по Осколку на всей Коме.

– Но Осколок...

– Их больше чем один. – Настя проронила это машинально, сама удивившись своей скорости. – Бэккер сказала мне про это. Это ведь так, Андрей?

– Да. Это так.

Около часа Юст выискивает возможные лазейки для доступа к записям видеокамер. Все это время Бэккер сидел рядом и выдавал громкость мыслей сильнейшим молчанием, порой так и подталкивая Юста задать один-другой вопрос на тему Вора. С момента опознания они так и не нашли других его следов, хотя данных для сортировки было катастрофически мало. Но человек этот затеял какую-то игру с Бэккером, тут сомнений не было.

– Слушай, я понимаю, тебя это очень волнует: кто-то вломился к тебе и забрал что-то личное, но у нас тут, как бы так сказать, есть проблемы большего масштаба. – Бэккер оторвал уставшие глаза от пола. – Тут Наставник, вон, призвал всех к революции, а мы...

– Нас это не касается. – Бэккер ощущал голод, истощение и тяжесть во всем теле, но, к счастью, данное состояние ему привычно.

– Ну, я бы так не сказал. Вот-вот – и систему вообще заблокируют, оставив только внутренние каналы, а там, если я ступлю хоть шаг, меня раскусят, заодно и на тебя выйдут.

– Тебе нравится ходить по острию, импровизировать и изучать. Развлекайся.

Юст хотел было уже возразить, но промолчал, задумавшись о чем-то своем.

– Может, хоть скажешь, что он забрал? Авось я найду аналог или же...

– Не найдешь, – отрезал Бэккер, встал со стула и, аккуратно потерев глаза, дабы не задеть порезы на лице, спросил уже с некоторым неприятным смирением:

– Можешь посмотреть, на меня выписан ордер на арест или что-то типа того?

– Эм... сейчас, так, смотрю и... нет, что-то ничего нет. Зато на Наставление выписали арест всего имущества и последователей. Похоже, сегодня последний день работы церкви.

– Аврора... – Бэккер оживился. – Ты можешь посмотреть? Или даже вокзал! Были отправления последние пару часов?

Но не успел Юст и кнопку нажать, как Бэккеру поступил звонок от Оскара. Юст сразу же ударил по клавишам и ответил: – Отследить вроде не смогли. Пока это просто звонок от Оскара. Ну как минимум с его напульсника.

Бэккер не хотел отвечать по разным причинам, но, то ли Юст дал ему толчок своим любопытством, то ли из-за тупика с Вором, звонок все же был принят.

– Бэккер, слышишь меня? – Встревоженный и резкий голос заполнил квартиру по громкой связи.

– Слышу.

– Я спрошу один раз: Петя сейчас с тобой?

Оба выразили синхронное удивление, после чего Юст впопыхах нашел видеозапись с изолятора, где отчетливо видны Оскар и Настя.

– Он пропал. Если ты как-то причастен к этому, то лучше скажи сейчас, потому что разборки могут подождать, а вот Андрей не может.

– Андрей?

– Он проснулся, кажется, здоров. Но ему нужен Петя, таков приказ, который мы должны выполнить.

– Я не знаю, где он.

Подтолкнув Юста, Бэккер надеялся посмотреть архивные записи, дабы найти причину пропажи, но отрицательный ответ вновь стал единственным. Все заблокировано, доступа к записям толком не осталось. Юст пораскидал руками, скривил лицо, показательно выругался.

– А зачем он вам?

– Не твое дело, Андрей сказал – мы выполняем.

Бэккера кольнул факт того, что с ним говорит именно Оскар.

– Настя с тобой? – Вопрос был тяжелым, тут даже Юст решил не вмешиваться. – Скажи ей... я пытался спасти ее отца, я... – Через монитор Бэккер видел ее лицо и говорил уже ей. – Я видел его смерть. Когда Клот собрался все взорвать, твой папа накинулся на него, подхватил и... он сделал так, что радиус взрыва сместился, чем спас многих людей. Он хороший человек.

– Хватит! – сквозь слезы подстегнутой боли прокричала Настя.

– Прости меня, – сказал он уже тише, прекрасно зная свой

статус в ее глазах.

Еще один момент скорби о былом и сожаления о грядущем, в котором исправление отношения кажется все более туманным, что делает его поиски Вора все более необходимым.

– Вернемся к делу. – Оскар проявил заботливое понимание. – Если ты не знаешь, где Петя, то будем искать дальше.

– Спросите у Ингрид.

– Думаешь, к ней пошел? – Настя среагировала на его совет через силу.

– На его месте я бы пошел к тому, кого люблю. Больше вариантов не вижу.

Откровенность слов Бэккера зацепила в Насте какие-то струнки, возможно, думала она в этот момент, сейчас этот человек проявил свою искренность, как никогда ранее.

– Что ты знаешь про второй Осколок? – неожиданно спросила она, черпая силы из этих странных чувств. Сам же Бэккер не ожидал вопроса и столкнулся с распутием, ведь между ложью и правдой сейчас разница гигантская, как и между тем, чтобы закрепить это откровение между ними и сделать то, ради чего он на Монолите.

– Я знаю о его существовании, но еще не знаю, где он.

– Хорошо, мы к Ингрид, ты пока будь у себя, – слишком официально прозвучало от Оскара прямо перед отключением.

– Повезло, что они не спросили про Томаса, да?

– Так и знал, что ты про это скажешь.

– А еще скажу, что ты правильно поступил, сказав ей про отца и извинившись. Было очень искренне и красиво. Думаю, она оценила.

Бэккер кратко кивнул в знак благодарности. Пожалуй, если бы не известие о пропаже Пети, то сейчас он бы и вправду вернулся в свою комнату, как бы доказывая Насте, что ему можно верить, ибо ныне, в контексте смятения из-за Вора и общей неудачи во всем, хочется, чтобы важный человек думал о нем хорошо. Такое простое желание было для него жизненно необходимым, но недоступным. Но, может, так даже к лучшему, оправдывает Бэккер свой страх как некий защитный механизм в сотрудничестве с совестью, кричащей о его ущербности в отношениях с ней. Разве он хороший человек? Видя ее рядом с Оскаром, их взаимность и его желание ее защитить, так и хочется взять самоотвод и не мешать им быть счастливыми, пусть и в ущерб самому себе. Зато она будет в безопасности.

– Забудь про Вора. Надо найти Петю, – потребовал Бэккер, глуша мысли о Насте.

– Зачем? Петя-то тебе к чему вообще?

Удивление Юста было встречено строгим, уже привычным взглядом Бэккера.

– Я думаю, наш Вор как-то связан с этим. Найдем Петю – найдем Вора. – И вновь ложь слетела с языка Бэккера легче, чем бы ему хотелось.

– Я не могу ни связаться с ней, ни даже понять, где она. – Настя говорила быстро и напряженно, чуть ли не выходя из себя от этой неприятной ситуации. – Она вообще может быть сейчас в больнице или погибла. – Оскар увидел ее переживания и уже собрался как-то посочувствовать, но Настя удивила скорым проявлением трезвого контроля, поборовшего эмоциональный всплеск еще на подходе: – Не будем гадать. Сходим к ней, сегодня выходной, может, она дома. Пойдем, тут близко.

– Эй! – Оскар остановил ее, взяв за руку, и для внушения посмотрел строго в глаза. – Что у тебя с Бэккером?

– Это вот сейчас совсем не важный вопрос.

– Не согласен. Судя по тому, что я слышал, вы довольно близки. А ведь он тут всего дня три.

– Если это ревность, то я польщена.

– Будь дело только в этом, я бы не напрягался, он мне не ровня. Меня волнует другое. Бэккер, как я могу судить, достаточно много знает и слишком на многое влияет, но при этом...

– Так, стоп. Ты откуда такой взрослый стал резко?

Испытывающий взгляд Оскара имел место быть из-за простой необходимости отработать любой возможный сценарий.

– Моя работа – не только охранять тебя, но и знать, от кого охранять.

– Я понимаю. И спасибо за это. Но сейчас нам надо думать не о Бэккере, согласен? – Оскар нехотя кивнул. – Пойдем, времени и так потеряли много.

Его забота раскрыла перед ней еще более глубокого и интересного человека, чем она когда-либо его считала. Путь с нулевого этажа до пятого оказался скоротечным не в последнюю очередь за счет доверительного сближения, благотворно придающего сил в борьбе со стрессом. Выйдя из лифта, они направились к жилым помещениям без промедления. Гнетущая атмосфера соседствовала с таинственным любопытством перед каждой дверью и за каждым поворотом бесчисленных коридоров. Напряжение и без того было высоким, но теперь, когда счет шел на минуты, твердая решимость сделать дело с каждым шагом лишь возрастала. Внезапный сигнал входящего сообщения на напульсник Насти вынудил остановиться: «Петя на Авроре, скорее на южный вокзал!»

– Кто это прислал?

– Юст.

– Откуда он знает...

– Возможно, это Андрей его попросил, они неплохо дружат. Пойдем.

– Стой, ты веришь ему? Настя, мы почти пришли, давай лучше проверим, вдруг он ошибается или...

Но не успел Оскар договорить, случилось самое неожиданное, всерьез представив ранней решимости суровое испытание: сразу же за внезапным отключением всего электричества заработала аварийная система, окрасив все вокруг в красные тона, многократно усилив страх перед автоматическим оповещением по громкоговорителю: «Система перезагружается, блокировка снята».

Напряженная тишина мучила их достаточно долго, чтобы они ощутили себя загнанными крысами в чужом лабиринте, постоянно выискивая скрывающихся за каждым углом хищников. Путь к цели оказался столь напряженным, что им уже хотелось доказательства наличия врагов, дабы избавиться от вездесущего невидимого преследователя. Но никого так и не было, как и в квартире Ингрид. Неизвестно, куда она ушла, да и была ли здесь сегодня, но внутри пусто, следовательно, драгоценное время они потратили зря. Правда, моментально возник вопрос: не лучше ли пересидеть беспорядки? Закрыть дверь механическим путем и сократить риск конфликта до возобновления порядка – план хороший, но долго ли ждать? Вдруг все еще хуже, чем кажется, ибо связи нет, информация отсутствует, они одни во враждебной среде, что провоцирует на самые мрачные мысли. Если Пете или Юсту, да тому же Бэккеру нужна помощь, то у Оскара есть оружие и в случае чего Настя окажет первую помощь. Так что решение было единым и непоколебимым в своей ценности – скорее идти к вокзалу, к тому же, если и есть по-настоящему

безопасное место в нынешнем положении, то это Аврора.

Оскар бежал первым и держал наготове полуавтомат. Настя же отказалась брать предложенный пистолет по причине малого умения пользования, да и само оружие ей было неприятным. Лифты застряли на ближайшем этаже с открытыми дверями, из-за чего пришлось идти по лестнице, чуть ли не считая каждую ступень для поддержания концентрации. Уже спустившись на нужный этаж, Настя остановилась по указу Оскара, чей слух успел распознать надвигающиеся крики. Двери были открыты, и оба прятались за стеной от бунтовщиков, чье количество ожидаемо могло возрасти, так что в нужный, выбранный строго на интуиции момент Оскар выскочил из-за угла и наставил оружие прямо на тех, кого уже считал противниками. Двое молодых ребят, толком еще и не мужчины, но уже и не подростки, держа по трубе для акта вандализма, сначала испугались вооруженного мужчины, но, когда со стороны появились их друзья, даже рычащие команды преобразившегося Оскара перестали оказывать эффект.

Количество в таких стычках – ключевой элемент успеха, чем и воспользовались агрессивные молодые люди, коих уже насчиталось десять человек. Только они перегородили путь, Оскар сразу открыл огонь по ногам, моментально и вполне успешно разрядив весь боезапас. Половина самых невезучих упала на пол с криками боли и гнева, заразив оставшихся ранее невиданным бесстрашием. Приказав Насте бежать, Ос-

кар достал пистолет и сразу же выстрелил в голову ближайшему юноше, за чьим телом успели спрятаться двое и сразу же накинуться на него. Настя же не смогла выполнить приказ из-за внезапного появления агрессоров прямо перед ней. Попытавшись вернуться к лестнице, лишь мельком взглянув на вполне успешное устранение Оскаром своих противников, Настя добежала до дверей и встретила еще человека, сразу же схватившего ее за волосы и потащившего к лестницам, крича всем остальным, что узнал ее.

Попытки самообороны были провалены в тот момент, как второй подбежал к ней и ударил ногой в живот, отчего она упала на пол, оставив прядь волос в руке первого. В момент ужасной боли и чудовищного страха случилось еще более безумное: агрессивный спор между желанием убить ее здесь в отместку за нанесенный учеными ущерб и показательной казнью перед другими людьми. Ударивший ее хотел все сделать здесь, но первый же подошедший желал подать остальным пример. И без того невыносимый по своему содержанию и форме спор превратился в конфликт столь яркий, сколь скоро подоспевшие бунтовщики создали два дерущихся за свое право распорядиться жертвой лагеря. Мгновение – и среди настоящей бойни тридцати человек, разделявших побитого толпой Оскара в центре зала и забившуюся под лестницу Настю, случился взрыв. Оглушив всех и каждого, всплеск энергии нанес сокрушительный ущерб сборищу нарушителей: те, что были в центре, – мертвы, кому по-

везло быть подальше, получили рваные ранения и увечья, но главное – буйство сменилось чудовищным стоном.

Перешагивая изуродованные тела живых и остатки мертвых, Оскар с трудом добрался до оглушенной Насти. Подняв избитое тело на руки, он попытался поговорить с ней, но она лишь вцепилась в него. Преодолевая боль и кипящую ненависть в адрес этих людей, защитник понес ее на руках в сторону вокзала, но, пройдя метров десять, осознал необходимость остановки. Ближайшим местом, где можно спрятаться и забаррикадироваться, оказалось уборная. Кипящая кровь довела рефлексы до совершенства, позволив незамедлительно и бесстрашно убедиться в безопасности, перешерстив все десять кабинок мужской и женской стороны с полной готовностью убить любого. По свершении задачи он сразу же закрыл дверь, используя аварийный механический переключатель, отрезав туалет за общей дверью от коридора. В женской кабинке свет работал лучше – там он и собрался привести Настю в порядок, но стоило посадить ее на площадку между раковинами, как ею овладела паническая атака. Оскар все повторял, что все хорошо, они в безопасности и сейчас нет никого, кроме него. Взяв ее голову руками и смотря в ее испуганные и влажные глаза, он смог достучаться до рациональной части, что побороло неуклюжие выпадки и наконец-то осознано безопасность этого момента. Оскар зачесал ее грязные волосы назад, чтобы увидеть испачканное кровью лицо, чему она уже не противилась. При том что у

нее были синяки на левой щеке, выдранные волосы с правой стороны и многочисленные следы побоев по телу с ушибами ребер, само психологическое состояние пострадало худшим образом – невозможность не то чтобы мыслить прагматично, целое смятение на всех уровнях проникло в каждую ее частичку. Она не хочет ни злиться, ни прощать, ни уж тем более искать оправдание или же принимать компромисс. Сейчас, впервые в жизни, Настя оказалась в другом мире, где действуют иные правила и законы, иные настолько, что ей придется учиться всему заново.

Прижав ее к себе, Оскар все повторял, как скоро вновь будет хорошо, стоит лишь чуть-чуть подождать. С каждым его словом Настя все лучше складывала пусть и шаткую, но хоть какую-то картинку, и уже через несколько минут первой серьезной мыслью старого мышления стало понимание ценности этих слов для самого Оскара. Потому что, вопреки водовороту безумия, среди криков, злобы, вони и боли она как-то смогла углядеть тот самый момент, когда Оскару пришлось кинуть гранату в толпу молодых ребят. Человек, который всегда был в ее глазах разбалованным наглецом и эгоистом, совершил ужасный поступок – убил нескольких человек, оставив многих инвалидами. И вроде бы в ней пробивается сильная благодарность, только вот сочувствие оказывается куда сильнее. Настя ощущает его страдание и ужас не хуже собственной боли, что рождает вторую мысль: если бы не бесчеловечное решение, то сейчас она была бы мерт-

ва, как, скорее всего, и он. Вызванная неизвестным фактором тишина столь же яркая и живая, сколь внутри Оскара и Насти бушует болезненный ураган нежеланных, но необходимых перемен.

Письмо 4

Лабиринт обретает понятную форму. Время разрешает приспособиться к чуждому без преград. Теперь все чуточку проще, можно перестать бояться и видеть четче. В самом большом лабиринте, в глубине, среди уродства и прошлого, был человек. В темноте, один, мужчина скорбел. У него была дочь, была жена – но теперь лишь скорбь. Он один, сам не знает, чего хочет. Тень прошлой жизни, как и я. Мы в этом едины – прошлое мучает так же, как и придает сил на завтра. Замкнутый круг. Но мне открыто больше, чем он знает. Мне открыто то, чего я не хочу помнить и знать. А казалось, что скоро уже конец, осталось лишь дотерпеть, чтобы излечить мир своим исчезновением. Самоотверженно, благородно. Никто не узнает. Только если ты, кто читает. Но ради чего? Мужчина искал хоть что-то, чтобы понять свой лабиринт, понять предназначение координат в этом месте. Состояние столь знакомое, что пугает. Неужели всех ждет такое? Смятение пред тайной, существование которой может быть и вовсе выдуманно. Защитный механизм. Как такового предназначения не существует. Строим свою дорогу, порой лишь чтобы идти. Как и я недавно. Что мы можем, если боимся признать заводской брак? Изобретать. Логично. Но что если признать плохую сборку? Одобрить в системе координат чу-

жой код? Неизвестность. Мы все ищем свое место по подобию мечты, лишая уродство права голоса. Уродство? Мы сами придумали это слово и его назначение. Я пишу это в раздумьях – готов ли он? Обобщенная некорректность отчаянных выводов отлично заразила его оголенные контакты. Теперь он со мной. Недавно было открыто искреннее исчезновение ради блага лабиринтов. Теперь, ища инструмент предназначения, возможна лазейка. Сделать все вопреки, жертвуя всеми ради всех. Нарушаю свои же правила. Как и всегда, поддаюсь. Сейчас у нас много работы. Имен пока не будет. Если провал, то хотя бы ты, читатель, узнаешь о попытке. Что еще остается браку? Доказать свое присутствие ради статистики. Жалостливая надежда на иное завтра для потомков. Или же утвердить правило ровни, пресекая нарушение новых стандартов. Пока не понятно, что выберет этот мужчина. Путь еще позволяет маневр. Вопрос с подвохом: если в разрезе времени выбор всегда меняет свой оттенок, то зачем он вообще нужен? Подвох тут в том, что сам вопрос не имеет смысла. Ты же не будешь винить солнце за то, что оно горячее? Каким ему еще быть с вычетом крайностей. Выбор живет так же, как волна в океане или ветер в поле, – без него никак. Бездействие – такое же действие. Иное – лишь придумка. К этому надо быть готовым, читатель. Помни, если все брак – значит, никто не брак. Но если так, то бывает ли что-то верное? Может ли назначенный брак оправдать ожидание в умном вопросе? Все это написано для

того, чтобы избавиться от провокатора – судьбы. Да, мама, я все еще ненавижу судьбу. Наличие ее определения – яд, лишаящий развития. Я знаю, о чем пишу, тебе, родитель, не понять. Возможно, читаемое тобой – урок всей жизни. Стоит дать судьбе жизни, так пути воли уже никогда не оставят в покое. Думаешь, что ты свободен? Тогда почему боишься свободы воли? Потому что координат нет. Разрез времени лишает значения. Аналог создать не трудно, лишь подождать и обнулить память. Декорации по будильнику, люди по сценарию. Сюжет не важен, его придумали для слабых, чтобы не дать браку больше, чем тот способен воссоздать. Мужчина хочет этого большего – я даю ему это. Плохо ли это? Кому как. Граница решает. Стоит за нее выйти. Попробуй, но прежде запиши, чтобы понимать. Он же выбрал свое. Завидую. Все так просто и понятно. В момент хочется упростить все до дня. Попробуем один эксперимент. Для нас ответ – не скоро, для тебя, если повезет, – уже вот-вот.

Никто так и не понял, откуда появились те, кого в скором времени не без причины заклеямили Безликими. Где они были все это время и откуда пришли? Ведь совершенно неожиданно люди заметили их уже в неприличной близости к неизбежному столкновению с нарушителями, провоцируя любопытство больше, чем страх. Важно отметить вполне допустимую некомпетентность воспоминания того самого первого контакта с Железной армией по причине довольно травмирующего психику исхода этого неравного противостояния. У людей Монолита толком и оружия взять неоткуда, большинство даже не знает его устройства, отчего протестующие так и остались с орудием ближнего боя. Да и цель его была скорее общая: защищаться от других, швырять во вторых и пугать третьих, лишь изредка использовать кусок пластика или железа для взламывания тех редких оставшихся в блокировке дверей или же простого в своей бессмысленности вандализма. На Монолите оружием обладали только военные и охрана.

Неподготовленный человек, вопреки изумлению, вряд ли поверит, что это массивное тело в облачении брони способно на успешное передвижение по коридорам блоков. В этом и состояла ключевая ошибка первых задержанных: устрашающее создание создавали именно с учетом размеров блоков,

чьи чертежи были загружены в процессор для оптимизации маршрутов. Каждый шаг массивных ног и движение крупного корпуса с большими руками отдавали непоколебимой властью, ведь размеры его закрывали почти все пространство в коридоре, не позволяя кому-либо обогнуть эту глыбу. Поворотные механизмы работали плавно и быстро, а круглая голова на двухметровой высоте содержала множество микрокамер наблюдения, дабы видеть все вокруг и реагировать без промедлений. Первой же реакцией на обнаружение нарушителей служило сканирование лица с последующей записью на главный сервер о действиях, ну а после секунды сбора данных запускался пульсирующий свет с верхушки головы для ослепления любого наблюдателя и режущий внутреннее ухо звук. Если же в промежутках между раздражителями приказы сдать и дезориентация не имели успеха, то в ход вступали выстреливаемые из кистей на любые расстояния дымовые или световые капсулы. Для тех, кто все же мог добраться до него самого, преодолев нешуточные испытания еще и резиновыми пулями, уже от простого удара железом по плоти не оставлял шанса на сопротивление. Каждый из таких был облачен в броню, что придавало массивности и по совместительству скрывало конструкцию, дабы никто не мог найти возможные слабые места. Все происходило без заминок, люди толком ничего не могли противопоставить сильнейшим раздражителям, спасаясь в основном бегством. Синхронность исполнительности позволила дробить

группы на более мелкие и запирать их в помещениях, отсекая выход из блоков.

Козырев наблюдал происходящее через десяток мониторов перед собой, куда изображения поступали с самих роботов, чье расположение на схеме блоков отражалось пульсирующей красной точкой среди белых линий и черных областей. На другом мониторе были цифры в реальном времени о количестве опознанных, нейтрализованных и запертых, там же был еще и список искомых, первым среди которых был его сын. В случае его обнаружения есть приказ защитить и доставить на базу, невзирая на любые преграды. Вторым числился один из создателей проекта Безликих – Андрей Дикисян.

Группа из пяти программистов и пяти механиков внимательно следила за всеми показателями каждого солдата и делала свои заключения, лишь изредка обращаясь к Козыреву с отчетом. Все эти люди были тщательно проверены и выбраны для проекта лично Дикисяном из первых студентов университета под началом Техгруппы. Тогда целью было поднять уровень образования и создать новые профессии ради освоения неведомых ранее технических областей для более глубокого изучения таинственной планеты. Несмотря на прекращение этой инициативы в следующие годы, нужные люди все же были найдены: молодые, верные Монолиту, с правильной историей и идеологией – настоящие патриоты, чья цель защитить будущее превыше всего. Ну а дальше – де-

ло техники. И как бы Козырев ни гордился ими, видеть среди них собственного сына было почему-то недопустимо. Вместо того чтобы обговорить это с сыном или его матерью, отец просто отстранился, спрятав наследника на нужном расстоянии для его безопасности, но недостаточном, чтобы тот нашел свой путь. Эта слабость отца была его единственной и оттого самой ценной.

По удивительной причине до вокзала, откуда поезд следует на Аврору, ни буйные представители Монолита, ни, следовательно, Железная армия так и не добрались. Скорее всего, дело в желании захватить верхушку командного центра, нежели уткнуться в заблокированный поезд. Все это везение помогло Юсту без заминок открыть двери в поезд – осталось лишь взломать защиту и запустить двигатель. При этом сам Бэккер остается почти что не у дел, ведь у них нет ни оружия, ни даже примитивных средств защиты. То там, то здесь пробирались разные звуки непонятного происхождения, при этом напряжение повышалось еще и страхом опоздать к Петте. Бэккер уже собрался вновь рывкнуть на Юста за промедление, но увидел идущего к ним Томаса. Крикнув об этом Юсту, он сразу же вышел вперед и прокричал уже тому, что извиняется и не было выбора, но сейчас им надо за Петей на Аврору. Томас же непоколебимо шел вперед, явно преследуя ключевую цель в исполнении вполне заслуженного наказания. Причем на лице его не было ожидаемой ярости – скорее простое желание возместить ущерб. Бэккер даже уже захотел скорее закончить это и решил не противиться, дабы тот его ударил, и закрыть тему, и это почти случилось. Томас уже схватил смирившегося Бэккера за шею левой рукой и занес правый кулак для размаха, как внезапно громко и

властно оба услышали: «Отставить!»

К поезду с трудом шли Оскар и Настя. Ее приказ удивил скорее тоном, чем содержанием. А когда они увидели их, то моментально забыли свою стычку. Томас сразу же подбежал к хромающему Оскару и хотел подхватить его под руку, но тот отсек добрый порыв, как, собственно, и Настя. Они вдвоем проделали большой путь и упрямо следовали к поезду, держась друг за друга: пистолет в левой руке Насти словно сросся с ней, а Оскар правой рукой прижимал к себе автомат. Когда они, придерживая свободными руками друг друга, зашли в поезд и сели на ближайшей скамье, Бэккер крикнул Юсту, чтобы тот уже завел поезд. И без того напряженная атмосфера приобрела новые оттенки ужаса из-за немыслимого состояния близких людей. Трясущиеся, покрытые засохшей кровью и синяками, они одним своим молчанием создавали столь давящее напряжение, что заражали всех злостью от несправедливости.

Оскар передал автомат Томасу, и тот не сильно удивился пустому боезапасу, а вот Настя не хотела расставаться с пистолетом. Лишь спустя минуту, после слов Оскара об отсутствии патронов, Настя посмотрела на оружие, потом вернулась в реальность и отдала его. В этот момент пришел Юст.

– Не может быть! – Переживание от увиденного удивило всех. – Че вы раньше не пришли, я же прислал вам сообщение до отключения! «Петя на Авроре, скорее на южный вокзал!» Не так сложно понять вроде бы!

– Хватит! – Оскар чуть ли не прорычал. – Лучше дай аптечку.

Впервые они ощутили движение поезда столь тонко, будто бы он пытается их убаюкать легким раскачиванием.

– Как ты в это ввязался? – Пока Настя обрабатывала раны Оскара, при этом сама успев принять обезболивающие, захотела собрать картину воедино.

– Бэккер. – Юст сидел перед ними, подавая Насте нужное, при этом Томас и Бэккер молча стояли в стороне, словно их и не было тут. – Мы искали того, кто помог Пете сбежать из камеры, и методом исключения дошли до Авроры, предположив его желание вернуться к началу. Оказались правы.

– И кто помог Пете сбежать?

– Мы не знаем. Какой-то мужик в броне, подобной той, которую использовал Клот, – последней модели. Он смог обходить все двери, не оставляя следов. Нам вообще повезло, что камера поезда засекала их двоих. Когда пришли, я смог пробиться к системе восстановления и вернуть поезд, правда, запустить его оказалось еще сложнее. Уж что-что, а желание генерала обезопасить любую диверсию...

Юст запнулся из-за запоздалого осознания глупости этого комментария. Настя заботливо обмотала руки Оскару, наклеила большой скрепляющий пластырь на нос и еще несколько штук на лицо.

– Зачем ты хотел его ударить? – Строгий вопрос Оскара слишком заметно отдал нотками Козырева.

– Этот урод вырубил меня и запер.

Томас все это время сверлил глазами Бэккера, который, в свою очередь, казался примером безмятежности. Настя посмотрела на него в ожидании объяснения, и взгляд ее не допускал и шанса игнорирования. Бэккер подумал, потом приблизился к ним и встал за спиной Юста, в шаге от Томаса, поглядывая на Настю с горьким разочарованием.

– Что бы я ни говорил, никто не хотел меня слушать. Кошмар случился, Монолит разваливается на куски, люди гибнут – вот и приходится делать дело, оставляя формальность за бортом. Только вот, что ни решай, все становится лишь хуже. При этом всеми движет благородство и честолюбие, но стоит коснуться грязи, как от прежнего идеализма не остается и следа.

Бэккер скорее подводил полный разочарования итог, нежели отвечал на поставленный вопрос. В момент и вовсе показалось, что человек этот произносит слова для себя, размышляет вслух вместо контакта с окружающими людьми.

– Прошу дать пятиминутное увольнение.

– Даю.

Только Настя подыграла Томасу, как тот сразу же ударил Бэккера кулаком по лицу. Разумеется, выдержать мощь Томаса было не просто, он даже почти свалился, но успел схватиться за скамью и кое-как выстоять. Ярko покряхтев и помяв левую щеку, язвительно прокомментировал:

– Ну вот, теперь синяк будет.

Настя хотела спросить, откуда у него такая тяга выстав-
лять себя засранцем, провоцировать и получать наказание,
будто бы он специально хочет выглядеть тем, кого принято
ненавидеть или презирать. Но вопрос задан не был по при-
чине столь простой, сколь и неприятной: ей хочется, чтобы
он был тем человеком, кого можно ненавидеть и не чувство-
вать вину, кого можно заслуженно обвинить и снять ответ-
ственность с себя или остальных. Подобное для нее было
несвойственно – и, возможно, это еще одна причина закреп-
ить это отношение к Бэккеру как доказательство, что она
все же стала сильнее, так сказать, адаптировалась под новую
реальность.

– Так чего в итоге хотят Петя и тот, кто его выпустил?

– Настюха, меня не спрашивай, я понятия не имею.

– А кого мне спрашивать, если лишь ты можешь дать мне
ценную информацию? – Юст лишь молча дернул плечами. –
Ну ты же ввязался в эту историю не просто ради помощи
человеку, которого ты знаешь от силы час-другой. Какой-то
свой интерес у тебя есть. Ну или ты врешь мне, покрывая,
как мне кажется, нашего общего руководителя.

Юст стойко выдерживал ее напор, остальные же наблюда-
ли с интересом за настоящей охотой.

– Пока что мне нечего добавить. Ко мне пришел Бэккер,
дал сводку и весь расклад, а потом...

– Вот именно. Теперь понимаешь, почему у меня пробле-
мы с доверием. Андрей где-то там, может быть, один, может

быть, уже мертв! Он просил найти Петю и вести к нему, и уж поверь, именно это мы и сделаем! Сейчас не время для своеволия. Если я приказываю – ты делаешь, иначе мне придется и тебя арестовать, причем в наше время подобное смело сойдет за самооборону. Я ясно изложила!

Бэккер наблюдал за неизвестным ему человеком с сожалением от того, что с ней стало. Остальные были на ее стороне, тут сомнений и быть не могло: уж если и есть люди, ей более преданные, чем Оскар и Томас, то точно не на этой планете.

– Настя, я понимаю, ты сейчас в очень непростом положении, после очень плохих событий. Но я заслуживаю большего уважения, как минимум потому, что пытался уберечь тебя и его от случившегося. Если бы не мое сообщение, вам было бы еще хуже.

«Лучше пережать, чем недожать», – твердо решила Настя, не подав и виду на комментарий Юста.

– Если мы хотим их арестовать, – Томас заговорил невзрачно, как бы между делом, – то есть простая проблема в виде малого количества патронов. Я попугал ребят, пока искал вас.

– К счастью, они не знают этого. – Оскар с трудом выбирался из ямы собственных мыслей, говоря емко, тихо и безлико. – Пришли, нашли, нейтрализовали и увезли – проще простого.

– Сейчас это звучит слишком хорошо.

– И что это значит, Томас? – Оскар внезапно оживился, то ли специально поддавшись на укор, то ли уже зная неприятную тему, которую никто так и не озвучил ранее. – Не я руковожу роботами. Не моя ответственность, ни под каким углом!

– Откуда про них узнал Наставник? – Не успел Оскар вспылить еще больше, как Томас обозначил свою позицию: – Я просто задаю вопрос.

– Ну а я тут вижу два варианта. – Юст постарался растопить напряжение. – Либо он был в курсе уже давно, что немного маловероятно, либо... Наставник умеет искать и находить тайны. За долгие годы правления он наверняка смог завербовать кого-то среди служащих, кто неравнодушен к Наставлению и не согласен с нашей политикой. Но, как ни крути, эта Железная армия – настоящий прецедент, который, зуб даю, точно замечен Опусом.

– Я думаю, они и так знали. – Настя чуть ли не вызвала Бэккера на разговор. – Если уж ему про Осколок было известно, то строительство целой армии не могло пройти незаметно.

Испытывающий взгляд Насти помог ей доказать себе силу, но в разговоре оказался бесполезным, ведь Бэккер и бровью не повел – смотрел на нее, словно в пустоту.

– Опусу нужен Осколок, правильно я понял? – Юст ответил Томасу множественными кивками. – Нам нужно спокойствие, им – эта штука, можно договориться.

– Это не нам решать. – Оскару не нравились эти рассуждения и домыслы, сейчас он был человеком, которому нужно исполнить приказ и забыться в процессе. – Это задача генерала и Опуса, ни наша, ни тем более Бэккера.

– Хотите знать, – громко, вызывающе нагло начал Бэккер, привлекая внимание каждого, – почему я мало рассказываю? Потому что вам всем плевать! Думаете лишь о субординации, боясь принимать решения и нести за них ответственность! Еще утром я сказал Насте четко и ясно, что заберу Осколок на Целестин по одной причине – не дать начаться войне! Я принял решение, взял удар на себя, все ради вашего благополучия! Вы так и не поняли – мир изменился, возврата к прежнему не будет. Пора научиться принимать решения вопреки, иначе грош цена вашей преданности закону и власти.

Так бы все и закончилось уже через час-два в зависимости от загнанного в угол человеческого фактора, если бы не появление того лица, чье сканирование не дало результатов. Безликий должен был найти досье и загрузить в базу местоположение и состав преступления за какую-то секунду, но вместо этого простоял целую минуту, чего оказалось достаточно для сближения с неизвестной персоной. Вот уж чего никто не ожидал, так это появления нового человека. Будь то новорожденный или ребенок, то, во-первых, Безликий ничего бы не сделал, во-вторых, допустить некомпетентность родителя в оформлении юного создания в базу не так и трудно, хоть и маловероятно. Тут же предстал взрослый человек, чье лицо совершенно отсутствовало в базе данных Монолита, куда входили и заключенные Тиши, и все те, кто работал вне города. Программа распознавания лиц столкнулась с ошибкой столь невозможной, что на ее случай не было нужного кода адаптации. По итогу совершенный механизм Безликого мог лишь подать сигнал ошибки на командный центр, что стало последним доказательством его функционала. Рука уверенно подошедшего человека легла на поверхность робота и сотворила невозможное – сожгла плату, превратив пугающее существо в кусок железа без «мозга». Единственная активность защитника порядка проявлялась

посредством струй дыма из головы, знаменуя успешность использования необычного орудия этого неизвестного спасителя. Поначалу его боялись не меньше поверженного стража, но стоило развернуться и показать лицо, так страх сменился восхищением и желанной покорностью. Невероятно красивая не только для своих взрослых лет женщина смотрела на людей глазами сочувствия и легкой печали. Руки ее были в черных, прошитых мехом изнутри кожаных перчатках, пальто на пуговицах плотно облегалo стройное тело до колен, а большой черный капюшон был пришит самолично, выделяясь красиво и необычно на фоне пусть и белого, но прилично испачканного и местами перешитого облачения. Обувь на жесткой толстой подошве скрывалась под плотными штанами. Все в этом облике пугало чем-то инородным, прибывшим извне.

Когда поезд прибыл к Авроре, Оскар без промедления вышел первым и вместе со следующей за ним Настей вел группу к той самой Столовой, где еще утром работал Петя. Бэккер и Юст шли вторыми, Томас же был замыкающим, заранее предупрежденным Настей о том, что он может применять к ним любые силовые действия в случае их своеволия. Предупрежденным громко, при всех, так, как скорее угрожают, нежели предостерегают. Все были доведены почти до предела, так что на излишние пререкания или протест сил толком и не оставалось.

Все они шли по коридору напрямик к Столовой, когда внезапно из-за правой двери на Оскара напал тот самый Вор. В суматохе Бэккер воспользовался шансом и побежал вперед к дверям, успев выхватить у Томаса пистолет благодаря удачному отвлечению внимания Вором. Настя с Юстом помчались за Бэккером и смогли догнать лишь в Столовой. Никто ничего не говорил, лишь следовал действию за счет понимания фигур и их целей. Уже в Столовой Настя и Юст увидели запущенную установку, ту самую, где вновь располагался Осколок.

Далее все происходило в рамках каких-то безмолвных секунд, лишь взгляды с запоздалыми чувствами. Петя стоял слева от измененной установки. Бэккер только-только подо-

шел к Осколку и лишь успел заметить удивленного Петю, чья рука просто опустила рубильник. Вспышка была горячей, громкой и быстрой. Гамма разных звуков испугала всех и каждого своей неоднородностью, оставив в уликах лишь изуродованное оборудование. То место, где был Бэккер, пустовало, а там, где был Петя, теперь лежат изуродованные остатки тела в кровавом пятне: фрагменты одежды, костей и мяса оказались сплавлены в единую субстанцию. Полминуты звук и слепота не отпускали никого. Когда же все это увидела Настя, шок коснулся ее столь сильно, что понадобилось несколько минут, дабы просто осознать исчезновение одного и смерть другого... В голове так и проматывалась эта молниеносная сцена, где Бэккер все же успел посмотреть на нее перед тем, как случилась смертоносная вспышка. Это особенно запомнилось еще и потому, что когда она развернулась на чьи-то крики, то увидела того самого Вора с поднятыми руками, к голове которого Оскар уже приставил пистолет. Вор медленно снял шлем и показал свое лицо. В ее глаза сразу же вцепились глаза Бэккера. Того самого, кто только что исчез перед ней, успев сказать глазами нечто большее, чем допустимо словами. Оскар и Томас потеряли дар речи, сам Бэккер был тем же самым: царапины от взрыва, истощенный и лысый, даже синяк от удара Томаса остался, только стал чуть больше. Он опустил руки, осмотрел каждого, а потом чуть ли не обессиленно грохнулся на пол, облокотившись на стенку слева от двери. Согнув ноги в коленях, спрятав ли-

цо в ладонях, он всецело отдался истеричному смеху, пугая своим необъяснимым поведением. Крича и плача, смеясь и скалясь, этот человек праздновал свершение чего-то необъяснимого своей важностью. В этот момент для него не было никого и ничего, лишь сильнейшее в своей форме и значимости облегчение. В эти несколько минут самых разных граней человеческого поведения уложилась целая история, интрига вокруг которой приструнила любое желание как-то помешать процессу торжества. Когда же он с трудом восстановил дыхание, то произнес со всей тяжестью собственного существования:

– Устраивайтесь поудобнее, сейчас такое расскажу...

Единственный, кто смог сесть, был Юст, остальные же, замороженные смятением, толком и не сдвинулись с места.

– Я далеко не сразу понял, что все должно было случиться так, никак иначе. Для этого и напал. Ничего личного, мужики, я ведь знал, что у вас почти нет патронов, так что это оказалось самым простым за весь этот бесконечный день. А день мой начался вновь сразу же за тем, как я стоял перед Осколком, здесь, несколько минут назад. Я хотел вытащить его из аппарата... готов был просто схватить его рукой и... М-да, хватило лишь коснуться. Боль от этого путешествия была неопишуемой, меня словно прогнало через мясорубку, разорвало на куски и собрало, но уже в другом месте и времени. Дезориентированный, еле живой, я быстро осознал место – Монолит и время – сегодняшнее утро. Да, все верно,

этот самый Бэккер, который был с вами в поезде и который исчез перед тобой, ныне находится в прошлом. И путь его до сейчас оказался очень тернист.

Я видел, как ты встретила меня этим утром, как вы вместе вышли из комнаты... я даже смог посмотреть самому себе в глаза. Такое не забывается. К этому моменту я успел понять, что и как, смог добраться до Юста, и он, за что ему спасибо, согласился немного помочь. Броня, пропуск, связь – это все он. Спасибо, дружище. А тебе, Томас, спасибо за пистолет. Он пригодился утром, когда Дима и Андрей пытались меня схватить. Настя... пока ты знакомила того меня с Андреем, я почти смог взломать поезд и поехать сюда, тем самым опередив события. Но вы пришли раньше, ну и я спрятался в грузовом вагоне. Потом сразу же помчался в гараж, и, как ни странно, Клот там уже переупаковывал в другой кейс Осколок. Он заметил меня, я попытался хоть что-то сделать, и, в общем, все пошло через одно место. Случилась вспышка. Вокруг все помяло, даже мою броню, а сам чуть сознание не потерял. Клот исчез так же, как и я только что. Дальше все стало только ухудшаться. Потом пришли вы, а я ведь помнил, что в лаборатории еще произойдет стычка с ним, и решил пресечь то... то, что в итоге и произошло.

– Почему ты не спас моего отца? – Чуть ли не скуля спросила Настя, пронзив болью каждого.

– Меня накрыло взрывом. Выбраться из-под завала смог минут за десять до того, как Клот взорвал больницу. Прости.

Внезапно Настя подорвалась к нему и ударила кулаком по лицу. Бэккер не противился, смиренно ожидал, опустив глаза, он терпел новые и новые проявления чудовищной боли. Если бы Оскар не подхватил ее и не отвел назад, то избивание под истеричный крик так бы и продолжалось до бессилия. Бэккер выстоял, скрывая радость заслуженного наказания, надеясь еще долго ощущать боль от ее кулаков.

– Ты знал, что будет, но ничего не сделал! Ненавижу!

– Я пытался... Но не так просто понять, что именно твои действия запустили цепь событий, которые ты и пытаешься разорвать. Уже после больницы стало ясно: все повторяется, события не изменить, значит, надо довершить этот сценарий. Это для вас сегодня – это один день, а я его проживаю уже второй раз!

– Скажи это Пете! Он умер из-за тебя!

– Воссоздать события и закончить цикл без него было невозможно! – Бэккер оправдывался, но вот только ради нее или себя, понять трудно даже ему. – Но я не знал и не мог знать, как для него закончилось все это.

– Ты должен был прийти и все рассказать, чтобы мы вместе все исправили, урод!

– На это не просто решиться, когда знаешь, что любое отклонение изменит петлю и я перестану существовать!

– Может, стоило подумать о других, а не только о себе! Мы с Оскаром еле выжили, хотя ты мог...

– Я пытался! Почему Юст прислал вам сообщение? Да по-

тому, что я ему сказал сделать это!

Настя наконец-то обратила на Юста внимание.

– Ты знал с самого начала? – Она с трудом держалась на ногах, голова гудела, смятение было разрушительным.

– Не все. – Ответ Настю не устроил, и нехотя Юст продолжил: – Мне пришлось врать ему же сегодняшнему, чтобы не дать раскрыть себя и его, ну а после больницы этот вышел вновь на связь и дал новые указания. Все это очень сложно. Но я не хотел...

– Заткнись! Вы оба могли предотвратить столько трагедий, но решили иначе. Клот, Дима, Петя, мой отец!

– Мы пытались...

– Да я уже устала от ваших попыток!

– Подожди. – Оскар принимал историю с большим трудом, стараясь фрагментировать все и не делать поспешных выводов. – Где был Осколок в итоге, если сейчас...

– Он всегда был здесь. Я для безопасности спрятал его в ангаре. Клот просто устроил взрыв. Думаю, он что-то нашел в лаборатории и использовал.

– Это правда? – скрипя зубами, прорычала Настя в адрес Юста.

– Да, – вновь нехотя продолжил он. – И есть еще кое-что. У меня стойкое предположение, что Клот и Наставник работали вместе. Есть устройство универсального взлома, ну, как минимум способное что угодно сделать со здешней примитивной системой. Штука единичная. Очень похоже, Клот ее

забрал и отдал Наставнику. Напомню, церковь стоит прямо у разрушенной стены. Пока Бэккер там валялся где-то, Клот, как мне кажется, смог выбраться и встретиться с Наставником. Сам-то он уже давно ходит в церковь и пристрастился к текстам, так что складывается картинка неплохо.

Несколько минут все молчали, усваивая эту немислимую историю. Лишь Настя пришла к совершенно непоколебимому выводу.

– У меня есть два свидетеля. Они все слышали и были участниками от начала и до конца. Вы будете арестованы за добычу секретной информации и за сокрытие важных сведений о безопасности Монолита. Вы могли спасти всех людей в больнице, тем самым пресечь перетекающий из протеста бунт!

– Не до конца. – Бэккер заговорил серьезнее: – Во-первых, ты даже не представляешь, как мне было тяжело весь этот долбаный день! Да, мы пытались, но не получилось, такое бывает, смирись!

– Во-вторых?

– Во-вторых! Ничего еще не кончено. Помнится мне, вы искали Петю по приказу Андрея, ибо у него, внезапно так, есть второй Осколок. Это лишь половина правды. Пока у меня было время, я узнал, что второй Осколок находится там, в пустыне, глубоко под землей, в пещерах, тех самых, где сейчас его дочь – Рода. Ради этого он и отправил ее туда, и очень скоро они его найдут.

– Откуда ты знаешь?

– А вот это самое интересное. Прежде чем оказаться в начале, меня швырнуло в будущее. На каких-то пару минут я оказался недалеко отсюда, прямо в пустыне. Я видел, как армия Опуса высаживается там и убивает ее и всех остальных на выходе из пещер, а потом увозит содержимое знакомого нам всем кейса. Настя, я говорил тебе еще утром, как опасен этот Осколок в чьих-либо руках. Посмотри, что сегодня произошло. Если вы еще не поняли, то нам повезло! Ты все ругаешься на попытки, так вот, я предлагаю не пытаться, я предлагаю сделать! Впервые за этот бесконечный день время на нашей стороне.

– Петя погиб. – Томас говорил размеренно. – Без него Андрей ничего не сделает с Осколком.

– Серьезно?! А ничего, что специалистов на Опусе хватает, да и наработки Пети никуда не делись?! Повторюсь: ничего не закончено. Опус точно знает о гражданской войне на Монолите, рано или поздно он и до Осколка доберется, потому что сам знает, где он! Если вы еще сомневаетесь в моих словах, то вспомните Клота! Как думаете, почему он оказался изувечен? Почему сошел с ума? Почему вовсю верещал о грядущей войне с Опусом? Потому что его так же швырнуло в будущее, как и меня! Только ему повезло чуть меньше и, как я могу судить из первого ряда, увидеть он смог самую гущу войны!

Эти слова были пугающе убедительными, складывая все

части воедино.

– Предлагаешь верить тебе на слово? – Оскар уже не скрывал свою претензию к Бэккеру, с трудом сдерживаясь, чтобы не избить его.

– Вроде бы я тут единственный в истории, кто путешествовал во времени и не подох, наверное, авторитет чуть-чуть да заслужил!

– Настя. – Оскар всеми силами цеплялся за разум, лишь бы не сорваться на Бэккера, что отчетливо видели все. – Это все больше тебя, меня и нас. Мы должны сказать Андрею.

– Это из-за меня или...

– Да, урод, из-за тебя! Если бы ты не прилетел, то ничего бы этого не случилось! Весь кошмар сегодняшнего дня – твоя вина, ты провокатор...

– Хватит! – Настя собралась с мыслями. – Оскар прав, ты создал слишком много проблем. Хватит уже своеволия. Вы слово в слово повторите Андрею и Козыреву историю, там и решим, что делать дальше.

– Все забыли, что Козырев собрался меня выслать на Опус обратно?

– Значит, у тебя есть мотивация убедить его в обратном. Поведай всю правду, и я заступлюсь за тебя.

– Это не обязательно. – Томас вновь был центром спокойствия. – Я имею в виду, Бэккер уже сказал, где Осколок, сам Андрей знает, где он, верно? При всем неуважении, я думаю, ты свою работу сделал, Бэккер.

– Лицемеры. Только представьте, как отреагирует генерал, узнав, что Осколок может перемещать людей во времени и пространстве. Да это будет началом конца. Если бы я вспомнил раньше, что мы обсуждали в поезде и что я говорил вам, то сейчас и слова бы не промолвил. Я оказался подневольным винтиком говенной судьбы. Понял только это поздно. Хотя вроде бы иначе не бывает.

После этих слов Бэккер отошел к останкам Пети и, не обращая на других внимания, извинился перед ним и простился про себя.

– Его надо похоронить, – произнес он с желанием привлечь кого-то в помощь, но Настя ответила на это отказом:

– Нельзя. Нужно освидетельствовать смерть и уже потом похоронить, официально.

– Что ты скажешь про причину смерти? Артефакт неизвестного происхождения уничтожился, убив Петю. Да, поверят на ура.

– Если мы его закопаем здесь, то он будет числиться пропавшим без вести, потому что одному моему слову, без тела, мало кто поверит! А я не хочу и не собираюсь лгать.

– Мы можем подделать освидетельствование. – Юст встрял с полной уверенностью, чуть ли не беря инициативу над этим вопросом. – Бэккер прав, будут вопросы, потом другие, а без орудия, на которое мы все сваливаем, словам мало поверят. Осколка нет – он самоуничтожился, все это видели. Так что, наоборот, на фоне кризиса доверия нашего

отдела всех нас скорее заподозрят в создании оружия массового поражения или чего-то очень ужасного и страшного, вышедшего из-под контроля, что уже имеет прецедент в лаборатории и больнице. Тут либо действительно объявить Петю пропавшим, либо инсценировать что-то понятное и безотлагательное в своем доказательстве как гарант нашего алиби. Если гранаты остались, то мы можем кинуть одну к нему, будут следы взрыва...

– Заткнись! – Оскар влез в разговор разъяренным. – Звучит как безумие и безумием является!

– Ты прав. – Настя постаралась успокоить его. – Этого не будет, я не допущу, слышишь, эй, все хорошо. – Связь между ними оказалась достаточно явной, чтобы это заметили все, и в частности Бэккер.

– Значит, так, его тело мы не тронем. Исходим из того, что Андрей знает про Осколок и его... побочный эффект. Вы оба все ему расскажете, мы дополним. Никто не будет задавать вопросов, потому что не от кого это скрывать, всем ясно?! Отлично. Бэккер, ты меня услышал? – Тот лишь устало кивнул, смотря куда-то в сторону с горьким чувством одиночества.

Настя подметила главное – надо перевести дыхание, все осмыслить и ждать отмашки от Андрея, которому она уже отправила сообщение о смерти Пети, оставив еще и уточнение о срочной необходимости встретиться лично. Ожидаемо, скорого ответа так и не последовало, причины могут быть слишком разные. Вот и было решено просто ждать.

Томас вновь вел себя тихо и задумчиво, поглядывая попеременно на каждого, строя этакую схему причин и следствий. К несчастью, понять свое отношение к Осколку и тому, чем все это может обернуться, он так и не смог, хоть и солидарен с решениями Насти. Также с ними солидарен и Оскар, который посвятил это время смене бинтов у себя и у Насти, заботясь о ней с тем вниманием и нежностью, с которой никогда не относился ранее к представительницам прекрасного пола. Здесь и сейчас, защищая ее не только как женщину, но и как лидера, Оскар внезапно осознавал страх перед окончанием этого дня. Когда все разрешится, будут ли они вместе? Сейчас они скреплены кошмаром, но разве есть у них нечто общее вне беготни и выживания? Чуть ли не юношеский страх пробрал его до дрожи перед неизвестным будущим, в котором шанс остаться одному слишком велик. И это отдельно его задевает из-за того, что за долгое время он не чувствует стыда перед отцом и матерью.

Бэккер все это время сидел у той же стены, где поведал предшествующий смерти Пети рассказ, и продолжал смотреть все это время на тело. Настя и вовсе связала его заботу об останках Пети наличием незаметной дружбы: все же если бы не он, то Бэккер вряд ли бы смог закончить эту пугающую своим существованием петлю. Видимо, простую благодарность он ему так и не выразил. При этом сама она почему-то толком ничего не чувствовала, словно никто и не погиб. Возможно ей, как и остальным, приходится пересматривать свои ориентиры под доказательством существования феномена путешествий во времени, что сказывается на усмирении привычной эмпатии. Как минимум за данный вывод она и цепляется, ведь иначе... да, Настя и сама еще не поняла, каким в итоге человеком сделал ее этот день.

Тишину нарушил Юст. Все это время он копался в компьютере Пети за его столом, лишь изредка что-то бубня себе под нос, всем видом говоря, как мало на него повлияли открытия последних часов. Он позвал всех и развернул изображение прямой трансляции на соседний монитор, что был на правой стене. Новостная полоса пустовала.

Изображение сменилось с однотонного полотна на съемку внутри государственного блока. Камера транслировала вполне спокойных, пусть и потрепанных, граждан Монолита за работой по трудоемкому перемещению уже третьего нейтрализованного робота в зал к остальным двум. Вроде явных повреждений замечено не было, что лишь добавляло интри-

ги в причину их бездействия. Вполне мирная картинка на самом деле пугала безмятежностью происходящих процессов и давила скудным звуковым содержанием: ходьба, скрежет железа по полу, редкий кашель да непонятные стоны. Без предупреждения в кадр вошла женщина и зафиксировалась на крупном плане лица. Люди вокруг остановились и молча встали позади, также смотря строго в камеру, чуть ли не выступая как минимум приспешниками, а как максимум – армией. Но на них уже мало кто обращал внимание, ведь эта женщина обладала сложным в определении шармом. Взрослая, на первый взгляд ближе к сорока годам, с редкими морщинами вокруг пронзительных светло-голубых глаз на непохожем на чье-либо другое красивом лице.

Между появлением и первыми словами прошло полминуты, создав за счет этой паузы сильнейший трепет пред грядущим. Ибо предстала перед всеми и каждым та женщина, чей взгляд затягивает в свои сети неопределенности между красивой мягкостью и бесчеловечной жестокостью. С таким человеком хочется быть, но стоит пойти наперекор – встретишь бескомпромиссное сопротивление. Чарующая тайна и непоколебимая власть кроются в каждой мышце лица и движении, позволяя себе любую смелость по пугающей причине абсолютного бесстрашия. При этом проскакивала почти неуловимая, тем и притягательная искренность и доброта. А невероятный опыт и мудрость светились в ней ярким огнем не меньше, чем то, что называется «смотреть в самую суть че-

ловека».

– Здравствуйте. Мое имя Любовь. – Немного низкий, но все же нежный голос проникал в самую глубь, добавляя дополнительного таинства этому, будто и вовсе из другого мира, созданию. Она не спешила, каждое слово и буква имели свое место, раскрывая ее созидательную сторону. – Совершенно не важно, откуда я пришла, достаточно лишь знать, что издалека. Мое место среди этих людей необходимо. Город стал центром столкновения науки и веры, возведя войну на пьедестал лживой важности. Наставление учило другому, наука учила другому. Сбиться с пути случается лишь из-за потемков. Но куда приведет вас этот конфликт, если нельзя быть услышанным и нельзя услышать? Наставление строится на созидании посредством единения. Наука поощряет любопытство в познании за счет адаптации, но все это черпает силы из не имеющего аналога потенциала. Сокрытое внутри каждого и есть истинный инструмент взаимосвязи с миром. И я пришла напомнить об этом.

Несмотря на то, как хорошо читалось навязывание воли, здоровая учтивость присутствовала в ее словах и манере поведения, что благотворно влияло на внушение.

– Мертвая армия разоружена. Война металла и плоти окончена. Желание пролить кровь возымеет обратный эффект незамедлительно. Среди этих людей нет более нарушенных Наставления. Как выбранный лидер живых, призываю лидера армии мертвых проявить себя и свой голос. «Слово

свидетеля нуждается в слушателе столь же, сколь слушатель заслуживает наставления на будущее не в ущерб настоящему».

Настя видела в лицах вокруг себя почти одинаковое удивление да гипнотическое увлечение. Но вот уже когда она посмотрела на Бэккера, который все это время был позади, она испытала нешуточный страх. Глаза его испускали тьму из самых глубин враждебности, позволяя властвовать самой личной ненависти, дабы совладать с необъятной в своей сущности угрозой. Бэккер предстал человеком не из этого мира, с неопишимо тяжелым взглядом и мрачным лицом он, не моргая, все смотрел и смотрел на монитор, пока Настя не подошла к нему и аккуратно не спросила:

– Что ты про нее знаешь?

Вопрос этот вкупе с напряженным, словно стальные тросы, Бэккером привлек внимание остальных. Ведь он действительно был кладезем знаний наперегонки с влиянием, так что тут все искренне ждали откровения. Ответ испугал их не столько емким содержанием, сколь угнетенным состоянием Бэккера от простого факта:

– Ничего.

Письмо 5

Ненавижу. Ложь. Одна сплошная ложь. Смерть. Как и всегда. Как и везде. Ненавижу. Границы событий всегда слишком просты, чтобы не верить в их характер. Найденный в лабиринте мужчина умер. Он умер, будто бы и не жил. Отец любил свою дочь и жену, но их не было рядом уже давно. Одиночество отнимает силы. Ненавижу. Все кончено, мы ничего не смогли. Простите меня. Ненавижу. Ненавижу себя. Вот-вот – и близко, но нет. Ложь. Вновь. Отчаяние забирает остатки. Ложная надежда. Вновь. Вина и совесть больше не нужны. Лишь брак да тень прошлого. Следы существования в угоду чужой истории. Теперь лишь дожидаться конца. Никакой надежды. Заслуги нет. Думаю, ты, читатель, вряд ли найдешь все письма. Их много, путь был трудным, знаний избыток. Но если это будет единственным, то знай, жизнь должна иметь смысл. Моя больше не имеет. Бродить среди пыли. Взирая на закат, мечтая уйти вместе с лучами. Пора идти, не хочу сидеть и ждать. Куда-то вперед, забыться, спрятаться от злобы. Несправедливо остальным, заслуженно для меня. Так много хочется поведать на этих страницах. История большая, имена любимы, трагедии непростины. Вина на мне. Но лучше умолчать. Как и с этим отцом. Кому я это пишу? Наверное, для себя. Одиночество всегда рядом. Так хо-

чется поделиться, но нельзя. Ставки слишком велики. Прости за это. Тело осталось без должных похорон. Отец был хорошим, такое видно сразу. Любовь вела его, возьму пример. «Любовь в наших руках на мгновение, но мы в ее власти до конца». Когда-то моя мать такое говорила. Часто. Ее вело любопытство. Считала себя большим, чем жизнь. Верила в свою власть. Веры было достаточно. Но загадкой служила любовь. Думаю, она имитировала ее. Доказательств много. Мне этого хватало. Привычка сильнее, чем правда. Мать была сложной, но понятной. Отец же был доступным, но невозможным. Всегда на своих сюжетах. Изучал, чертил и забывал. Потом по новой. Их союз не имеет аналога в природе. Дурман друг для друга. Никогда не понять их. Лишь имитировать. Меры личности провоцировали реакцию. Разрушение оправдывало строительство. Можно еще много про них сказать. Но есть главное – родитель любит иначе. Понять это индивидуальное чувство невозможно. Перекройка полотна не нужна ребенку. Ненавижу их за это. Вмешательство. Мы не должны быть такими. А может, и должны. Не знаю. Уже ничего не знаю. Выкинь эти письма. Сожги их. Я больше не могу. Хватит. Все рушится. Один шаг играет роль. Мать говорила, что спешка губит. Лабиринты доказывают ее правоту. Или же наоборот? Все. Хватит. Мысли путаются. Смерть идет за мной. Всегда шла. Если бы ты знал количество. Мои руки в крови. Хорошо помню раскол. Мать хотела помочь, отец – наказать. До сих пор он был прав. Вижу это вокруг.

Мать призывала жить, отец учил системе. Если ты на месте – живи, мешаешь – уйди. Но если и то и другое? всю мою жизнь именно так. Бесконечные волны колебаний. Ненавижу это. Вся жизнь – поиск стабильности. Поиск своей точки в плане. Вселенная устроена иначе, ничего не лишне. Я лишний штрих на картине. Отец был прав. Брак. Обычный брак. Провокатор хаоса. Никому не дай читать это. Сожги вместе со мной.

Настя смогла дозвониться до Андрея и ради размеренного отчета отошла в сторону, желая сама все разложить по полочкам у себя в голове. В это время Бэккер чуть ли не спрятался в углу, борясь с чем-то страшным у себя в голове. Юст продолжал копаться в системе. Томас решил воспользоваться затишьем и сел рядом с Оскаром, который, в свою очередь, спрятался от всех в зоне отдыха Столовой, откуда видно все помещение.

– Дима бы гордился тобой. – Томас произнес это, смотря куда-то в сторону, все же Оскар был самым молодым и малоопытным из их отряда, что накладывало определенную ответственность на более старших товарищей. – Кто бы что ни говорил, ты все сделал правильно. Что бы ни было, мое одобрение будет и в официальном вопросе.

– Это ты так после убийства Димы решил лидерство взять?

– Нет. – Томас не поддался на едкую ремарку защитного механизма. – Руководить я умею плохо. Всегда это понимал, но сегодня утвердился в этом. Мое место рядом, не в центре. В отличие от тебя. – Томас посмотрел на Оскара – тот не понял этого намека. – Ты можешь выпендриваться сколько хочешь, но мы-то знали, все это напускное. Сейчас я впервые вижу тебя настоящего... в отличие от Димы. Он с само-

го начала знал тебя лучше, чем ты сам. Умел разбираться в людях.

– Тебя это не напрягает? – Оскар кивнул в сторону Бэккера. – Он все знал и не спас его. Того, кто был нашим братом, того, кто видел во мне и тебе равного себе.

– Я не должен делать выводы, пока день не подойдет к концу. Все меняется слишком быстро.

– Сегодня я впервые убил... – Слова вырвались из него против воли, оголив больше, чем сам он мог представить. – На нас с Настей напали, и я защищался... У тебя бывало такое, что внутри будто бы есть другой человек? Он способен на то, чего ты обычно боишься. Мне пугает, что еще я могу.

– Да. – Ответ Томаса звучал тяжелее, более лично, зацепив все внимание Оскара. – Когда мне было восемнадцать, а Слэйду двадцать два, я убил своего отца. Тот был пьян и начал избивать мать – вновь. Суд признал это самообороной, потому что к тому моменту, когда я ударил его по голове, мать уже умерла от побоев прямо у него под ногами. Я опоздал. Если бы я сделал это раньше, мать была бы жива. Думай не о том, кого ты убил, а о том, кого ты спас, взяв на себя ответственность за жизнь.

Слова эти были столь шокирующими, что Оскар отрезвел от своих терзаний, еще и впервые видя Томаса таким ранимым и серьезным одновременно.

– Я знаю, он выбрал так жить, как и она выбрала быть

с ним, а Слэйд выбрал закрыть на все глаза. Но я не могу снять с себя этой ответственности, потому что иначе мне не ясно: зачем я тогда вообще нужен? К счастью, мне хватает ума признать, что такой, как я, не должен быть лидером.

– Извини, я не могу не спросить: мы тут открыли путешествие во времени и...

– Я бы сделал это раньше. Потому что у меня был выбор, каждый день и каждый час. Я принял решение слишком поздно. Так что радуйся, у тебя не было выбора. Ты защищал себя и ее, иначе бы вы оба погибли. Сейчас мы вольны выбирать. Не спеши принимать решения.

Когда Настя закончила отчет и медленно зашагала к центру Столовой, Оскар не мог не подойти к ней, не в последнюю очередь из-за плохого предчувствия, вызванного ее пустым взглядом.

– Что сказал Андрей?

– Генерал идет на переговоры. Мы идем к нему, докладываем и ждем решений.

Не успели все толком осмыслить услышанное и среагировать, как Настя, глядя в пустоту перед собой, произнесла безжизненно:

– Андрея больше нет.

– Что ты имеешь в виду? Его убили?!

– Твой отец не сказал. Я знаю лишь то, что он мертв. Теперь я руковожу отделом.

События этого дня выковали в Насте крепкий стержень,

который не сломался под натиском трагичного известия, что в любой другой день точно бы произошло. Никто уже не видел в ней некомпетентную девочку. Представшая женщина умудрялась даже пугать своей неизвестностью, оставляя лишь гадать, что она предпримет дальше.

– Козырев недвусмысленно дал понять, что любая информация об Осколке должна быть сокрыта до момента его личного распоряжения об обратном. Сейчас мы должны прибыть в штаб.

– Что с этой Любовью? – Томас был озадачен.

– Не больше, чем знаем мы.

– Отправь меня в пещеры. – Бэккер стал уверенно навязывать новый замысел. – Найду Осколок, спрячу его, а потом улечу, и вы про меня забудете. Возможно, получится его уничтожить, как уже сделали. Если что, оправдаешь меня тем, что надо сопровождение дочери для похорон отца, а свободных людей не было, к тому же меня вряд ли буду жалеть, если что.

– Как все удачно складывается для еще того лжеца. – Оскар говорил сдержанно.

– Если бы я хотел лгать, то наплел бы вам что угодно про эту Любу в свою выгоду! Настя, ты руководитель отдела? Так руководи!

– Мой отец не одобрит этого.

– Я все сделаю сам. Это мой шанс придать смысла сегодняшнему кошмару, иначе все было зря, и ты это знаешь.

Настя, порой достаточно лишь одного правильного решения, чтобы исправить все неправильные. Шанс на такое очень мал, но он у нас есть. Хуже, чем сейчас, уже вряд ли будет. Если Осколок станет предметом торга или целью этой бабы... Все нужно оборвать сейчас.

– Столь крупное своеволие вряд ли будет прощено. – Томас размышлял вслух.

– Я готов на жертвы. Разве не для этого мы все работаем, чтобы сделать жизнь людей лучше? Ради такого и себя не жаль, ведь именно поступок определяет то, кем является человек. – Бэккер посмотрел на Настю. – Ты это знаешь не хуже меня.

– Все это нарушает прямой приказ...

– Не нарушает. – Настя сама не успела заметить, как черпает силы под влиянием слов и настроения Бэккера. – Я не сказала генералу о путешествии Бэккера, как и об Осколке. Он лишь знает, что мы здесь, а Петя мертв.

– Нельзя отпускать его одного, пусть даже...

– И поэтому Томас идет с ним. Согласен? – Удивленный Томас чуть подумал, взглянул на Бэккера с негодованием, после чего смиренно кивнул. – Нужен тот, кто будет соблюдать идеалы, которые сейчас необходимы. Ты ведь согласен, Бэккер?

Тот переглянулся с Томасом и сказал краткое: – Согласен. Если что, здоровяк сможет меня тащить. Юст тогда пусть останется тут. Надо восстановить эту установку и уничто-

жить Осколок, когда я его найду, но для этого тебе надо запретить сюда любые посещения. И я думаю, никто не будет против того, чтобы мы скрыли все это от генерала и уж тем более этой Любы до момента, как все свершится.

– Томас, останься с Настей, я пойду с Бэккером.

– Что, почему? – Настя была в недоумении.

– Лучше Рода услышит все от меня. Все же мы с ней были близки какое-то время. Да и если там буду я, то у нас больше шансов договориться в случае провала. Ведь я сын, а отец не позволит кому-то мне навредить. Без обид, дружище.

– Да я тебе спасибо должен сказать.

– Может, ему остаться с Юстом, на всякий случай?

– Нет. Томас сможет защитить тебя, если все опять выйдет из-под контроля.

Настя встала перед Оскаром, пронзая его сложным взглядом. Краткий порыв отчаяния почти подтолкнул ее к Оскару, желание поцеловать которого было вызвано необходимостью ощутить что-то по-человечески простое на фоне ужасных декораций. Оскар взял ее за плечи на вытянутых руках и заботливо произнес:

– Мы своими глазами видели, к чему привел раскол Монолита. Если не справимся сейчас, значит, допустим повторение. Андрей готовил тебя себе на замену, и если раньше этот выбор был странным, то теперь я вижу, что мы все ошибались. Ты на том месте, где должна быть, я вижу это и знаю. У нас все получится, потому что мы вместе.

Настя удивилась тому, как все же простая поддержка придает сил и хоть какую-то почву под ногами. Уже заметно увереннее она сказала:

– Как подъедете, сообщите.

Между ними двумя вновь проскочили особенные искры, милая улыбка с определенным взглядом добавили каждому маленькую дозу приятных романтических чувств. После этого Оскар развернулся и пошел к гаражу, Бэккер же выражал непробиваемую защиту. Взглянул на нее кратко, словно случайно:

– Не говори ей, что мы едем. Лучше пусть при встрече все узнает. Да и вдруг прослушка будет.

Удивительно, но предложенное Бэккером прозвучало вполне разумно и естественно. Он кратко глянул на Юста со словами «Следи за связью» и ушел вслед за Оскаром.

Настя обернулась к Юсту и задала вопрос – скорее для подтверждения нежеланного откровения:

– Та лазейка, которую ты мне настроил для связи с Андреем... всегда работала?

Он не сразу понял подтекст, но ее пронзающий взгляд подтолкнул к верному направлению.

– Обычно да, но когда случился прорыв и люди ломанулись в блок, то вся система легла. – Настя лишь кратко кивнула. – Слушай, я понимаю... на мне есть вина. Если бы в нужный момент у меня было больше сведений, я бы смог помочь вам большим содействием. Но вы по указу Андрея

искали Петю, а причинно-следственный цикл надо было закончить. Сейчас я понимаю – стоило помочь не Бэккеру, а тебе с Андреем... возможно, тогда он был бы жив.

Взгляд ее не скрывал сомнений в лояльности этого человека.

– Ты можешь узнать, кто убил Андрея?

– Да, думаю, смогу.

Тут Настя и поняла, как успела упустить очень важный момент: Андрей после пробуждения трепетно отнесся к неизвестной коробке. Настя приказала Томасу подождать, пока сама сходит в ту самую комнату, где давным-давно жил предок Андрея.

Может, и нет никакого секрета с коробкой и Андреем – и тот просто решил сходить на памятное место... Но неприлично много раз этот день доказывал ее слепоту перед общей картиной, провоцируя недоверие ко всему и вся. Пожалуй, единственный доверенный человек – Оскар, да и то есть сомнения в естественности их тесных отношений. Вдруг они сблизилась лишь за счет инстинкта выживания? Или же просто ищут друг в друге нечто недостающее для успешного сопротивления натиску неподвластных событий? Не говоря уже о банальном желании заглушить боль от смерти отца выдуманными чувствами... Голова так и гудит, мысли скачут с одного на другое, сводя на нет малейшую попытку сконцентрироваться, путая все в нераспутываемый клубок. В попытке наладить хоть какую-то оптимизацию Настя сталкивается с уже известным вопросом: какой она теперь человек? Может, из-за этого она не хочет думать об отце? Вдруг ее скорбь нанесет вред? Сейчас так легко ошибиться...

Странное бессилие дало о себе знать в момент коллективного решения ее команды про второй Осколок: все так плавно и шустро сформировалось, что свое место в этом процессе она словно упустила. Отсюда вырастает хоть что-то конкретное: Настя не считает свою должность заслуженной.

Прошло минут пять, как Настя изучает содержимое про-

стой комнаты с треснутым из-за сдвига Авроры окном в сторону Монолита. Просторное и уютное место будто бы и не изменилось за эту сотню лет: справа кровать и стол, слева шкаф, между ними круглый столик и пара небольших кресел. Вся мебель создается из особого материала на принтере, так что старостью тут не увидишь. Она ничего пока не трогала, даже никуда не садилась – специально, чтобы вся пыль сохранилась и можно было увидеть влияние Андрея на предмет. Все рассматривая и рассматривая каждый уголок, боролась с наступающей темнотой фонариком с пульсника, ведь, как оказалось, неизменно и упрямо надвигалась ночь. Процесс увлек достаточно сильно, дабы скинуть лишнее и оголить себя настоящую, чему способствовало еще и абсолютное одиночество. Да, Настя впервые за день полностью одна. И, толком ничего не найдя, даже следов присутствия здесь Андрея, она все же села в кресло у столика и просто заплакала. Самый простой способ выплеснуть эмоции оказался самым действенным. За каждым всхлипом и слезой следовало облегчение, позволив по итогу немного перезагрузиться, открыв новое дыхание. Настя уже захотела вслух извиниться перед Андреем, попросить прощения или даже признаться в уважении и нехватке этого человека... Но чем больше она думала о нем, тем болезненнее было вспоминать отца. Что-то в ней словно умерло вместе с ним, оглушив до сих пор давящей пустотой. Это разделение между работой и семьей как никогда ощущалось разрезающим

все ее тело и разум полотном, словно она существует в двух мирах и никак не может их объединить. Но только есть ли уже смысл объединять то, чего больше нет? Здесь она наконец-то поняла, почему смерть Андрея столь тревожит, – его дочь. Когда-то они были лучшими подругами, вместе учились на медицинском, ходили на свидания и жили, не замечая дни. Противоположные по характерам девушки тем и нашли общий язык. Чудесное было время, вспоминает ныне Настя, ощущая подступающее раздражение из-за того, что не она расскажет ей про смерть единственного родителя. Может быть, дело в Роде? Пока та не узнает про смерть отца, сама Настя не считает заслуженным скорбеть о смерти своего? Столько смертей в один день...

Уже возвращаясь к поезду, она наконец-то смогла ощутить себя в этой должности и статусе, приняв ответственное решение самой сообщить печальную новость некогда близкому человеку. Таково ее решение. Чем больше она держится за эту роль, тем ей легче. Пока кризис не разрешен, иное позволить себе недопустимо!

Сигнал напрямую к ней не проходил: видимо, она сейчас глубоко под землей. Но Настю это уже не волновало. Звонок же напрямую на транспорт, который еще и был их небольшой базой, сразу же возымел отклик.

– Копатель Шесть на связи, – отрапортовал мужской голос Морица.

– Мне нужно срочно поговорить с Родой.

– Она только что спустилась в пещеру, что мне передать?

– Сейчас же спустись за ней и доложи о моем приказе!

Действуй!

– Принято.

Его сухое согласие подтвердило действительность непривычного для нее напора. Через минут десять, когда Настя уже спустилась с третьего этажа Авроры и только вступила на платформу под открытым небом медленного заката, наблюдая за включенным и ожидающим ее поездом, поступил звонок.

– Мы только что обнаружили новую ветку пещер на глубине двадцати четырех метров, я буквально успела сделать один шаг в неизвестной области. Если причина, по которой мне пришлось оставить команду и подняться, недостаточно веская...

– Твой отец умер.

Настя усердно держалась расчетливого подхода, говоря и мысля вдалеке от эмоций. Молчание Роды принесло определенную, но ожидаемую боль, растянув время до невозможности.

– Как? – тихо, борясь со слезами, спросила Рода.

– Мы не знаем. – Настя смотрела куда-то в пустоту перед собой. – В Монолите случились беспорядки, генерал приказал вступить в должность.

– Что за беспорядки? Почему?

– В двух словах не объясню. Сейчас к тебе придет Оскар,

даст все подробности.

В этот момент случился очень странный для Насти момент: она не просто не хотела говорить о том, что и ее отец погиб, – сам факт этой трагедии был сейчас не к месту, следовательно, должен быть опущен. Многие потеряли сегодня близких, исключений давать нельзя.

– Ты должна узнать, кто виноват в его смерти! Узнать и сказать мне! – Рода имела свойство вспылить по щелчку. – Как вообще это случилось?! Почему с ним не было охраны? Настя, раз уж ты добилась своего и заняла хорошенькую позицию, то отработай!

– Я сейчас направляюсь к Козыреву. Когда узнаю подробности – сразу же сообщу. Но мне нужна твоя помощь. Андрей рассказал про Осколок, который вы ищете. Крайне важно, чтобы ты не отдавала его никому, кроме...

– Да ты о чем вообще?

– Сегодня погибли Петя, Дима и еще много людей. – Настя успешно пробовала командный тон. Сейчас она не подруга – лидер. – Твой отец, Рода, погиб из-за Осколка. Не смей лгать. Ни мне, ни сейчас.

– Ты сначала тон убавь, а потом услышь то, что я сейчас скажу: у меня нет никакого представления, о чем ты говоришь! И если честно, мне плевать на то, что у вас там происходит. Я возвращаюсь и хороню своего папу, а потом ищут тех, кто в этом виновен! Просто так я это не оставлю!

– Если я узнаю, что ты лгала мне...

– Все, больше не могу это слушать. Найдешь виновного – сообщи.

Рода отключилась, оставив Настю в недоумении. Если она ничего не знает про Осколок, то, значит, Бэккер солгал, но зачем? Долго думать над ответом не пришлось: некогда ранее Козырев обязал его вернуться на Опус, видимо, недостаточно ответственно учтя способности этого человека навязывать свою игру.

– Юст, ты меня слышишь?! – Сердце стучит под ритм пульсирующего страха за жизнь Оскара.

– Да, четко и ясно.

– Проверь журнал Копателя Шесть Роды на упоминания Осколка, сейчас же!

Спустя пару мучительных минут, вызвавших у Томаса подозрения, Юст дал всецело отрицательный ответ. Ни в отчетах, ни в пометках, ни даже в задании нет ни слова об Осколке или какой-либо форме артефакта.

Наставника арестовали, Козырев же вел себя так, словно ожидал подобного, следовательно, уже приготовился забыть этого предателя, выкинув ключ от его камеры и забыв туда дорогу. Быстрота и решительность решения проблемы возымели определенную зависть у окружающих, таким же вышел и приказ провести обыск церкви, покоев Наставника и изъять все до основания. Сам же Наставник так и сидел в одинокой камере – смиренно и спокойно он перенес арест и готовился к неутешительному грядущему. После появления Любы Козырев не стал обращаться к нему за объяснением по причине того самого умиротворения Наставника. Стратегия добычи информации из такого человека должна идти наперекор ожиданию. Никак не предупредив, Козырев запустил повтор видеосообщения Любы на мониторе перед решеткой камеры. Звук громче, свет изолятора ниже, чтобы картинка лучше выделялась. И первой же реакцией Наставника оказалось неподдельное удивление, плавно перешедшее в шок и закончившееся девственным смятением. Наставник не мог оторвать глаз, все его внимание было украдено этой женщиной, чьи слова и вовсе отнимали веру. Весь ролик Наставник стоял у решетки недвижимой статуей: руки опущены, глаза раскрыты, лицо почти врезалось в решетки, оставив небольшие следы на коже. Даже когда Козырев пришел, наставник

все продолжал смотреть в остановленное на последнем кадре изображение, то ли пресмыкаясь перед ней, то ли восхищаясь. Чуть ли не в предсмертном состоянии он отошел от решетки, уводя взгляд куда-то в сторону, топчась на месте от безысходности.

– Вижу, ты и тут бесполезен.

– Не верю, что ты решил прийти ко мне только из-за нее. – Козырев молчал. – Я умею замечать мелочи. Твои роботы повержены, люди обрели нового лидера. Тебе нужна моя помощь.

– Кто еще был завербован? – Наставник выразил легкое удивление. – Систему взлома ты мог получить только от Техгруппы. Клот мертв. Скольких ты еще успел завербовать?

– Не думаю, что это важно. Я уже не представляю опасности. Если кто-то и остался в живых из последователей... вряд ли они отринут влияние этой Любы. Ты знал, что это сокращенное имя, на самом деле ее зовут Любовь. Красиво.

– Я могу приказать – и тебя будут пытаться.

– Это уже прошлое. Теперь она диктует правила, потому что смогла уничтожить твою армию. А мы оба знаем, что я не мог обладать такими возможностями. Не просто же так ты создал их без участия Техгруппы, дабы сокрыть свое творение ото всех, даже Опуса.

– Как я и говорил – ты бесполезен.

– А еще ты говорил, что не любишь повторяться.

– Порой приходится.

Козырев уже развернулся к двери, но остановился из-за слов Наставника.

– Твоя армия не смогла бы противостоять воле Опуса. И я не верю, что они были созданы для изучения Комы. Нарушение поставок сырья – это провокация. Отсутствие порядка приведет к потере власти, которую тебе вручил Опус. Я человек веры, но вера моя не слепа. Верить трудно, слишком большое искушение ошибиться. Я вижу, когда люди ошибаются, таково предназначение – понимать и прощать, но для этого надо видеть. И я вижу, что ты одинок. Напомнить тебе о твоей ошибке некому. Сбиться с пути легче всего одному. И я, как человек, который считает тебя другом, говорю тебе... ты сбился с пути.

– Удобная догадка.

– Если я спрошу, зачем ты вступишь с ней в переговоры, то ответ будет простым: чтобы узнать, как она смогла победить. Для тебя это предсказуемо, что не есть плохо. Но вот позволишь ли ты ей стать той, кем некогда был я? Если да, то это будет...

– Верующему человеку не нужно столько слов.

– Они не для меня.

Козырев подошел ближе к Наставнику, глаза их столкнулись в борьбе между любопытством и разочарованием.

– Твоя революция провалилась. Люди теперь следуют за ней. Твоей власти больше нет, даже если я тебя отпущу. Одиночкой ты не выживешь, потому что на тебя не будет време-

ни. Тишь станет твоим домом, таково мое решение.

– Сейчас моя вера проходит испытание.

– В этом я сомневаюсь. Думаю, ты решился предать Монолит и воззвать к бунту именно сейчас лишь на основе преэмптенности. Твой арест за подобную диверсию был достаточно предсказуем для подготовки Любы к выходу в свет. Каким-то образом она побеждает армию, ты же становишься ценным источником информации, чем пользуешься и продолжаешь вести свою игру по захвату власти.

– «Удобная догадка».

– Много случайностей для одного дня. Стратегия куда больше подходит.

– Здесь я с тобой соглашусь.

– Кто еще?!

– Ты не мне эти вопросы должен задавать. Посмотри сам, я взаперти, моя попытка пробудить людей от оков провалилась.

– Люба заняла твое место.

– Я понятия не имею, кто она, откуда и что ей надо. Эта новая фигура столь же таинственна, сколь и опасна. Отсюда и вера моя подвержена испытанию, потому что я не могу верить ей. Смотрю ей в глаза, слышу ее голос... и не верю. Это чего-то да стоит.

– Я переведу тебя в Тишь.

– Хорошо.

Сквозь злобу Козырева пробилось удивление.

– Сколько ты убил, Игорь? Сколько отдали жизнь, чтобы ты услышал запрос на большее, чем роль колонии от лица Опуса? Они хотят независимости и безопасности от разрушительной науки, которую принесла с собой Техгруппа. Да, у них есть еда, дом, труд... но еще страх. Сколько трагедий было с момента прихода ученых с Опуса? Сколько еще должны люди терпеть? Этот «бунт» на самом деле был заявлением. Целое крыло больницы разрушено! Больница имени Перната – основателя Монолита – простояла невредимой все эти годы! Как далеко ты готов зайти в потакании экспериментам этих чужаков? Вопрос вчерашнего дня, потому что сегодня мы уже увидели на него ответ.

Козырев выслушал стойко, а потом спросил так, словно ничего этого и не было:

– Ты сможешь увести людей из-под ее влияния?

– Увести куда? Под твою армию? Брось, ты не этого желаешь, и не это произойдет.

– Я буду следить за тем, как ты пройдешь испытание своей веры в Тиши. Иначе правды ты не узнаешь никогда.

Солнце ушло в закат, темнота возвращала свои владения, сквозь которые и двигался джип под управлением Оскара. Бэккер сидел на пассажирском сиденье и боролся со сном, чему успешно способствовало неоднородное пустынное полотно. Внутри транспорта горел лишь легкий свет от панелей приборов и с потолка между водителем и пассажиром. С момента отъезда прошло почти полтора часа, впереди еще минут двадцать, и они будут у цели. Расстояние вполне могло быть преодолено быстрее, если бы не желание добраться целыми и здоровыми. Одна из причин, почему Оскар сел за управление, состояла в нужде поддерживать концентрацию, заодно и отвлечься от преследующих образов убитых им людей во время беспорядков. С той бойни все время находилось отвлечение: Настя, поезд, Петя и Бэккер, потом еще и эта Люба. Кое-что объединяет его с Бэккером сейчас – несбывшееся желание отдохнуть и недоверие. С последним Оскар уже хотел что-то сделать, но избавиться от этой отвлекающей тяжести помогла Настя, прислав личное сообщение о том, что Рода не знает про Осколок. Прочтя это, Оскар сразу же затормозил, чуть ли не впечатав Бэккера в приборную панель. Не успел тот и воскликнуть, как Оскар достал пистолет и приставил к голове Бэккера.

– Настя говорила с Родой. Ни о каком Осколке та не знает.

У группы вообще нет ни слова в документах об этом. Ты нам солгал, опять, и мы едем туда просто так. Зачем?

Оскар был строг, скопившаяся злость открывала завидную бескомпромиссность воли исполнения любой задачи. Бэккер же осмотрелся вокруг, покачал головой и заговорил с разочарованием:

– Всему вас учить надо. Вариант один: он не сказал ей, дабы обезопасить от будущих претензий и вопросов, ибо они могли просто найти и, не зная ценности, сложить в общий ящик до момента распределения. Вариант два: она врет нам, потому что Настя не смогла держать рот на замке и рассказала про смерть ее отца, что моментально ставит между нами стену, ведь если я не ошибаюсь, то у нее с Настей своя непростая история!

– Зачем ей врать?

– Приедем и сами спросим! Твоя бывшая, быстро разговоришь. Я тебе не энциклопедия.

– Почему в документах пусто?

– Потому же, почему Петя вместо тюрьмы оказался на Авроре. Сам подумай, со всей той секретностью о его работе кто будет вообще документировать? Мы понятия не имеем, сколько еще тайн было у Андрея!

Бэккер аж выдохся и, махнув рукой, откинулся на спинку, забыв про пистолет, просто закинул голову назад и потер лицо. Оскар убрал пистолет, подумал, сложил все за и против и пришел к простому выводу: надо в любом случае про-

верить. Да и с Родой он не виделся давненько, если и должен ей помочь кто-то, то чуть ли не последний друг на планете. Разошлись они обоюдно, отчасти он и вовсе считает себя виновником ссоры с отцом.

Движение возобновилось, Бэккер все смотрел в потолок.

– Давай, у тебя точно еще есть тупые вопросы.

– Как ты узнал про Осколок? – Борясь с раздражением, Оскар цеплялся к фактам.

– Я уже говорил: Опус везде глаза имеет.

– Нет, я спрашиваю про тебя. Откуда ты лично узнал? Мы все слышали Козырева, тебя сюда сослали, авторитет только за счет фамилии родителей, образования нет, мудрости и знаний... ну ты понял, место в мире тебе дано по праву рождения, никак не достижения. Так вот, я задаю вопрос: откуда такой человек, как ты, узнал про древнейшую раскопку?

– Фамилия и деньги. – Бэккер повернул голову к Оскару, который показательно не смотрел лишь на дорогу. – Никогда не слышал про подкуп, взятку? Большое любопытство становится еще больше, когда добыть ключ от любой двери – лишь вопрос цены.

– Как-то все слишком складно в твою пользу.

– В мою пользу?! – Бэккер чуть ли не зарычал. – Весь день идет не по плану, я мог умереть уже десяток раз! Лишь упрямство да щепотка везения помогли мне выжить! «Складно». Ничего не складно, вообще ничего! И если ты решил сейчас спасовать, то меня это уже не удивит! Вперед!

Слейся перед самым концом, нам тут осталось недолго, самое время дать заднюю и обвинить меня, это у вас получается с завидным показателем успеха!

– Нет. Я лично слышал от Андрея про второй Осколок, да и Роду надо забрать, чтобы она с отцом попросилась. А ты, как провокатор говна...

– Очень по-взрослому.

– ... лучше вспоминай, что видел в будущем, потому что за тобой долг!

Следующие минут десять были лучшими за счет разрядки напряжения с закреплением цели и своих ролей. В некотором странном смысле оба разделили еще одно: каждый стал лучше понимать другого, на фоне чего Бэккер, словно заигрывая с огнем, решил развлечься для разрядки:

– Если – в отличие от меня, разумеется – ты такой правильный, то, значит, сможешь легко признаться, что здесь ты не из-за Насти. Тебе просто хочется выпендриться перед батей, дабы он наконец-то воспринял тебя всерьез и одарил столь важной для каждого мальчика отцовской благодарностью.

– Да что ты вообще знаешь...

– Знаю по своему опыту, вот и вижу безошибочно.

– Мой отец – уважаемый человек, и я мечтаю стать таким же, как и он. Нам всем есть чему у него учиться.

– Хорошо сказано, аж воодушевляет.

– А я теперь знаю, почему тебя выгнали с Опуса и отпра-

вили к нам.

– Пошел в жопу.

– Ну, хоть что-то честное.

– Как и твои чувства к Роде?

– Ну, началось. Слушай и запоминай: начал я с Родой встречаться, чтобы позлить Андрея, потому что они только взяли меня в отряд, а я не хотел в нем быть. Но потом какие-то чувства да вспыхнули... у нас обоих, наверное. Она собой хороша, хоть человек непростой, характер под стать твоему, кстати, – проблемы на пустом месте создает. Так что мы разошлись, она как раз получила должность руководителя Копателя и заодно, поругавшись с отцом разорвала со всеми связи. Встреча будет непростой.

– Вау. Вот это история, наболтал ты...

– Заткнись.

Оставшийся путь они провели в тишине.

Ее взгляд, поворот головы, ориентация в пространстве, да даже вздох – и тот был словно чужд этому месту. Любовь не просто излучала уверенность, она будто бы поглощала всю энергию вокруг и заменяла своей, принижая невидимой силой любую волю. В ней не было ни грамма страха или сомнения, все ее поведение можно было описать емко – власть. При этом власть не привычную – деньги или статус: тут было нечто совершенно неподвластное пониманию Козырева.

Люба рассматривала полноразмерный портрет Перната – основателя Монолита – тщательно, подмечая каждый мазок краски и состояние холста. Таких картин по пальцам сосчитать – редкость для Монолита, не в последнюю очередь из-за малого количества знаковых имен и лиц планеты Комы. Ее так увлекло лицо сорокалетнего крепкого мужчины с густой черной бородой и обрамляющими добрые глаза и легкую улыбку волосами, что недалекие умы прозвали бы ее, как это ни символично, влюбленной. Но на деле, как вскоре понял подошедший почти вплотную Козырев, неестественный для Монолита типаж лица и харизмы вновь оказался не таким однозначным на определение.

– Пернат правил Монолитом с основания – шестьдесят четыре года. Умер в девяноста девять лет. Великий человек, без которого это место было бы совершенно другим. – Ко-

зырев произнес это спокойно, внимательно следя за взглядом Любы. Выждав паузу, он задал главный вопрос: – Вы его знаете?

Когда она повернула голову, то обезоружила его все той же непоколебимой властью без заметных оттенков человеческих слабостей. В момент и вовсе кажется, что смотрит она не на него, а скорее сквозь него. Люба посмотрела еще раз на портрет, кратко и невинно улыбнулась, словно ребенок обрадовался чему-то простому и доброму, и смиренно села за стол переговоров. Не сразу, немного подумав и проследив за реакцией ожидания, Козырев все же сел напротив, позволяя ее доминированию затмить опаску за свою жизнь, если таковая вообще присутствует у этой женщины.

– Мне повезло быть осведомленной о вашем честном слове и здравом ходе мысли. Свойства редкие, почти чужеродные во многих кругах. Открывают созидателям исключительно мрачную перспективу быть потерянными в распрях чуждых и одинаковых столь же легко, как быть обманутым после заверенного словами – не делами – доверия. Сейчас ваши люди доверили мне их жизни и будущее, возобновив строительство этого места для их детей, внуков и правнуков. Они ведомы верой, пусть я и подкрепила свою позицию делом, но не стены придают им опоры, как и не моя рука поверх металла позволила мне быть здесь. Наша общая вера в единство...

– Хватит. – Козырев поступил вопреки своим убеждени-

ям, непростительно долго подбирая тон и эмоцию для одного-единственного слова. Лицо ее на этот неотесанный и достаточно громкий для напускной уверенности выпад замерло в интересе, глаза же пробились в его мысли и оставили свой след, словно приятная заноза. – Я не прочь дослушать вашу речь, но сейчас время – это самый ценный ресурс. Чем быстрее мы придем к общему, тем больше спасем жизней.

– Когда-то и у меня было особое отношение ко времени. Сейчас я уверена в одном – время не интересуется жизнью, не переоценивайте и не недооценивайте, такие критерии чужды в этом вопросе.

– Я сразу обозначу свою позицию, иначе мы так никуда и не придем – вы смогли каким-то образом нейтрализовать железную охрану.

– Я лишь спасала людей от того...

– Но вы не спасли. Нейтрализовано целых восемь солдат – приемлемая цифра, ущерб был ожидаем. Единственное, почему я остановил работу остальной сотни таких же, состоит лишь в одном – вы. На Монолите физически не может быть лишних людей. У всех граждан есть идентификатор, каждый имеет работу и должность, потому что мы индустриальный город, мы здесь, чтобы работать и создать крепкий фундамент для будущих поколений. Но вы, Любовь, не числитесь ни в одном списке, учете или базе данных этой планеты. Вы не заключенная Комы, не сотрудник Техгруппы с Опуса, не уж тем более с границ Топи. Впервые за сто лет у нас есть ли-

цо, которого нет в системе. Пластическая хирургия в Монолите отсутствует, воспитать ребенка вне системы невозможно, каждый прилет с Опуса проходит тщательное одобрение. Это настолько невероятно, что мы даже не подготовили защитников к такому. Вину признаем, впредь будем иметь и такой вариант. Но меня куда больше волнует вопрос, не кто вы, а откуда вы.

– Значение это имело бы при наличии хоть кого-то еще. Я одна и никого более привести за собой не имею возможности. Да и разве есть у вас время на бесценок информации? Ваши слова подтвердили обратное.

– Не согласен. Вы бросили свой дом или убежище по какой-то причине. Что вынудило вас покинуть то место? Это угрожает Монолиту? Раз вы были одни, то как давно? Где ваши родители? Как видите, вопросов у меня много и каждый имеет отношение к будущему Монолита.

– Вы боитесь меня?

Вопрос этот прозвучал не сразу, понять его истинную суть было невозможно, уж так хорошо она держала до сих пор раздражающую власть в своем поведении.

– Да.

– Жители Монолита же боятся Опуса. Они не хотят перемен, пусть их и не избежать. Их приучили к порядку и дисциплине, которые лежат в непоколебимой уверенности завтрашнего дня. Каждый знал свое место, приносил свой вклад, встречал опору рядом и становился опорой для сле-

дающего – настоящее строительство с верой в нечто большее, дающее каждому из всех маленькое предназначение добавит в этот мир нечто маленькое, но в успех великого. Теперь же эти люди столкнулись с провокаторами беспокорства и разрушителями порядка. Устранение раздражителя является неотъемлемой частью познания мира ради нахождения своей роли. На что вы рассчитывали, когда позволили ученым с Опуса вмешиваться в естественный порядок жизни этих людей? – После этих слов ее пронзительный взгляд чуть смягчился под несколько наивной улыбкой. – Мы с вами достаточно умны, чтобы видеть этот мир с другой, непривычной для людей, высоты.

– Вас нет в системе, нет родственников и начальства – объясняться не перед кем. А люди, те самые, которым вы дали ложное обещание в спасении... они переживут. Прямо сейчас я могу инсценировать ваше нападение на меня, дав себе непреклонное перед парированием доказательство.

На ее лице не дрогнула ни одна мышца. Вид был таким, как обычно смотрят на беспочвенные угрозы от того, чьи действия и даже мысли, как минимум в данный момент, разрешены именно ей.

– Я сама решила на переговоры. И я жду, когда мы их начнем.

– Чего вы хотите?

– Восстановить работу церкви. Дать людям вернуться к работе. Вы получите работающий Монолит, мне будет доста-

точно заботы о будущем.

– Слишком просто.

– Негодование к этому мне чуждо. «Ценить надо понятное, ради распознавания важного».

– У меня уже был один Наставник – предал наши идеалы и воззвал к революции.

– Я хочу это закончить.

– Зачем? Монолит не ваш дом.

– Для кого-то идеология, для большинства – вера. Спасение жизней в угоду созиданию произрастает в каждом поступке ищущего предназначение. Желай я иного, уже бы возглавила людей и оставила бы вам лишь капитуляцию.

– Как вы расправились с защитниками?

– У меня есть дар.

После этих слов она сняла перчатку с левой руки. Пальцы и кисть были покрыты маленькими, меньше ноготка мизинца, камешками, больше походившими на странные фрагменты мозаики. Между ними живой плоти оставалось на пару миллиметров и меньше, но при этом сами эти белые, почти плоские камешки выглядели мягкими, поддаваясь изгибам и движениям кожи. Выглядело не просто красиво – завораживающе. Любовь со всех сторон показала руку, чуть-чуть задрала рукав, и дала понять, что они распространились и на предплечье, после чего надела обратно перчатку. Лицо ее в этот момент, как подметил Козырев, все же проявило отличие от уже обычного – стало печальнее.

– Я буду откровенен. Ваши слова стоят очень малого. Куда надежнее с моей позиции загнать людей в углы, дать им выдохнуться, дожидаться капитуляции, устроить показательные казни, посадить часть в тюрьму, потом же усилить контроль, дабы через пару поколений немного переписать историю и...

– У нас нет столько времени. – Эти слова были громом, чья молния пронзает насквозь. Тон и взгляд ее были особенными, безошибочно доказывающими ее осведомленность и несостоятельность его лжи. – Вы не могли не догадаться, что мое появление не вызвано случайностью. Редкие скажут – стратегия, большинство укажут на везение, я скажу – судьба. Но ее непоколебимость преувеличена.

– Я не верю в судьбу. – Люба молчала, говоря глазами больше, чем он мог понять, что подталкивало более не играть в игры. – Я не люблю лгать, но порой приходится. Я знаю, откуда ты, Любовь. Знаю, кто ты. Но мне нужно было понять, прав ли мой единственный во всем мире настоящий друг насчет тебя.

После этих слов Козырев достал из ящика стола небольшую деревянную коробочку с вырезкой и поставил на стол. Впервые лицо Любы выразило человеческое удивление.

Письмо 6

Темнота прекрасна. Объятия космоса. Если ты только прибыл в солнечную систему ИМБ, то останься до ночи. Выключи все и отдайся девственной Вселенной. Здесь не видно звезд. ИМБ – это изгой в космосе. Система далеко. Отстранена от коллектива. Живет для себя. Это учит. Тьма лучше света. Тьма обволакивает, убаюкивает, заботится. Свет оголяет брак, сталкивает материю со смыслом. Когда свет, то идет конфликт. Свет показывает все лица, провоцируя на вопрос: кто я? Тьма же любит молча. Много не надо. Попробуй, если не боишься. Бояться стоит. Обратный путь сложен. Не все хотят видеть правду мира. Тьма скрывает брак от брака. Свет вынуждает видеть закулистье. Никакой лжи, свет ее не терпит. Лишь провокация и сражение. Тьма защищает от этого. Надеюсь утонуть в темноте. Зачем мне видеть свет? Все знают, след оставлен, ощущаю это даже здесь. На этой планете ожидалось новое начало. Опять. Вновь. Все вновь. Ошибка ожидания. Пишу для того, чтобы вспомнить. Не хочу забыть перед смертью. Нужно помнить. Последнее воспоминание важнее всего. Детство. Тогда все было лучше. Прекрасная ложь. Знаю историю любви. Красивую, честную. Счастье видно со стороны. Моя позиция наблюдения раскрывала любовь по-новому. Истинная красота. Больше

чем природа. Эта природа неправильная. Искусственно. Как и человек. Появилась причина прожить еще один день. Почти потеря воспоминания перед смертью. Не хочу такого. Надо хорошо вспомнить детство. Наивность, забота, семья, любовь. Друзья. Надо писать, чтобы ум работал. Голод, истощение, слабость. Все идет к смерти. Но надо дотянуть. Наступит новая тьма. Тьма должна наступить и обнять меня. Тогда и дам воспоминаниям жизнь. Дальше смерть. Последний момент жизни будет счастливым. Прекрасное окончание. Надо лишь дотянуть. Пусть все живет своими рельсами. Хватит перемен. Последняя попытка была важна. Тот отец умер. Не должен был. Все я. Вновь. Запишу, чтобы не забыть. Имен не будет, даже не думай. Это для меня. Любопытство привело в эту точку. Любопытство. Жалею о нем. С другой стороны, оно вскрыло закулистье. Правда, делиться этим не с кем. Даже если тут, то слишком мало, чтобы ты понял. В двух словах нельзя. Шанс ошибки велик. Я знаю. Знаю по себе. Знаю так хорошо, что ненавижу. Стоп. Хватит. Успокойся. Думай о хорошем. О тех, кто знал тебя. Кто был твоей семьей. Любопытство досталось мне. Строительство другу. Красота подруге. Она видела мир красивым. Таким красивым, как не могла описать. Пела, рисовала, созидала. Доброта не знала границ. Искусство было создано ею без мысли – интуицией. Рука природы, зеркало мира. А он помогал ей. Все видел в схемах. Изобретатель, аналитик. Думал быстрее, чем понимал. Тогда мы не знали про стены.

Мама и папа рядом, каждый удивлял другого. Не помню день поломки, было давно. Ну и хорошо. Помню долгую дорогу. Первый увиденный снег. Мы ехали долго, куда-то вперед. Тогда не было страха, лишь предвкушение нового. Остановки дарили впечатления. Фантазия обогащалась текстурами. Холод был первым маркером. Вторым стал снег. Красивый, белый, влажный, такой чистый. Первый раз узнали и увидели. Запомнилось навсегда. Костер каждый вечер, часто засыпали под темной Вселенной, единые теплом огня. Строили дом из дерева. Изучали зимних животных и растения. Так давно, словно выдумка. Но это не так. Это было. Точно знаю. Хорошо помню. Сидя в темноте, ощущаю пустоту. Должен быть костер. Должна быть семья. Должен быть дом. Без этого я – никто. Брак. Перед грядущей ночью буду это вспоминать. Каждую секунду. Может, сделать костер? Представить семью рядом? Да. Костер начнет гаснуть – и я вместе с ним.

Бесконечные стресс и напряжение стали для них слишком тесными мучителями и по совместительству спасителями, из-за чего сейчас и здесь, в прохладной темноте и пронзающей тишине, хочется просто упасть от бессилия. Мысли начинают скакать из стороны в сторону от непривычной свободы и отсутствия раздражителей. Но, помимо стойкого желания довершить уже дело, внимание их было украдено отсутствием... всего и всех. Под лучами фар их джипа отчетливо видны следы от колес грузовика, который служит группе передвижным лагерем и базой одновременно. Там же видно оставшиеся ящики с оборудованием и странные следы... словно тут дрались или что-то тащили.

– Мы точно туда приехали? – Бэккер спросил с тонкой издевкой. Оскар проигнорировал эту провокацию и решил просто позвонить.

Тошное отвращение и злоба читались на лице Бэккера достаточно явно для возникновения сомнений в его адекватности. Каждая секунда пробуждала в нем нечто необъяснимое. Оскар уже хотел спросить, отчего Бэккер смотрит во тьму вокруг так, будто бы следит за перемещением заклятого врага и испытывает его на стойкость, но внимание отвлекло отсутствие ответа на звонок.

– Бэккер! – окликнул его Оскар, и тот вернулся в реаль-

ность. – У нас тут проблема, соберись! – Тот сразу же осмотрелся. – Рода не отвечает, если ты никого не видишь и не слышишь, то надо помощь звать.

– У тебя есть только ее контакт?

– Да. Спрошу у Насти, может, что знает. – Оскар начал набирать ее, но внезапно наткнулся на отсутствие сети, будто бы сигнал попросту не доходит до него. Недовольные восклицания Оскара спровоцировали Бэккера показать тому свой напульсник с таким же нулевым сигналом.

– Посмотрим в пещере. Они могут быть там, – раздраженно вывалил Бэккер и направился прямо к дыре в плите, метрах в пяти наискосок от лучей транспорта.

Там уже стоял квадратный каркас для креплений троса, чтобы опуститься внутрь на тросе, чья работоспособность моментально была проверена Бэккером. При этом освещение отсутствовало, не только вызывая настороженность, но и позволяя черноте прятать Бэккера. Оскар успел переставить джип, дабы фары подсветили вход и готовящегося спуститься в колодец Бэккера.

– Ты собираешься туда вот так лезть? Давай вызовем...

– Прямо сейчас они могут там умирать из-за завала и камня, что умудрился по башке дать! Если их там нет, то позвонишь своей Настеньке!

– Эй! – Оскар схватил Бэккера за плечо и вонзился глазами. – Мы здесь по общему делу! Я вынужден тебе доверять, так что не провоцируй меня!

Бэккер долго смотрел в глаза раздраженного Оскара, потом молча кивнул, дал ему в руки трос и начал помогать надеть обвязку. Минуту спустя оба были готовы спуститься в бездонную пещеру, больше походившую на кишку вглубь планеты, которую вырезали квадратом совсем недавно, что ощущается неестественно: ведь кажется, будто бы они проникают в чужие владения.

Оба включили фонарики, потом огляделись вокруг и чуть ли не синхронно осознали мучающий дискомфорт тишины и мрака, чья безграничность так и манит избавлением от всех тягот Монолита. Никакого ветра, немного холодно, но скафандр справляется хорошо, при этом из-за невозможности увидеть звезды без телескопа чернота кажется чем-то материальным, перекрывающим обзор и доступ к остальному миру. Порой кажется: здесь, на просторе, они в большей тесноте, нежели там, внизу.

– Оружие есть только у тебя – иди первым.

– Мне не от кого их защищать. Крупных животных тут нет.

– Я думал, за сегодня ты усвоил ошибочность доверия человеческому фактору.

– Усвоил отлично! Поэтому ты и идешь первым.

Оскар толкнул Бэккера вперед, дабы тот вынужден был схватиться за крепление и начать спуск.

Изначально тесная «кишка» разрослась достаточно, чтобы по прибытии на дно расстелить ровную площадку метров

на шесть в диаметре. Бэккер не стал сразу же отсоединяться от троса в угоду более безопасному осмотру окружения, боясь не только наступить в возможную яму, но и спровоцировать чье-то излишнее внимание. Оскару он сказал зависнуть, дабы без помех изучить окружение. Но совершенно неожиданно для себя Бэккер не стал осматриваться вокруг, не говоря уже о том, чтобы сказать Оскару о небольшом тоннеле перед собой. Взбодрившая интрига манила с другой стороны пятиметрового тоннеля. Большинство познает страх, некоторые отдадутся невинному любопытству и трепету перед открытием тайн – но вот Бэккер...

Когда Оскар уже спустился и, ругаясь, догнал его, то сначала познал неопределенный страх: ведь небольшое помещение неизвестного происхождения стало очередным возбудителем спокойствия. Рассекая фонариками абсолютную темноту, выстроить примерное представление об увиденном отняло немного времени: помещение примерно в сотню квадратных метров с потолком примерно в два метра казалось скорее коробкой из металла с разными линиями на каждой поверхности и четырьмя большими квадратными столбами на равном расстоянии друг от друга в центре. Стены спереди, слева и справа были без дверей, а та, со стороны которой они вошли, и вовсе отсутствовала.

Посмотрев на молчавшего все это время Бэккера, Оскар увидел тайну не меньшую, чем причина существования этого места. Бэккер бродил настороженно, лишь поворачивая

голову и замирая в одном положении на минуту-другую, порой даже глазами не двигая – смотря в одну точку. Руки его были опущены, общее состояние недоступно для распознавания.

– Что ты знаешь об этой... этом? – Оскар светил фонариком прямо на безжизненное лицо Бэккера, но тот не замечал этого. – Как давно она здесь? Это Опус сделал? Здесь был Осколок?! Зачем тут это помещение?!

С каждым словом Оскар приближался к нему и спрашивал с претензией, откровенно устав от очередных тайн в черед бесмысленных открытий. Ожидание не оправдало себя – Бэккер так ничего и не ответил.

– Идем наверх. – Бэккер посмотрел на него неживыми глазами. – Ты тут не останешься.

Покорное следование удивило Оскара, сам он внимательно оглядывал все и вся, боясь ответа на вопрос: куда исчезла группа Роды?

Уже наверху, вновь в черноте, Оскар познал совершенный недуг, спасение от которого он видит лишь в необъятном желании поговорить с Настей. Осматриваясь вокруг и не видя вообще ничего, он отчетливо понимает – они зашли слишком далеко, чтобы потерять контроль. Если начальная цель была вроде бы проста, то теперь, помимо пропавшей группы, открылась неизвестно откуда взявшееся помещение с отсутствием видимой причины существования. Весь этот день шел настолько криво и косо, что, казалось,

уже ничем не удивить... Но все же ключевое состояло в том, что ранее причины и следствия были продиктованы понятными человеческими желаниями, а ныне все кажется слишком неестественным. Бэккер-то был прав: Оскар и правда хотел выслужиться перед отцом... Но теперь, столкнувшись с необъятным и непредсказуемым, он не хочет перепутать смелость и глупость. Поступивший звонок от Насти испугал его своей неожиданностью.

– Куда вы пропали?!

– Видимо, спутники барахлят, но не это главное. Настя, мы приехали, но тут никого нет. Я не знаю, где...

– Я знаю! – Оскар переглянулся с заинтригованным Бэккером. – Как только все увидите, сразу же за ними! Я в это время иду к твоему отцу и ввожу его в курс дела! Больше я никому не дам умереть!

Настя испугала их своей граничащей с истерикой яростью. Не успел Оскар и слово сказать, как она отключилась. Бэккер подошел ближе в тот момент, как Оскару пришел видеофайл.

Каким бы трудным человеком ни была Рода, что-что, а искренность окупала недостатки, потому что ложь считалась в ее глазах самым страшным преступлением, что не раз рушило дружбу и отношения в ее жизни. Рода никогда не плакала и не показывала слабость, сам Андрей, как отец, с каждым годом все сложнее мог найти с ней язык, а несколько лет назад она и вовсе закрылась от него и всех. Теперь же Оскар

знакомился с ней впервые, потому что от того человека не осталось и следа.

Неестественно испуганная Рода снимала себя сама, все время оглядываясь в поиске кого-то за пределами их грузовика. Она была не в кабине, а у двери, снимая весь салон, где горела лишь маленькая лампочка на полу под столом, создавая пугающие тени вокруг. Там же из тени появился Мориц и сел на пол – водитель, механик, технарь на все руки. Он открыл аптечку прямо на полу и, достав медицинскую ленту, обмотал левое предплечье, чтобы остановить кровь, которая так и хлестала сквозь куртку. На его лице были крупные кровоточащие царапины, одна из которых задела левый глаз. Как только он замотал руку, стал обрабатывать лицо и заклеивать царапины. Все происходило быстро, оба старались вести себя тихо, напряжение ощущалось столь четко, будто бы Оскар и Бэккер сейчас там с ними. Рода заговорила через силу, будто бы каждое слово могло убить ее в любой момент:

– Во время раскопок Копатель Шесть столкнулся с неопознанным существом. Признаков интеллекта не обнаружено. Высота метра два, длина два – два с половиной, шириной в метр-полтора. Крепкая шкура с волосяным покровом, четыре опорные конечности, мощная голова с зубастой челюстью. Оно крайне агрессивно, передвигается быстро и выдерживает выстрел из пистолета и винтовки в упор. За счет когтей и сильных мышц оно смогло забраться на высоту в двадцать

четыре метра по камням и грунту... Скорость передвижения по прямой около восьмидесяти километров, столько мы успели проехать, пока генератор окончательно не сломался после повреждений этой тварью, которая накинулась на транспорт сразу же, как вылезла из пещеры. Иных особей замечено не было. Сейчас мы застряли в километрах двадцати от Тиши. Тюрьма обладает крепкими стенами и защитой, и она ближе всего к нам. Если получится, мы сможем дойти, но если нет... пожалуйста, похороните меня с отцом.

После этих слов контакт прервался. В звенящей тишине Бэккер подбежал к клетке в пещеру и, приглядевшись, смог увидеть то, чего ранее они не заметили то ли из-за усталости, то ли потому что плохо смотрели: крупные следы от царапин на камнях, немного погнутые опоры клетки с фрагментами шерсти в разных местах. Стоило Оскару также увидеть это, как поступил сигнал о непрочитанных файлах. Это пришло второе сообщение от Насти, пока они смотрели видео, и там было несколько снимков этой самой твари: она вылезла из пещеры, съела того несчастного, кто смог убежать в страхе аж метра на три, неизвестный делает выстрел в тушу, та отворачивается, а потом испачканная свежей кровью волосатая морда накинулась на транспорт – изнутри и был сделан последний снимок.

«Больше я никому не дам умереть». Вновь и вновь эти слова питают Настю силой столь большой, сколь и разрушительной. Отринув сомнения, она стремительно движется к генералу с четким и непреклонным требованием дать ей ресурсы для спасения Роды, Морица, Оскара и даже Бэккера. Терять ей уже нечего, какая-либо карьерная перспектива и без того почти потеряла смысл, освободив место для разгорающегося чувства ответственности за своих людей.

Когда они с Томасом наконец-то узнали, где будут происходить переговоры, – в музее государственного блока, – то сразу же ринулись туда. Минуя охрану и роботов среди коридоров, они оказались у небольшого зала, где ожидали протестующие, мирно пришедшие под лидерством Любы. Ожидющие вердикта граждане Монолита готовы были сдать себя или даже принести себя в жертву, как некая гарантия с их стороны в доказательство серьезности намерений добиться мира. Человек сорок, почти все мужчины, многие с травмами физическими, но не моральными, они стояли группой молча и смиренно, зная, что в случае неудачи сбежать или контратаковать не получится. Если Томас еще сдерживал себя и лишь грозно смотрел на эти любопытные, чуть ли не невинные лица, то Настя готова была прямо сейчас вцепиться им в глотки. Глаза ее пылали, презрение столь сильное, что способно

заразить любого на ее стороне. Что-то при виде этих людей – хотя и людьми она их больше не считала – в ней щелкнуло, запущенная от ярости реакция почти затмила ее изначальную цель. Казалось, сейчас она бросится на них и зубами вцепится в горло каждому. Томас смотрел на нее и впервые испытал настоящий страх перед этой женщиной. Ему уже хотелось увести ее, помешать новому кровопролитию, но тут и случилось открытие: Настя взяла себя в руки. Пусть глаза ее и пылали самой раскаленной ненавистью, тело все же подчинялось разуму. Та минута, что они стояли метрах в пяти от бунтовщиков, показалась целой вечностью, отчего оставшееся расстояние было пройдено быстро. Осталось пробиться через личную охрану, которой был дан четкий приказ никого не впускать. После тщательного и агрессивного доказательства необходимости увидеть генерала незамедлительно готовая взорваться в любой момент Настя прибегла к ранее невозможной в ее исполнении и даже мысли крайности:

– Немедленно доложи о моем приходе, иначе я расшатаю ту толпу – и будь что будет, ибо если я не доложу о новой угрозе, то все это уже будет лишним!

Никто, даже Томас, не хотел верить в неестественный для нее шантаж – но с каждой секундой это менялось. Они уже хотели арестовать ее, причем вместе с Томасом, но тот, внезапно даже для себя, успел одним прицельным ударом по челюсти подошедшего охранника заявить об окончании переговоров. Оставшиеся стоять на своих двоих двое не успели

нацелить на них оружие: Настя направила пистолет на вытянутой руке в одного, Томас автоматом – на другого.

– Вы просто исполняете работу. – Томас был громким голосом разума. – Я понимаю. Но мирный договор будет бесполезен, если мы еще промедлим.

Охранники переглянулись, усталость в них читалась отлично, да и Томас с Настей все же имели авторитет помимо должностей и допусков. Когда двери открылись и они оказались в музейном зале, то сразу же привлекли внимание Козырева, чей активный разговор с Любой у портрета Перната сразу же прервался. Козырев ничего не говорил, достаточно было сурового взгляда и защищающей Любу позиции. Сначала он посмотрел на охрану – те пересказали события. После он взглянул на Настю, ожидая ее объяснения. Она убрала пистолет, Томас последовал ее примеру, потом отдала охране оружие, прояснив отсутствие боезапаса, что незамедлительно было проверено и подтверждено.

– Бэккер рассказал о местоположении второго Осколка. – Настя начала с самого главного, изначально навязывая свои правила. Козырев не повел и бровью, Люба же заинтересовалась и встала вровень, разглядывая Настю. – Я отправила людей к точке координат, чтобы забрать Осколок и уничтожить, но они столкнулись с проблемой, и мне нужна помощь армии, пока еще не поздно! – Козырев стоял неприступной горой, Люба же выступала проявлением аккуратной чувствительности. – Они нуждаются во мне, они нуждаются в лиде-

ре, который будет отстаивать их жизни и работу, несмотря ни на что! Это мой долг и это честь для меня – быть этим человеком!

– Я вижу в тебе много несправедливой боли. Не позволяй ей диктовать тебе...

– Заткнись!

– Анастасия! – Козырев впервые заговорил.

– Сэр, если вы дадите приказ, я буду с ней вежлива, но сейчас моя задача – спасти моих людей! А не слушать чужака. Я уже несколько часов пытаюсь добраться сюда и сказать лично. Но, начав переговоры, вы стали недоступны, а наведение порядков не позволило нам сразу же прийти сюда из-за военного положения, потому что в системе я пока не получила повышение со всеми доступами!

– Но у нас наступил мир, люди более не подвержены вражде. – Люба вновь проявляла свою харизму.

– Сэр, я говорю не про людей. – Настя уперлась взглядом в генерала, целиком и полностью доказывая всем своим видом серьезность ее слов. Козырев взглянул на мрачного Томаса, чей краткий кивок был вполне убедительным подтверждением. – Сэр, у нас мало времени, группу надо вытаскивать, они сейчас в пустыне, одни, без поддержки!

– Осколок не уничтожать, Бэккера привести ко мне в целости и сохранности – это приказ.

Козырев с трудом согласился с ней. Он уже собрался сказать, что после выполнения задания она и Томас подверг-

нутся наказанию за нарушение субординации, как внезапно вспомнил – его сын был с ней. Это разрушило его броню и открыло человеческую сторону. Жизненно важный вопрос сопровождался шагом вперед:

– Где сейчас мой сын?!

– Он отправился за Осколком.

– Почему ты сразу же не сказала, что там Оскар?! – Рычание прорвалось сквозь зубы.

– Я должна знать, что вы мыслите здраво! Вы назначили меня на эту должность, и я требую с ней считаться! Раз я говорю, что мне нужно, значит, у этого есть достаточное основание важности! Ваш сын не должен быть выше Монолита, и вам это известно! Вы согласились до того, как узнали про него, – это заслуживает уважения.

Не то что Томас – даже Люба удивилась ее тону и характеру, который возымел от генерала реакцию, не менее пугающую для свидетелей, чем ее наглость. Сам Козырев не ожидал в себе такой злобы хоть на кого-то, не говоря уже о Насте, извечно примерной и порой даже слишком гибкой для работы юной девушки. Чутье сказало ему: сейчас такие люди нужнее всего. Проверая на прочность Настю, Козырев смотрел в ее мрачные глаза и встречал неуправляемое упрямство – она даже не моргала. В этом положении он достал наушник с запястья, вставил в ухо и приказал проводить Настю и Томаса до вертолета, дать им все необходимое и принять ее командование.

Большой вертолет изначально был готов к вылету в ожидании худшего сценария для Козырева. Когда же Настя и Томас поднялись на крышу блока, он уже начал подготовку к взлету: лопасти начали раскручиваться, когда им навстречу пришел и позвал с собой капитан выделенного Козыревым отряда – Слэйд. Они все быстро оказались внутри вертолета, где шустро пополнили боезапасы, употребили первую за многие часы еду и переоделись в новые скафандры, как те, в котором был Бэккер. Только вертолет поднялся в воздух, Настя провела инструктаж, показала видео Роды и обозначила приоритеты. Все произошло быстро и без промашек, время уходило, и оставалось думать лишь об одном: успеют ли они спасти друзей...

– Какие мысли насчет этой Любы? – Вопрос Томаса вырвал Настю из пучины терзаний.

– Ничего не думаю.

– Что, совсем ничего? Мне показалось, что они теперь лучшие друзья с Козыревым.

– Если эти вопросы для того, чтобы меня отвлечь, то не надо. Спасибо, но не надо.

– Либо я пытаюсь понять, что творится у тебя в башке, ибо вижу, как ты теряешь контроль. – Требовательность Томаса удивила ее. – Твой подход там – это неправильно. Умолчать

про Оскара и...

– Не важно. Все сработало! У меня есть работа, и я ее делаю, иначе погибнут наши с тобой друзья. Вновь!

– Ты перегнула палку.

– Нет, я сделала то, что могла сделать только я. Любой из вас на моем месте не дал бы такого результата, но вы сделаете другое, в чем уже я окажусь не столь сильна. Каждый на своем месте, иначе все зря.

Томас молча смотрел ей прямо в глаза, прекрасно ощущая личную подавленность из-за того, в кого превратилась Настя. Сам того не осознавая, машинально и безвольно он произнес очень чувственно, как обычно говорят про себя:

– Не становись таким человеком.

Что-то внутри нее кольнуло, это сразу стало заметно по глазам и сбивающему броню смятению. Она отвела взгляд, глубоко уйдя в себя на несколько минут, пока не услышала голос капитана через наушники о прибытии через десять минут. Настя вновь посмотрела на Томаса и резко бросила вопрос, дабы тот пресек ее нравоученье:

– Не хочешь с братом поболтать?

Он не хотел поднимать эту тему, желая изначально просто сделать работу независимо от того, кто рядом. Но стоило вопросу спровоцировать размышления об отказе в этом запросе, так оказалось, что уже проще и вправду перекинуться парой слов, нежели соблюдать неловкое молчание.

Томас посмотрел на Слэйда, сидевшего наискось ближе к

кабине, на стороне Насти, и спросил, будто бы для отчета:

– Как Аня?

– На третьем месяце, уже второго ждем.

– Молодцы.

Внимательно поглядев друг на друга, крайне похожие друг на друга братья будто бы и вовсе отключили контакт между собой, чуть ли не забыв о последних словах. Но, как это и бывает, неловкое напряжение никуда не делось.

– Как закончим, – Слэйд заговорил громче, явно обладая большим артистизмом, чем младший брат, показывая профессиональное властвование над любой ситуацией. – Ты заходи, че уж, хоть родню повидашь, а то пацан тебя и не знает, как-то неправильно это, не думаешь?

Ничего не сказав, Томас лишь пару раз кивнул, прекрасно зная, как мало шансов этому свершиться по очень сложным и личным причинам. Пропасть между ними всегда была слишком большой еще до того, как Слэйд потерял обоих родителей. С того момента Томас в одиночку нес тяжесть горя, толком не высказав Сдэйду и пары слов в оправдание. Слэйд знал ту самую неприглядную сторону родителей, но все же не разделял решения младшего брата, что вылилось в сжигание последних точек взаимосвязей. Томас все думает, что по-хорошему надо бы растопить этот лед и... и что? Он и не знает, каково это – создать семью и просто жить, словно ничего не было. Может, так и лучше, решает он в итоге, ведь, как показал этот день, порой попытка что-то изменить

делает только хуже.

Настя все это время сидела молча и лишь наблюдала, вроде бы и желая выступить провокатором перемирия, но что-то мешало ей лезть в эту историю.

– Ты выходил на связь с Оскаром?

Томас отрицательно повел головой. Тотчас же ее пальцы начали бегать по напульснику, набирая контакт. Минуту спустя никто так и не ответил, она сразу же набрала Бэккера – та же история. Томас испытал очень плохое предчувствие на этот счет, но, к сожалению, на предположения не осталось времени – они прилетели на место.

Первое и главное, что они увидели под лучами прожекторов, когда открылась боковая створка вертолета, – перевернутый вверх ногами, искореженный от сильного взрыва грузовик, в котором, если верить видео, прятались Рода и Мориц. Метрах в десяти от него располагалось возвышение с пещерой внутри. Первые же мысли не заставили себя ждать – либо они погибли, не успев добраться до укрытия, либо успели спастись. Но оба варианта не отвечали на ключевой вопрос: где сейчас тварь? Проверка на тепловую сигнатуру не принесла и намек на наличие хоть кого-то в живых. Вполне вероятно, кто-то мог остаться под немного утонувшим в мягком песке грузовиком. Облетев немного вокруг и не найдя хоть каких-то иных следов, было принято решение разведать место ради поиска выживших. Вертолет завис так, чтобы с левой стороны солдаты могли держать пещеру на при-

целе, а с правой – спокойно опуститься к транспорту. Настя и Томас получили приказ оставаться на месте, пока Слэйд с командой не доложит о безопасности территории. Все происходило быстро, темнота вокруг разрезалась несколькими прожекторами, солдаты спустились вниз на тросах и сразу же подбежали к грузовику под немного поднимающимся песком от лопастей.

Возрастающее с каждой секундой напряжение избавило всех от лишних мыслей, сконцентрировав внимание на происходящем внизу. Настя оглядывалась вокруг и не могла не заметить отсутствие джипа Оскара и Бэккера, но стоило уделить этой странности больше секунды, как внизу случилось неожиданное – зверь вынырнул из песка и сделал всего два шага для прыжка к вертолету. Расчетливо и агрессивно рычащая туша успела встретиться глазами с Настей прежде, чем чуть не дотянуться до нее, благо пилот успел поднять транспорт выше. Монстр упал вниз и незамедлительно набросился на солдат. Игнорируя крупный калибр, он разорвал одного и второго, оставив Слэйду лишь мгновение на маневрирование. Между ним и зверем теперь был грузовик, послуживший укрытием от рыщущего чудовища, чьи шаги были тяжелые, а рычание – громкое и злобное. Вертолет держался на высоте двенадцати метров, иначе монстр сможет до них допрыгнуть. Он развернулся так, чтобы двум оставшимся солдатам открыть огонь на поражение с высоты из крупнокалиберного оружия, что хоть и не убило противни-

ка, но хотя бы отвлекло от Слэйда. Но существо словно и не замечало попаданий по плотной шкуре, лишь немного уводя морду и сохраняя пугающее спокойствие, будто бы то было не животное – мыслящее существо, неспешно анализирующее своих врагов. Подобный признак интеллекта вынудил Слэйда применить иной план – он добежал до пещеры, потом приказал прекратить огонь и указать твари на него светом. Приказ был исполнен, тварь побежала к нему – и только Слэйд скрылся в темной пещере, как все услышали: «Попробую запереть». Томас не успел и слова крикнуть, лишь услышал: «Пригляди за моими, братишка!» Несколько мучительных секунд завершились чудовищно оглушительным взрывом, подняв, словно одеяло, полотно возвышения и уронив вниз, запечатав выход как для противника, так и для Слэйда.

Сквозь шок начали пробиваться совсем чуждые чувства страха перед неизвестным, чья необъятность сокрушает любую волю. Видеть воочию этого зверя, это чудовище, похожее на совершенного убийцу во время того, ради чего оно существует, – это безоговорочная капитуляция каждого идеала и того придуманного будущего, ради которого Настя жила и работала всю свою жизнь. Ведь если такое присутствует на планете и они до сих пор не видели это за сотню лет... что же еще может быть здесь? Может быть, ради этого и была возведена квадратная стена вокруг Монолита? Что если роботы были построены именно ради... нет-нет-нет, хватит, нельзя тонуть в жалких попытках перестроить систему ко-

ординат.

Оставшиеся двое солдат – Менард и Юрий сначала молчали, мысленно прощаясь с товарищами. Менард сказал общую мысль:

– Мы спустимся и убедимся, что эта тварь сдохла окончательно.

Пока Настя приходила в себя, Томас осмотрел обоих для подтверждения намерений и спросил нейтрально, до конца не веря в смерть брата:

– У нас же все писалось в штаб? Они видели, с чем мы имеем дело?

– Да. – Юрий говорил уверенно. – Камера с каждого передает картинку и звук, так что не беспокойтесь, все увидели и все знают. Еще один повод нам спуститься – добыть больше сведений.

– Томас, – заговорил Менард заботливее, – твой брат был и нашим братом, нельзя его оставить. Пока его тело не найдено, мы не...

Настя повернулась к ним, тон был пугающе отчужденным.

– Хотите отомстить? Летим туда, откуда эта сволочь вылезла. Это приказ!

Но времени пережить эту трагедию не было – они прилетели. Прожектор сразу же осветил стоявшего в паре метров от колодца робота – та самая экспериментальная броня на основе экзоскелета рабочих, которая была в Авроре. Два с половиной метра в высоту, массивный и цельный, он был рассчитан на полную изоляцию человека внутри, дабы тот без угрозы для здоровья мог посещать опасные места. Только вот этот был изменен – множество черных пластин неизвестного происхождения было прикреплено почти по всему корпусу, что сделало его более устрашающим. В центре, на груди, был самый непонятный кусок: некий прямоугольный блок, от которой с десятков толстых проводов, словно артерии, окутывали остальную броню. Шлем же был без глаз, закрытый, черный, очень похожий на те, которые носят со скафандрами. Справа от этой машины стоял большой грузовик, как раз с манипулятором для перевозки таких машин и складывающейся крышей. Грузовик был в рабочем состоянии, фары как раз подсвечивали робота и колодец, при этом джип, на котором Бэккер и Оскар отъехали с Авроры, стоял с другой стороны колодца, метрах в десяти, в нерабочем состоянии.

Настя приказала им держаться в воздухе на всякий случай – вдруг появится очередная тварь. Вместе с Томасом они

спустились на тросах и сразу же пошли навстречу роботу, подавшему признаки жизни двумя уверенными тяжелыми шагами им навстречу. Томас не понимал, стоит ли держать его на прицеле, а вот Настя шла к нему, не колеблясь. Между ними осталось метра три, когда голос изнутри сказала простое: «Стойте».

– Что здесь происходит?! – прокричала она, недоумевая.

– Вы смогли убить существо? – Голос был приглушенный, шел из динамиков.

– Мой брат похоронил его вместе с собой в пещере! Остальные, скорее всего, мертвы! – Томас также кричал, скорее, уже из-за непонимания, чем желания быть услышанным. – Где Оскар и Бэккер?! Почему они не пришли на помощь Роде и Морицу?

– Потому что время на исходе. – После этих слов шлем сдвинулся вверх и открылось лицо владельца. Оно не было старше, оно не было моложе, казалось, и вовсе не изменилось с того момента, когда Настя видела его последний раз. Петя смотрел на Настю глазами, полными боли и сожаления, смотрел прямо в ее глаза и, сам того не ведая, пресек уже подступающие вопросы: как он смог выжить? почему он здесь? где был и чье тело там лежало на Авроре? Настя и Томас потеряли дар речи. Глубина боли в голосе Пети конкурировала с неопишуемым сожалением:

– Прости меня, Настя. Я не хотел такого и не хотел, чтобы кто-то еще пострадал. Пожалуйста, помните, Настя и Томас,

помните, что я неплохой человек. Я бы хотел, чтобы все было иначе... отдал бы все ради этого... Но выбор у нас небольшой. Вам нужно начать эвакуацию Монолита как можно скорее. Генерал должен вывезти гражданских с этой планеты, иначе все погибнут. Просто улетайте, корабли у вас есть. Пожалуйста, просто сделайте это... мы неплохие люди, не забывайте нас плохими людьми...

Петя заплакал, внутри него так и скребется что-то столь ужасное, сколь невозможное в описании. После этих слов Настя уже открыла рот, но увидела поднявшегося из колодца Юста. Это был человек, смирившийся с тем, о чем говорил Петя. Он подошел к нему и встал рядом, осмотрел Настю, потом Томаса, хотел что-то сказать, явно скорее извиниться или проститься, что-то ближе к дружескому, – но промолчал, так и не подобрав ни единого слова.

– Все готово, – произнес он Пете и ушел, сев на водительское место грузовика.

Томас уже хотел направить оружие... на кого-то, что-то сделать, ведь от такого расклада и без того ходивший на грани Томас окончательно потерял связь с координатами восприятия мира.

– Не надо. – Петин тон сыграл роль большую, чем слово.

– Я не... я ничего не понимаю! Как ты... почему... Откуда ты жив?! Где Оскар? Где долбаный Бэккер?!

– Оскар в том джипе. Он без сознания. Заберете его после того, как мы уйдем. – Петя старался говорить ровнее. –

Эвакуируйте город, пожалуйста.

Настя направила пистолет в голову Пети, на лице его не дрогнула ни одна мышца.

– Если убьешь меня, то это изменит тебя навсегда. Не делай этого.

– Он прав, я сам это сделаю! – Томас был взбешен, Настя же от бессилия уже не могла держать оружие, и оно упало на землю. Бегающий взгляд Насти раскрывал болезненную попытку собрать разбитую картинку воедино, но тут она увидела Бэккера. Он вышел из темноты со стороны грузовика – видимо, был в кузове все это время. Медленные и тяжелые шаги, опущенный взгляд и свисающие руки с небольшой осанкой... Он встал рядом с Петей.

– Настя... улетайте отсюда. Просто поверь мне. Пожалуйста. Тебе нужно мне поверить. У меня все получится. Я обещаю тебе. Обещаю, что у меня все получится. Ты должна верить мне. Я обещаю, что все получится.

Настя уже хотела подойти к нему ближе, но внезапно, так и не посмотрев ни на кого, пугающе мрачный Бэккер развернулся к ним спиной. Идя уже более уверенными шагами обратно к грузовику, Петя отсек Настин порыв догнать его словами:

– У вас есть минут пять, пока они не проснулись.

Шлем закрылся, Петя сделал два шага назад, в груди его открылась та самая прямоугольная коробочка – внутри оказался осколок. Настя и Томас видели слишком отчетливо, как

внутри Осколка загудела необузданная энергия, которую костюм смог перераспределить в правую руку робота, чей удар о землю сначала показался обычным столкновением железа и камня. Петя выпрямился, под пылевой завесой оказались большие трещины в полотне, изнутри которых резко вырвались ярчайшие белые лучи с последующим толчком из-под земли, вынудившим Настю и Томаса упасть. К моменту, как пыль рассеялась и оба смогли чуть-чуть прийти в себя, Петя уже был в кузове уходящего от них вперед грузовика. Из колодца они слышали жуткий и уже знакомый рев твари... множества тварей. Если бы Менард не крикнул скорее садиться в вертолет, то шокированные Настя и Томас так и остались бы на месте, поглощаемые землетрясением и шокком. Подбежав к джипу, они вытащили бессознательного Оскара и без промедления погрузились в вертолет.

Темнота ночи уже рассеивалась, уступая место раннему утру, ознаменовав начало нового дня. Дня, который они встретили ужасающим видом: от того места, куда Петя ударил рукой робота, стали появляться все новые и новые трещины, разрушая каменное полотно на сотню частей, большинство из которых стало падать вниз... туда, откуда уже начали вылезать новые и новые особи яростных созданий. Вертолет успел подняться метров на пятнадцать, солнечные лучи ударили Насте в лицо, заморозив своей яркостью столь сильно, что она уже не слышала рев десятка особей, устремившихся в сторону Монолита.

Запись 7

Все пошло не так. Вместо сбора дров на последний день жизни пришлось наблюдать страшную, невыносимую своей трагедией сцену. Огромный лабиринт был разрушен, вокруг изнанка природы. Блуждая, слушая, наблюдая ужасную конструкцию ради последнего впечатления, чужой голос разразил покой мертвых. Вдалеке некая девушка, красивая, золотистые волосы, худая, шла по прямой. Куда-то в сторону от меня, игнорируя все вокруг. Шагала из последних сил. Упрямая. Знакомое состояние. Прямо через конструкцию лабиринта, не боясь нависших кусков. Впереди был замечен мужчина. Удивительно. Откуда он тут? Худой, обросший, грязный, походивший на механизм, он что-то копал. Видно, было трудно. Куски лабиринта мешали. Мысли о последнем дне замерзли. Любопытство еще живо. Или это страх? Нельзя вмешиваться. Читатель, пойми, мне нельзя. Одна из причин, почему я здесь, когда этого запрета не было.

Эта женщина кричала ему, рвя горло. Он увидел ее, выронил лопату. Встал столбом. Она гневалась из бездонной глубины боли. Она обвиняла его во лжи. Обвинения самые личные: «Ты просил поверить тебе», «Ты обещал, что все получится», «Я смогла поверить тебе», «Ты обманул меня», «Ты обманул нас всех», «Ты ошибся», «Я ненавижу тебя».

Подобное она выкрикивала вновь и вновь, последние силы, еле живая. Всю себя отдала этому горю. Между ними больше чем дружба или работа. Все в нем кричало о скорби. Она тогда направила на него пистолет. Руки еле держат его, тело вот-вот сломается. Он смотрит на нее. Долго. Время замерло. Готов принять смерть. Он виноват, это видно и ощущается. Сомнений нет. Поражает глубина тишины. Потом она упала в слезах, истерика ломает ее. Мужчина уже хотел подойти, но женщина резко поднялась. Кукла на веревках. Кинула ему пистолет. Он долго смотрел на него. Потом на нее. Когда взял против воли, то услышал от нее: «Ты заслужил». Мужчина выстрелил в нее. Тело женщины упало. Мужчина подошел к ней, обнял. Его крик разнесся вокруг громом страданий.

Стоит сменить ракурс – картина открывается целиком. Он здесь давно. Чувствует себя уверенно. Работает усердно. Вновь копает, чтобы похоронить эту девушку. Теперь ты поймешь, почему сначала имена опускались. Страх перемен слишком большой. Спустя время, пишу уверенно. Среди пустыни, песка и горячего ветра картина оказалась пугающей, запоминающейся до боли. Это событий изменило все. Для них наступил конец. Окутанная таинственным прошлым трагедия. Имена дошли до меня, они применяли их друг к другу. Ее звали Анастасия – Настя. Красивое имя. Человек, который убил ее вопреки желанию, был обозван Бэккером. Странное имя. Ее могилу он закапывал с особыми

чувствами. Его боль передалась мне. Но не только боль. Его упрямство, его сила воли. Откуда они? Потому что потом случилось неправильное, но необходимое. Он продолжил хоронить людей. День за днем, неделю за неделей, копать могилы, десятки могил. Вытаскивать старые тела и хоронить. Неизвестно, откуда Бэккер черпал силы заниматься страшной работой. Вопреки. Вновь и вновь.

Продолжение следует...